

Лиза ГАМАУС

УБРАТЬ ИИ
ПРОПОВЕДНИКА

Когда-то он, интуитивный эмпат самого высокого уровня, был театральным актёром в столице, но играл всегда батлеров или прислугу. Зато рядом была она, недоступная прима. Однажды она решила открыть ему тайну Подземного мира. Если он выполнит одно условие, то они будут вместе и навсегда молодыми. Если бы он знал, какую судьбу он получил...

Пришло время высокотехнологичной подземной цивилизации искать пути общения с жителями поверхности Земли, пусть и слаборазвитыми и со смешанной генетикой пришельцев. Для этой цели глава подземных жителей, Жрица Наами, вербует подходящих людей с большим количеством нейронных связей и желателно творческих личностей, делает из них воинов, подготовленных сражаться с ИИ Проповедниками сигнала из далёкой галактики, пробирающихся во власть правительств. Она так обворожительна, эта Наами...

Пролог

Богдан стоял на открытой части застеклённого моста Богдана Хмельницкого, облокотившись на парапет и уставившись на то, как ползёт тёмная вода в Москве-реке. Носить редкое имя не так просто, как может показаться со стороны, а если человек его носит ещё и не в честь любимого родственника или какого-нибудь героя, а просто так, неизвестно по какой причине, то имя становится ещё ошутимее, как ноша. С таким именем далеко не убежишь и особо не спрячешься. Имя многое определяет в судьбе, поэтому лучше всё-таки постараться его полюбить. Богдан был совершенно уверен в том, что не обязан своим именем выдающемуся гетману Войска Запорожского, полководцу Богдану Хмельницкому, в честь которого был назван московский мост. Но ему всё равно нравилось, что есть такой мост. Он часто сюда приходил — постоять над водой. А вот фамилию свою он любил, — Петухов. В народных верованиях славян петух являлся вещей птицей и наделялся способностью противостоять нечистой силе. Богдан это всегда помнил.

Он взглянул на небо, на котором уплывали остатки серых туч, висевших над столицей последние две недели, и так и замер с задранной головой.

— Молодой человек, извините, пожалуйста!

Рядом стояли две девушки на высоких каблуках, с довольно яркой косметикой, в мини платьях и с маленькими сумочками. Богдан медленно повернул голову в их сторону.

— Сфотографируйте нас, пожалуйста, в полный рост. Чтобы не как селфи, — сказала та, у которой были длинные светлые волосы, вытянутые до состояния целлофановой бахромы.

— Тебя Света зовут? — посмотрел ей в глаза Богдан.

— Да — робко согласилась девушка.

Чего только не было в её глазах! Разговаривать с таким красавцем в центре Москвы перекрывало все непосильные расходы на дорогу в столицу. Его облик, начиная с синих, как светящаяся лампа в ЛОР кабинете глаз, элегантного пиджака цвета хаки и заканчивая коричневыми ботинками на толстой подошве, приводил её в опьяняющее смятение. Принц. Рыцарь. Телеведущий.

— Свет, ты чё? — слегка подтолкнула её сзади подруга. Она перевела более приземлённый взгляд, чем Света, на молча смотревшего на них Богдана.

— Ты отлично справляешься с гончарным кругом, Нина! — улыбаясь, кинул ей Богдан.

Девушки переглянулись оторопевшими глазами. Если Нина только начала их широко

открывать, то Света давно их уже держала широко открытыми.

Нине Богдан тоже нравился. Он не мог не нравиться. Это был парень другого круга, с совершенно другой жизненной орбиты, которого даже в самом центре Москвы редко можно встретить, ну, то есть, можно, но один раз, как сейчас. От него исходила мощь, уверенность, высшая математика. А морда была просто убивающей наповал. Кадык этот Откуда он знал про гончарный круг, который стоял в подвале бабкиного дома? Как его делить, и на кого он глаз положил — судьбоносный вопрос. У Светки ноги длиннее.

— Свет, сдались тебе эти фотки! Пошли отсюда! Маньяк какой-то! — Нина потянула подругу за руку. Это было непросто, но Света всё-таки сдвинулась с места, — пошли, слышь! В этой Москве одни придурки. Заведёт в какой-нибудь лофт с белыми диванами, где тебя с овчарками не найдут.

— Какими овчарками? Ты о чём? — пролепетала еле слышно Света.

Богдан уже уходил. На паркинге у моста стояла его машина, куда он и направлялся. К восьми надо успеть в клинику. Про девчонок в платьях он сразу же забыл. В кафе на улице «1905 года» его ждала Виктория. Ехать было всего ничего — выехать на Ростовскую набережную и по прямой до второго правого поворота.

Виктория выбрала самый дальний столик, из-за которого было видно всё кафе сразу. Перед ней стоял прозрачный чайник с зелёным чаем, белая чашечка с блюдцем и рядом какое-то шоколадное пирожное, до которого она ещё не дотрагивалась. Одного взгляда в её сторону было достаточно, чтобы определить её социальное положение — достаток, который не вызывает ни малейшего сомнения и которым уже не кичатся, а просто давно в нём живут. Как точно живут в плане чувств и планов на будущее, это, правда, другой вопрос. На пальце блестел крупный бриллиант, бежевый летний костюм из грубого шёлка удачно оттенял её светлые волосы, уложенные лёгкими волнами, на стуле рядом лежала сумочка молочного цвета с золотой фурнитурой из кожи экзотической рептилии. Виктория сидела, подставив под голову открытую ладонь левой руки. Глаза были грустные, а выражение лица задумчивое. На вид ей можно было дать лет сорок, собственно, ей и было сорок два года. Она тут же увидела Богдана, едва зашедшего в кафе, и широко улыбнулась, махнув рукой.

— Я купила билеты. Через два дня самолёт. Не могу ещё поверить, что увижу детей.

— Вы им сообщили о приезде? — спросил Богдан.

— Я попросила одного надёжного человека им это сказать. Осторожно. Ещё не уверена, что всё кончилось. Лечу кривым рейсом.

— Мужу сейчас не до вас.

— Богдан, как я вам благодарна! За всё, не только за это. Я не могла уехать, не повидавшись и не поблагодарив.

— Виктория, смотрите на всё, что случилось, как на большую удачу. Просто так получилось.

— Ничего себе, просто получилось, — она нервно провела рукой по волосам, — Богдан, хочу вас поставить в известность, это мало, кто знает, но мои дети не его дети.

— Вы хотите сказать, что ваш муж не является физическим отцом ваших детей? — удивился Богдан.

— Точно это я и хочу сказать. Закажите себе что-нибудь. Здесь отличные пирожные без сахара.

— Я выпил бы кофе, — он сделал жест смотревшему на него официанту, — продолжайте, Виктория.

— Так получилось, что я осталась с двумя маленькими детьми после гибели их отца в очередной пьяной драке. Язык не поворачивается сказать «настоящего отца». Знаете, есть такой тип конченных алкоголиков и раздолбаев.

Богдан кивнул.

— После этого кошмара, пошла работать маникюршей в закрытом салоне на Рублёвке. Обрезать кутикулы — не большая наука. Туда брали девушек с высшим образованием развлекать гостей. Я, смешно сказать, астрофизик. Орлов предложил мне сделку. Ему нужна была видимость семьи и прочее. Я согласилась, потому что не было сил жить.

— Сколько было детям?

— Саше три, а Маше два. Совсем маленькие. Отчаяние, Богдан. Никому не пожелаю. Не мать есть мать.

— Мать — это, говорят, сильно. Мне вот не пришлось это испытать.

— У вас не было матери? — с сожалением спросила Виктория.

— Не было. Я детдомовский.

— Но вы — особенный случай, что уж там. Надо же! Она бы вами гордилась.

— Он их усыновил? Ваших детей? — вернулся к теме разговора Богдан.

— Да, конечно. Он, правда, ими никогда не занимался. Просто их не замечал. Поселил нас в том самом огромном доме, который я хотела продать, обеспечивал довольно щедро, работать мне, естественно, запретил. Как только им исполнилось семь и восемь отправил учиться в заграничный пансион. Они теперь плохо говорят по — русски.

— А с вами он Как он к вам относился?

— Никак. Секса не было, мы жили в разных комнатах. Разве что завтракали вместе иногда. Ездили на приёмы, когда ему было нужно показаться с супругой, так сказать. У него была не только личная секретарша Марина, кстати, очень приятная женщина, с которой я мало общалась, но вряд ли она была больше, чем секретарша. Я это чувствую. У него была ещё и отдельная уборщица его кабинета, куда кроме неё никому нельзя было входить. Тайская женщина, не говорившая по-русски, или делавшая вид, что не говорит. Что уж там было в этом кабинете, что даже Марина не могла видеть, трудно сказать. Не удивлюсь, что сексом он занимался с какими-нибудь игрушками-роботами, с него станет. Через какое-то время он разрешил мне заниматься живописью и покупать картины, если мне что-то нравилось. В этом смысле он мне доверял, я ни разу не купила неинтересное. Сама стала брать уроки, стала потихоньку писать. Он тут же мне оборудовал студию в доме.

— В принципе, неплохо, — улыбнулся глазами Богдан.

— Знаете, он странно относился к деньгам. У меня было такое чувство, что он их достаёт из какой-то волшебной комнаты. Бизнесмены так себя не ведут. Он слишком спокойно смотрел на деньги. Трудно объяснить. С одной стороны, он их любил зарабатывать и берёг каждую копейку, а с другой стороны, с той, которую видела только я, он мог тратить десятки тысяч долларов на ерунду, на неоправданно дорогие услуги, вещи. Мог купить мне кольцо за полмиллиона долларов, которое я никогда не просила.

— А драгоценности считались вашими или его? Где они хранились? Простите за любопытство, но это опять же имеет дело к моему расследованию, если можно так выразиться.

— Они считались моими. Я брала в поездки всё, что хотела. Один раз я потеряла кольцо с турмалином, ну, даже это был не турмалин, а его редкая разновидность.

— Парамба, наверное, — вставил Богдан.

— Да, забыла, с кем имею дело, параиба, конечно. Расстроилась. Подняла полицию на ноги. В Италии было дело. Но кольцо так и не нашли. Приезжаю, а он уже всё знает. Сказал, чтобы была внимательнее и всё. Представляете?

— Да, странно как-то. Вы часто уезжали?

— Как сказать. На отдых он меня отпускал. Я даже сама выбирала, куда мне поехать без оглядки на стоимость отеля или СПА.

— Вас послушать, Виктория, вы жили в каком — то беззаботном благополучии, если не считать, конечно, ситуации с детьми.

— Я стала алкоголичкой, Богдан. Запойной алкоголичкой. Иногда даже думала, что это мой покойный муж мне прислал привет с того света. Но на то были свои причины. Представляете себе, что вы живёте с человеком, который никогда ни о чём вас не спрашивает, кроме физических передвижений и, может быть, содержания съестных запасов. Вы для него биоробот, круг общения которого строго ограничен. Его, по существу, и не было — ни друзей ни подруг. Сначала я держалась, как могла, занималась спортом, купила себе лошадь, плавала в бассейне, писала акварельки. Мало этого, я написала несколько статей о мало массивных галактиках, о нетипичных, с низким темпом металличности.

— Правда? Карликовые галактики? Удивительно!

— Ну, да. Они и есть, наверное, те строительные кирпичики, из которых построен наш мир. Меня они привлекали ещё со студенческой скамьи.

— И что же? Вам удалось опубликовать ваши статьи?

— Я получила полный запрет на занятия подобными вещами. Какая публикация! Он пришёл в такую ярость, как будто я написала порнографический роман, где главная героиня ослица Рафаэла живёт с сельским учителем.

— Вполне современно, — Богдан сделал маленький глоток кофе.

— Мы ругались тогда, как два грязных дохляки из-за последних ста рублей. Что уж там было, от чего он рассвирепел, я так и не поняла. Для меня это был удар. Взял с меня слово, что я никогда не буду заниматься «этой галиматьёй», так и визжал: «этой примитивной галиматьёй». Называл меня последними словами. После склоки я и начала пить.

— Забудьте. Постарайтесь всё забыть. Прошлого нет. Остаётся опыт, который трансформируется и делает нас мудрее. Мне это очень хорошо известно.

— Но вы такой молодой, чтобы так говорить об опыте, Богдан, — она немного ступсевалась и пожалела, наверное, что это сказала, потом вздохнула, посмотрела на нетронутое пирожное и продолжила, — хотя, разве можно до конца понять человека? Прошлого нет. Как просто! Я замолчала тогда из-за детей. Он же пригрозил, как обычно, что будут проблемы и так далее.

— Какие проблемы? Возвращать же он их не собирался, мне кажется.

— Он лишал меня возможности их видеть. Так было не раз. Разговаривала по скайпу с ними я только раз в месяц по полчаса с каждым. Постепенно они отдалялись. Кто знает, что они обо мне думали, и как им преподносилось то, что будучи такими состоятельными людьми, мы к ним не приезжаем, не возим их на море, например.

— Они знают, что ваш муж не их физиологический отец?

— Да, — вздохнула Виктория, — они всегда это знали. Один раз я, правда, выклянчила своим хорошим поведением поездку с ними на яхте по Средиземному морю. Прекрасная была поездка. Он с нами, слава Богу, не поехал. Но хватит об этом, Богдан.

— Почему? Всё правильно. Я ещё не всё понял про него.

— Да уж. Субъект, что надо. Есть ещё одна вещь, которую я хотела вам сказать.

— Что же? Я слушаю.

— Я думаю— она немного наклонилась, чтобы быть поближе к Богдану, который сидел на противоположной стороне столика, — Я думаю, что Игорь в опасности. Спрячьте его. Вы это можете, — Виктория пристально посмотрела ему в глаза.

В воздухе чувствовался запах камня и некоторых минералов. Но сидящие на небольших скамейках, тоже каменных, люди не обращали на это внимания, потому как находиться на глубине нескольких десятков километров под землёй было не просто для них привычным делом — это был их родной дом. Запах чувствовался на глубинном, подсознательном уровне, как человек с Поверхности чувствует лёгкий запах дерева, сидя в деревянной избе и понимая, что всё в порядке.

Гигантский куполообразный зал, высеченный из гранита, освещался ровным белым светом. Источников этого света внешне найти было невозможно. Светло-коричневые стены зала, отполированные до зеркального блеска, придавали ему торжественность и передавали всю красоту породы.

С противоположных сторон красовались высокие двустворчатые двери без ручек, чуть более насыщенного тона, чем стены и потолок, по две с каждой стороны. На створках двери блестели восьмиконечные золотые и красные звёзды. На левой створке — золотая, на правой — красная. У каждой двери стояло по два высоких охранника в белых туниках, таких же, как и на остальных присутствующих. Можно сказать, что все, и мужчины и женщины, были одеты одинаково — белые до пола туники с капюшонами и сандалии на босу ногу.

Различием служили лишь подвески, сверкавшие металлическим блеском. Подвески, или амулеты, в виде Сатурна были трёх видов, с разными вставленными камнями: одни были с чёрным камнем, расположенным сверху справа, где на часах обычно изображается отметка три часа, вторые — с зелёным, сверху слева, где часы показывают девять, и третьи — с розовым, снизу посередине, там, где шесть часов.

На некоторых висели подвески в виде серебряной пятиконечной звезды, на некоторых — в виде диска со стилизованной свастикой или в виде подковы, похожей на омегу с восьмиконечной звездой внутри, также был символ, похожий на песочные часы, символ Ориона.

Каждый амулет представлял одну из семи основных групп Альянса Внутренней Земли и указывал на их разницу между собой. Но это были не просто ювелирные украшения, так как сидя на скамейках, поставленных в три ряда овалом вокруг большого каменного стола, каждый из присутствующих едва заметно постукивал по своему амулету. В ответ на эти постукивания с амулетов слетали маленькие голограммы.

Внешне представители групп заметно отличались от друг друга. Те, что носили «песочные часы» были похожи на негроидную расу с кожей бронзового цвета и крепким телосложением, ростом примерно 180 сантиметров.

Те, что со свастикой, ничего общего не имевшей с символом фашистской Германии Второй мировой, напоминали высоких худощавых азиатов или индусов с бледно-голубой кожей, через которую будто просвечивают вены.

Следующая, что с серебряной звездой, отличались средним, ближе к низкому, ростом и были похожи на Средиземноморское население, с тёмными волосами и смуглой кожей.

Представители с висящей на груди подковой, похожей на Омегу, и остальные с изображением Сатурна ничем не отличались от европейцев и славян, но были несколько уже

в плечах, их можно было назвать тонкокостными белыми. Правда, цвет волос варьировал от тёмно-русого до почти белого, также, как и цвет глаз.

У представителей группы с символом Сатурна, особенно с розовым камнем, были ярко синие большие глаза. Между собой они общались, если не ментально, то на своём древнем языке, но языки Поверхности им тоже были не чужды. Чаще всего использовали английский, русский, хинди и китайский, но, при необходимости, могли быстро включиться в любой другой. Единственное, конечно, оставался акцент, точнее, несколько искусственный синтаксис и интонации.

Альянс Внутренней Земли собирался нечасто, для этого обычно созревали трудно разрешимые противоречия между группами, которые доводили до реальных столкновений и жертв, или его собирали назревающие, опасные для всех, процессы на Поверхности. Сейчас был именно такой случай. Становилось ясно, что в силу серьёзных причин разного характера, люди с Поверхности начали овладевать более сложными технологиями, которые в некоторой степени могли создавать угрозу гармоничному развитию планеты, на которой они жили уже около двадцати миллионов лет. Они считали себя теми самыми изначальными людьми, были свидетелями крупных и мелких катаклизмов.

Со временем они перевели под землю свою элиту и касту жрецов, а остальное население выживало предоставленное само себе. В нужные, по их мнению, моменты они возвращались, начинали представляться жителям Поверхности богами или старейшинами и помогали снова начинать цивилизацию: давали знания по сельскому хозяйству и медицине, помогали с языками, с искусствами и всем прочим, подталкивая развитие цивилизации. Все это происходило циклами на протяжении эонов и эонов времени.

Представители Внутренней Земли утверждали, что в нашей Солнечной системе были и другие планеты, населенные подобными видами жизненных форм, включая гуманоидные жизненные формы. Они тоже проходили через катаклизмы, но оказались намного более агрессивными и воинственными.

Они собственноручно разрушали свои миры и общества и, в конце концов, создали крупные проблемы. Тогда другие расы, пришедшие в Солнечную систему, начали переселять их на Землю в качестве беженцев. Но и здесь они не замедлили проявить свою агрессивность. Они стали завоевывать поверхность планеты и смешивать свою генетику друг с другом и людьми на поверхности, аборигенами, чтобы создать смешанную человеческую группу.

Представители внутренней Земли безоговорочно и непоколебимо отстаивали чистоту крови, никогда не вступали в половые связи с людьми Поверхности, они считали их грязными и смешанными, с агрессивной генетикой. Но дело заключалось ещё и в том, что согласно общему космическому закону в конце трёх двадцатипятидесятилетних циклов третьей плотности, а планета пребывала именно в таком периоде времени, должно было произойти колоссальное внезапное обновление состояния человечества. Все знали о квантовом скачке, который меняет людей именно «скачком» без необходимости ждать длительную смену поколений.

Неожиданно, как по команде, все присутствующие на собрании Альянса, перестали уделять внимание своим амулетам и сняли с голов капюшоны. К столу подошёл представитель группы Сатурна, где на амулете поблёскивал розовый камень. Эта группа считала себя старейшими жителями Внутренней Земли. Точнее, к столу подошла высокая стройная женщина с почти белыми волосами, спускавшимися ниже плеч, — Жрица Наами.

Она обвела присутствующих своими ярко синими глазами. Наступила тишина.

— На Поверхности беспокойно. Речь сейчас не пойдёт о крахе их финансовой системы и возможных тяжёлых последствиях ради её обновления. Этот вопрос мы достаточно хорошо контролируем, — Жрица сделала паузу. — Также не буду трогать сейчас тему раскрытия. Упомяну только, что некоторые известные нам силы Поверхности не оставляют попыток развязать Третью мировую войну, чтобы смягчить эффект выброса информации. Это неблагоприятно. Но факт остаётся фактом — ментальность на Поверхности ещё не готова для раскрытия. Многим людям сложно справиться с энергетическими изменениями, происходящими в Солнечной системе из-за неподготовленной духовности и типа личности, — она опять остановилась.

В это время со стороны группы с амулетом Омеги слетела голограмма, изображающая их символ. Жрица кивнула, показывая, что они могут высказать своё мнение.

— Есть проект по выстраиванию отношений между населением Поверхности и цивилизациями Внутренней Земли, — сказал, не вставая, мужчина из группы Омега, проведя длинной кистью по русым, слегка волнистым волосам, разделённым на прямой пробор.

— Тибр, мы обсуждали это. Мы продолжаем настаивать на дистанционном взаимодействии с умами Поверхности, представляясь пришельцами из разных звёздных систем постепенно рассказывая о нас.

— Группа Омеги против этого, уважаемая Наами. Это грозит потерей занимаемого нами положения.

— Всегда можно продолжить обсуждение. Спокойное и взвешенное. Нам достаточно Изгнанных и потери группы Майя.

— Группа Майя готова и ждет, чтобы предложить помощь, когда наступит время, — возразил Тибр.

— Вы продолжаете выходить с ними на контакт? — Наами задержала взгляд на омеганце.

Тибр не ответил. Это, скорее, был не вопрос, а порицание или предупреждение. Жрица продолжила.

— Сегодня, считаю, следует обратить внимание на угрожающие технологии. Есть опасность, что их развитие на Поверхности пойдёт в пагубном для планеты направлении, — она сделала паузу и обвела всех присутствующих серьёзным и жёстким взглядом, — речь идёт об агрессивном воздействии на умы Поверхности Искусственного Интеллекта. Мы пока не установили галактику, из которой исходит сигнал. Последствия могут быть катастрофическими, с которыми мы не сможем справиться. Действовать надо начинать сейчас. На данный момент мы ещё сможем добиться положительного результата с помощью наиболее способных людей Поверхности. Им надо только немного помочь в активации скрытых возможностей. Думаю, вам понятно, что я имею в виду.

В зале мелькнула голограмма группы Серебряной звезды. Жрица кивнула.

— Наами, мы давно ждали эту тему. Мы согласны. У вас есть кандидаты? У нас есть пять человек, — сказал коренастый парень с тёмно-курчавой головой. Когда он говорил, он сжимал левый кулак и медленно им покачивал.

— Благодарю, Эш. Конечно, у нас тоже есть кандидаты и люди, которые сотрудничают с нами не одно десятилетие. Они всегда помогут найти то, что нам надо. Я хочу поручиться вашим согласием и поддержкой. Кто-нибудь против? — Жрица посмотрела на скамьи, но не увидела ни одной голограммы, — я рада общей поддержке. Мы приступаем. Эш, я жду

данные о ваших кандидатурах. Это относится ко всем группам.

На первый взгляд собрание казалось простым и не очень важным, но все до одного, кто сидел в куполообразном зале приёмов, понимал, что каждое слово, сказанное Жрицей, имеет и второй и третий смысл. То, что она начала со слова «неспокойно», говорило о многом. Обычно проблемы Поверхности не вызывали столь серьёзного внимания и не требовали общей встречи. Времена начали меняться.

В семь вечера в Москве пробки обеспечены, но Богдан всё же рассчитывал приехать в клинку вовремя. Бульварное кольцо было заполнено до отказа в обе стороны. Между машинами бродили разного рода попрошайки с замусоленными картонными табличками, где в краткой форме сообщалась страшная проблема, заставившая их выйти на пыльную московскую улицу просить милостыню. Те, кто продавали краденые часы, обходились, естественно, без табличек.

Минут пятнадцать Богдан плотно стоял позади чистенького белого седана, за рулём которого сидела молодая девчонка и курила одну сигарету за другой. От нечего делать он просмотрел её кровь, печень, лёгкие, прочитал пару мыслей. Одна из мыслей вертелась вокруг Степана, Стёпы, Стёпчика, Супчика и так далее. Она просила его не обижаться, она умоляла его понять её и простить — ей надо учиться и ехать в Италию петь. Она благодарила его за прожитое вместе время, за отдых в Тайланде, за какую-то дорогую сумку и за многое другое. Придумывала красивые фразы, особенно про то, как прекрасна Италия, и как она хочет попасть в Милан.

Первое, что Богдан сделал — это послал ей запрет на курение, так как лёгкие у неё были очень слабенькими, а потом отправил запах роз и морского ветра

Надоевшая пробка упорно продолжала всех держать на месте, подраживая мигающим светофором на перекрёстке. Внезапно Богдан почувствовал лёгкое беспокойство. Опять что-то связано с Викторией. Полиция. Она опять не поедет к детям. Богдан сделал глубокий вдох и посмотрел вперёд. У седана стоял очередной попрошайка и разговаривал с девчонкой. Он жестикулировал обеими руками, странно покачивая бритой головой. Девчонка высунула руку и бросила ему пачку сигарет. Бросила, как изнеженные городские жители бросают корм животным в деревне, брезгливо и с опаской. В это время машины тихонько поехали. Попрошайка подпрыгнул, схватил пачку, а потом замер в какой-то неестественной позе. Настоящая уличная миниатюра. Богдан подумал, что неизвестно, правильно он поступил или нет, и можно ли вообще соваться туда, куда тебя никто не просил соваться. Да, у неё очень слабенькое здоровье, у этой девчушки, но это её жизнь, и если ей захочется что-то в ней исправить, она должна сама понять, что именно, и попросить. Пробка постепенно начала рассасываться, и трафик медленно удалял белый чистенький седан из поля зрения. Мобильный звонил не переставая, и Богдан наконец его услышал. Звонила Виктория.

— Богдан! — кричала в трубку Виктория, — Орлов покончил с собой! Он лежит в гостиной на белом столе в белой рубашке, о господи, он лежит мёртвый!

— Вы хотите, чтобы я приехал, Виктория?

— Я не знаю ничем уже нельзя помочь Я вызвала полицию Пока больше никому не звонила.

— И не звоните. Он не оставил никакой записки? Знаете, самоубийцы любят объяснять, почему они на это пошли.

— Да, есть записка. Сейчас вот: «Я желаю покинуть это измерение. Я хочу уйти из этого мира. Просьба, меня не оживлять и не продолжать мою жизнь. Ты слышишь? Желание

моё осознанное и продуманное.»

— К кому он обращается, Виктория? — зачем-то спросил Богдан, заранее зная, что она не могла ответить на этот вопрос.

— Не знаю Понятно, что не ко мне. Я перезвоню, полиция уже приехала.

— Не показывайте записку! Оставьте её себе.

— Хорошо, — телефон отключился.

Захотелось выйти из машины и пройтись. С большим трудом он вырвался из потока и свернул в переулок, где у помойки было аж целых два парковочных места.

Итак, почему он это сделал, муж Виктории? Богдан медленно шёл вдоль улицы, по которой только что ехал на машине, и внимательно рассматривал витрины стоявших друг за другом маленьких магазинчиков. Устал? Не договорился? Ему взвалили на плечи непосильную ношу? Раскаялся? Понял, куда он попал и кому служил? Вероятно, но, скорее всего, мимо. Глаза наткнулись на витрину, полную шоколадок. Как раньше я любил шоколад! До самого конца любил. Попробовать, что ли? Нет, он на сахаре, а это я не ем. Может быть, у них есть хотя бы на меду? Богдан открыл дверь магазинчика и вошёл внутрь. Запах шоколада напомнил ему голодное детство и мечты про шоколадный поезд, который ему снился из ночи в ночь, и он сам придумывал продолжения.

— А что, если я вас попрошу найти мне шоколадку на меду, совсем без сахара? — спросил Богдан у стоявшего за прилавком рыжего, как кот его бывшей подружки Леночки, круглолицый и медленно поворачивающийся парень. Настоящий обленевшийся кастрированный Курильский бобтейл, объевшийся шоколадок.

Виктория боялась за Игоря. А ведь до чего-то она всё таки догадалась, наверное. Не одно дело догадаться, а другое — знать, как всё обстоит на самом деле. Богдан расплатился, взял шоколадку, вышел из магазина на улицу, достал из кармана телефон и тут же набрал номер Игоря.

— Самоубийство? — медленно произнёс Игорь. — Это говорит о чём-то, чего я не знаю о нём. То, что я о нём знаю, никак не могло его подтолкнуть к самоубийству.

— Я заеду, — сказал Богдан, — Виктории пока не звони. Оставь её подумать. Она справится.

Богдан развернул обёртку шоколадки и отломил маленький кусочек. Вкус напоминал детство. Так и есть. Вспомнился детдом, нянечка, тётя Тося, которая говорила: «Война, сынок, всем пришлось тяжело. У тебя были родители, они были хорошими людьми. Вырастешь.» Вырос. Но никогда их не искал, потому как они его не искали. Родители. Несбыточная мечта. Придумывал себе папу лётчика, а маму актрису. Поэтому и пошёл в театральный. Он хорошо пел и красиво читал вслух, с выражением. Домашнюю работу писали в этих же книгах между строк. От детдома осталась низкая самооценка, нелюбовь, чувство неполноценности, непонимание того, что значит иметь свой тёплый дом и белые простыни. И ненависть к галошам, единственной достававшейся обуви. Да мало ли чего.

Набрал Виктории.

— Виктория, ну как вы?

— Тело увезли. Причину смерти, как я поняла, никто установить не смог. Мне велели дожидаться вскрытия.

— Вы одна в доме?

— С тайской женщиной, которая работает у нас прислугой последние два года. Я зажгла везде свечи. Поездку к детям придётся отменить.

— Это та же, что убирала ему кабинет?

— Может быть, я не помню. Может, и нет.

— А где была эта тайская женщина, когда ваш муж ну, ему же нужно было время, чтобы улечься на обеденном столе и умереть.

— А, да, конечно. У неё был выходной сегодня. Всё, как в криминальной истории. Она только что приехала, даже после меня.

— Понятно. Ну, с этим пусть полиция разбирается. Я сказал обо всём Игорю. Ничего определённого он пока не может даже предположить, но он же головастый, значит, что-нибудь вспомнит.

— Богдан, — протянула как-то особенно Виктория, — если бы не записка, то это могло быть и не самоубийство, — рассуждала она, — чем-то он ведь отравился, наверное. Ведь нельзя же просто лечь на стол и приказать себе умереть? Или можно? Или его потом положили на стол?

— Я постараюсь всё понять.

— Богдан, мне, наверное, надо уже звонить его знакомым. У него были и симпатичные знакомые тоже. Это же всё равно раскроется.

— Да, звоните. Пожалуйста, давайте быть всё время на связи эти дни.

— Ну, а как же? Богдан — опять протянула Виктория, — а если это подставная записка?

— Виктория, дождитесь нашей встречи, я вас очень прошу. Мне надо на эту записку посмотреть.

Он достал из кармана брюк пластиковый ключ и направился к машине.

***Дорогие читатели! Перед вами книга, наполненная позитивом и верой в светлое будущее в прямом смысле этого слова. Без фантастики в наше время выразить свои мысли стало практически невозможно, но, может быть, это и не фантастика вовсе.))

Часть 1

1

Артист

Зал рукоплескал. Гроыхали ярусы балконов, сдержанная публика правых и левых лож, вставший на дыбы партер: мужчины в праздничных костюмах, модные девушки, отметившиеся провинциалы и костяк современных заядлых театралов — прослезившиеся немолодые женщины с брошками. Билетёрши таскали на сцену корзины с цветами, занавес разъезжался и съезжался, а аплодисменты всё шумели и шумели, как черноморский шторм шумит прибрежной галькой, нагоняя восторг от долгожданной и всегда желанной встречи с отпуском.

Только хлопали не ему. Хлопали Булавиной, знаменитой преклонных лет Народной артистке. Иногда он даже узнавал её поклонников в зрительном зале. Сейчас во втором ряду, ближе к середине стоял мужчина, лет сорока с небольшим, в очках и в дорогом костюме. Он часто ходил на спектакли с её участием, громко аплодировал и даже кричал «браво, Булавина». Эдвард Петухов давно привык к чужим овациям и научился слышать в голосах из зрительного зала хвалу и хлопки в свой адрес тоже. Да, он играл батлера, да, он подносил чай и сказал всего пять реплик за весь спектакль, но и он стоял на той же самой сцене в прославленном театре столицы.

За всю свою карьеру ему не пришлось сыграть ни одной главной роли и ни одной хоть какой-нибудь роли в кино. Он проработал в театре сорок восемь лет, оставаясь ему верным,

как монах своей обители. Гражданская жена, Женечка, искусствовед-экскурсовод, ушла от него лет двадцать назад, а другой больше никогда не было. Зато он был здоров в свой семьдесят один год, имел московскую квартиру на Таганке, приятную внешность, высокий рост, худощавое телосложение, прекрасную дикцию и освоил резьбу по дереву. Эдвард Петухов мастерски вырезал панно. Он оформил не одну баню на Рублёво-Успенском шоссе в домах разбогатевших соотечественников. Это и был основной источник его доходов. Эдварда рекомендовали из дома в дом, точнее, от одной бани к другой, и никто даже и не догадывался, что он настоящий актёр прославленного драматического театра Москвы.

Как-то в начале девяностых они с Женечкой совсем случайно попали в турпоездку на остров Бали, где Эдвард увидел необыкновенной красоты резьбу по дереву. Ему с детства нравилось вырезать из липы разные фигурки. У деда был сосед в деревне, который, собственно, этому и научил. Но то, что он увидел в Индонезии, привело в неопикуемый восторг. Может, поэтому его так и ценили на Рублёвке, что как-то по-особенному делал эти свои панно, с индонезийским каким-то привкусом. Хотя для работы брал привычную липу, а не тик или албизию, как у них там за морем.

Иногда Эдвард думал, что из-за страсти к резьбе он и театр пустил побоку. Пустоту тянувшихся длинной чередой сезонов без ролей возмещал на сюжетах своих деревянных шедевров. Особенно он преуспел в изображении схваток русского богатыря со змеями и драконами. К бане, на первый взгляд, это отношения не имело, но тот же богатырь был изображён и купающимся. Он делал и полногрудых красавиц, и летящих птиц, и абстракцию разную, и даже мебель украшал и двери. Корпел над каждым проектом недели напролёт. Какие там роли! Появился даже стиль Петухова. Но иногда месяц, а то и два бунтовался и о резьбе даже думать не хотел.

Характер у Эдварда был нерешительный, можно сказать, слабый, мягкий и уступчивый. Ему часто казалось, что другому «нужнее». Сцена таких не очень жалует.

А вот в глубине души страсти всё-таки кипели. И нешуточные. Всем своим нутром он ненавидел Булавину. Не других известных и успешных, которых в театре было немало, а только её.

Почти ровесники, Марго была на три года старше, они начинали карьеру вместе. Но сравнивать творческие пути Маргариты Булавиной, зеленоглазой шатенки на длинных ногах с необыкновенно красивыми и пластичными, как у Плисецкой, руками и звонким проникновенным голосом и Эдварда Петухова никому даже в голову не приходило. Хотя голос у Эдварда не был ни слабым и ни скрипучим. Эдвард просто как-то не подходил на большое, а вот на малое всегда годился.

Поначалу он мечтал о том, что справедливость сама явится в театр, или учёные, на худой конец, изобретут машины для тестов, где определяют, у кого из актёров лучше с моторикой, словесной памятью, возбудимостью, в каком состоянии он находится во время сценической игры, впускает в себя образ или просто обезьянничает, но годы шли, и никакой «профессиональной программы» никто не предлагал, а на роли продолжали выбирать, как раньше, не совсем справедливо.

Эдвард долго прислушивался к себе, репетировал перед зеркалом, делал патетические гримасы, мог расплакаться за минуту, держал паузу, говорил дрожащим голосом, пел баллады, но зритель этого никогда не видел. Что можно успеть показать, когда вы несёте поднос и произносите только: «Сэр, вам письмо!» или «Барин, лошадей запрягать?» Ему не раз предлагали уйти в другие театры, но в качестве кого? Звездой он не был, а подносы

носить уж лучше на старом месте. Опять же характер виноват. Или он занимался не своим делом. Если бы не стал «банщиком», спился бы.

Булавина, ненавистная и высокомерная, на Эдварда все эти годы внимания мало обращала. Что греха таить, она была не только ослепительно красива, но и адски трудолюбива. Жила всегда одна, и в любовниках долго никого не держала. Лет семь или восемь была замужем за известным то ли физиком, то ли химиком. Маленький такой, толстенький, с шёлковым платком вместо галстука. Во время замужества она играла просто скверно. Эдварду казалось, что все это замечали, потому как новых ролей ей в этот период никто не предлагал: ни в театре, ни в кино. И потом вдруг её как подменили, и у неё опять попёрло, и опять загрели зрительные залы. Она успешно снялась в кино, создав яркий и хватающий за душу образ всем известной классической героини. Опять поклонники, опять новые туалеты, бриллианты, шубы, премии всех мастей, и опять она стала королевой. Хотя возраст уже давал о себе знать.

Когда Эдвард встречал её в коридоре перед репетицией или спектаклем, то не знал, куда спрятаться от её холодных жабьих глаз. Она завораживала, лишала возможности нормально двигаться и даже соображать. В недоумении он отслеживал всю посвящённую Булавиной критику, и везде её хвалили и приписывали загадочный взгляд и особую манеру игры со зрителем. Она, как писали эти театральные брехуны, потрясала своими неожиданными интонациями и динамикой, настраивала весь спектакль по своему камертону, отличалась виртуозностью актёрских проявлений, а образы делала особенные, незабываемые, граничащие с откровением. Ведьма.

Жить он без неё не мог.

Чем успешнее она играла, тем ярче и выразительнее получались его деревянные панно. Он получал подсказку от её игры, тот самый импульс, дуновение ветра, которое вдохновляло взять в руки резак. Он долго сам себе не признавался в этой зависимости, но стоило ему только взглянуть на неё на сцене, так сразу хотелось бежать в мастерскую и работать.

Эдварда стали приглашать отделять бани в такие дорогие и изысканные дома, что пройдя по саду и едва зайдя в дом и оглядевшись на отделку одной только прихожей или видневшейся лестницы на второй этаж, он с трудом верил собственным глазам, что видит не кадр из американского сериала из жизни финансовых воротил. Но постепенно перестал шарахаться от крепостных стен и железных резных ворот, медленно пропускающих в запрятанное от любопытных пространство. Приехал как-то к одной заказчице, которую не видел года три, они решили поставить гостевой домик с отдельной новой баней, и никак не мог понять, что с ней произошло. И так смотрел и эдак, она или не она. Как подменили бабу! Что такое могло случиться? Куда она ездила, на какие Тибетские вершины, к какому гуру? И явно дело было не в пластической операции. Эдварда помолодевшая Валентина Ивановна очень заинтересовала. Но спросить постеснялся.

Как только закончил заказ получил новый, от её подруги Ирины Семёновны в соседнем доме. И там заметил тоже самое. Ирине Семёновне никак нельзя было с виду дать больше сорока, а внуку её было лет двадцать с небольшим, так как тот заканчивал университет и собирался жениться. И тут Эдвард опять призадумался, а когда к нему в баню зашёл её супруг, Александр Львович, совсем потерял покой. Три года назад эти люди выглядели куда старше, он точно это помнил. Растерянный Эдвард уехал восвояси переваривать увиденное.

На следующий день отправился в театр: играли «Бешеные деньги» Островского. Марго уже играла не Лидочку, а Надежду Антоновну, мать прекрасной и алчной героини, а он, как

и раньше, безмятежно и безмолвно подносил ей накидку в роли слуги. Там, на сцене глаза их как-то странно встретились. Зачем-то Марго посмотрела на него, чего раньше никогда не делала. За кулисами Эдвард не находил себе места. Когда вышел второй раз кивнуть на её реплику о коляске, она опять на него посмотрела и даже подмигнула.

«Что она себе позволяет?» — подумал он возмущённо и заволновался не на шутку. Обычно она на него не обращала никакого внимания, обычно она смотрела сквозь него, устремляя взгляд дальше, за спину. Всё, что она себе разрешала в отношении Петухова, это поздороваться и попрощаться. Ни разу она не спросила, как у него идут дела, как он себя чувствует, ни разу за сорок восемь лет, а тут такое.

«Может, она меня с кем-то перепутала?» — совершенно отупев от размышлений, задавал он себе один и тот же вопрос. «Но с кем меня можно перепутать на сцене?» Он нервно поднял руку, чтобы провести по волосам, забыв, что на нём лакейский парик, и тут же её одёрнул. «Нет у меня с ней никаких дел и быть не может. Я не поддамся на её ужимки». В антракте он ходил по коридору в надежде её увидеть, но Марго не показывалась.

— Эдик, зайди к Булавиной в уборную, — сказала из-за угла гримёрша Оля. Несмотря на возраст все называли его по имени. Об этом даже никто не задумывался.

— К Булавиной? Я? Сейчас? — протараторил растерянно Эдвард.

Но Оли уже нигде не было.

2

Вторник

Эдвард с замиранием сердца подкрался к двери уборной. Прежде, чем стучать, глубоко вдохнул, выпрямил плечи и поправил сюртук. Его лицо изображало старого приятеля, забредшего сюда по обыкновению.

— Кто там? — послышался её голос.

Эдвард приоткрыл дверь.

— Почтальон, — по-лакейски, как привык, произнёс он. Почему именно «почтальон», и сам не знал.

— За марками? — подхватила Марго, улыбаясь.

Эдвард вошёл и сразу наткнулся глазами на фарфоровую корзину, полную цветов. Такие цветы в народе называли «райскими птицами», но Эдвард их никогда не любил — холодные, чужие, хвастливые цветы. Сбоку на корзине он заметил золотой отпечаток изображения летящего орла, держащего в клюве перевязанную квадратную коробку.

Она сидела на пуфике перед трельяжем, готовая выходить к третьему акту. На трельяже рядом с коробочкой с гримом и пузырьками с правой стороны светился экран открытого ноутбука.

— Садись, мил человек! Спасибо, что зашёл, — указала она на мягкий, обитый золотым шёлком диванчик.

— Чем могу быть полезен? — сразу выпалил Эдвард. Он собирался ни в коем случае этого не спрашивать.

— Сделай-ка мне баньку! Я купила дом недалеко от моих друзей, а бани там нет. Ну, то есть, она есть, но её надо переделать. Мне вот эта нравится, — и она показала на компьютере недавно законченную красоту, что он навёл у Валентины Ивановны.

Сказать, что Эдвард расстроился от такого прямого и незатейливого предложения, значит, ничего не сказать. Он весь сник, даже согнулся, внутри у него хрустнуло и закололо. Столько лет никто ничего не знал! Столько лет он жил вместе со своими тайными

проектами, эскизами! Доставал нужное ему дерево, покупал с любовью лучшие инструменты! А самое главное, вынашивал разные образы, придумывал сюжеты.

И кто первый его разоблачил? Естественно, Марго. Да как такое могло случиться?

— В театре ещё кто-нибудь знает? — поникшим голосом спросил Эдвард.

— Не бойся, я никому не скажу, — заговорчески прищурилась Марго, — по рукам? — и подставила ему холёную кисть с пальцами, унизанными кольцами.

— Сначала съезжу посмотрю, — буркнул Эдвард.

Она дала ему адрес, номер мобильного телефона и ключи от нового дома.

— Давай во вторник, — предложила Марго.

Эдвард посмотрел на отражение в зеркале трельяжа и вздрогнул, встретившись с ней глазами.

Так и порешили.

В этот вечер на её игру он впервые смотрел другими глазами. Каждое произнесённое слово казалось острее, а знакомый до боли сильный и ясный голос зазвучал новыми нотами спрятанной нежности и бархатистости, пробуждая сопереживание у зрителя. И полное недоумение у Эдварда.

Всю ночь он ворочался с боку на бок, придумывая идею для её бани. Часам к пяти наконец заснул с чувством удовлетворения. В целом придумал.

На следующий день, спускаясь по Тверской в сторону Красной площади, он постоянно крутил мысль о том, что не знает, куда девались все эти семьдесят лет жизни. И как так могло получиться, что толком даже нечего вспомнить. Ничего выдающегося он не совершил, артистом настоящим не стал, а весь свой жизненный опыт может уместить на куске небольшой деревяшки. Он шёл от тяжело больного, практически умирающего от рака старого приятеля, Вовки Александрова. Учились вместе в театральном, но на разных курсах. Сблизились на гастролях в Пензе. Вовке было шестьдесят девять. Всего-то! «Да, короткуч нам отмерили жизнь», — посетовал Эдвард.

Он любил Тверскую, точнее, улицу Горького. Шёл медленно, смотрел по сторонам, на витрины и думал ещё и о Марго. Тоже не девочка. Но вот от кого бы поднабраться жизненной силы, так это от неё. Булавину не брал возраст. Она каким-то чудом сохранила прямую спину, ясный взгляд и изящную походку. После разговора в уборной его ненависть к ней заметно притупилась. Ему даже пришла в голову шальная мысль купить новые джинсы, и он напрямик отправился в ГУМ. Петухов не любил дешевых магазинов и плохого качества. Дешёвое безвкусное тряпье он оставил в первой половине жизни.

В ГУМе, уже почти на выходе, он неожиданно встретил Валентину Ивановну. Она всегда была в хорошем расположении духа, всегда отлично выглядела и встретить её было настоящим удовольствием.

— Вы получили заказ от Марго? В самом деле? Вот чудеса! Я же ей не говорила, ктс мастер, — удивилась Валентина Ивановна.

— Как не говорили? — опешил Эдвард.

— Она была у меня недавно в гостях, это так. Мой брат, Костик, настоящий её поклонник. Булавина — талантище! Если бы вы знали, Эдвард, как она мила в жизни! Такая хохотушка, выдумщица. Мы давно её знаем. Я считаю, её мало снимают в кино.

— В современном кино ей просто некого играть, — пожал он плечами.

— Почему мы так охладели к классике? Всегда хочется новых прочтений, постановок! И не только Шекспира и Чехова. Вы простите меня, — она бросила взгляд на ручные часы, —

меня муж ждёт, а по пробкам я могу вовремя не успеть.

Следующую ночь Петухов опять ворочался с одного бока на другой. Как же тогда Марго на него вышла, если Валентина Ивановна ей ничего про него не говорила? Он настолько был ошеломлён этим известием, что забыл спросить свою любимую заказчицу, как ей удаётся так молодо и свежо выглядеть. Её физический возраст, по мнению Эдварда, чуть перевалил за шестьдесят, а внешне ей можно было дать сорок. В бабах он разбирался, как ему казалось. Он ведь всегда был наблюдательным. Но у него имелся её номер телефона, и он решил обязательно удовлетворить своё растущее любопытство. И не откладывать.

Во вторник Эдвард тщательным образом привёл себя в порядок, заехал на автомойку и прямо оттуда тронулся по назначенному адресу. Он не стал спрашивать знаменитую хозяйку, во сколько ему лучше подъехать, раз дала ключи, значит, он сам может решать, когда. Странное дело, как будто он ехал не баню делать, а в гости. Он вдруг подумал, а знает ли он так досконально ещё кого-нибудь на этом свете, как он знает Марго. Ему был знаком каждый её жест, каждый поворот головы, каждая интонация. Он следил за ней, вольно или невольно, на протяжении почти пятидесяти лет. Эдвард чувствовал по её игре, всё ли в порядке, здорова ли, рассержена или витает в облаках. Он видел, как она немного набирала килограммы, меняла цвет волос, причёску, как годы и прожитое оставляли свой след на одном из самых интересных и красивых женских лиц, которые он когда-либо! То ли дело Эдвард Петухов! Ни одной сплетни! Кроме, может, пары шуток про то, что вместо «слуги» в текст можно сразу смело вписывать «Петухов».

Весна в Москве обычно долго не наступает, еле шевелится, но потом вдруг за две недели всё переворачивается с ног на голову: и солнце светит, и зелень лезет, и праздники на полмесяца, и иногда даже африканская жара. Дело было перед майскими, так что весна только-только начала чувствоваться, хотя дорога уже почти очистилась от снега и грязи. Эдвард рулил и, как мог, смотрел по сторонам. Лес стоял ещё голый, и вообще было как-то некрасиво, сыро, темно и убого. Мимо пролетел чёрный дорогой мерседес с джипом на хвосте. Номер мерседеса состоял из одних семёрок. Эдвард подсознательно почувствовал запах железа и ноющую душевную боль несостоявшегося человека. Зачем-то посмотрел в зеркало заднего вида, высматривая удаляющийся кортеж. «Зато я еду к Марго. И мне офигительно интересно, и я буду резать», — ответил он мерседесу и поднёс к зеркалу торчащий средний палец правой руки. Где-то совсем в глубине он ещё не сдался.

Эдвард въехал в нужный посёлок, который оказался по той же дороге, что и у Валентины Ивановны, но километров на десять дальше. Шлагбаум ему открыли без всяких разговоров, видимо, были предупреждены, и он быстро прикатил к дому № 24. Заехал на территорию, осмотрелся: ровные газоны, только что освободившиеся от снега, дорожки из плитки, высокие сосны. Вдали виднелась облезлая деревянная беседка и мангал для шашлыков. Весна, по сути, самое некрасивое время года, зато самое желанное. Даже в семьдесят один. Кто его придумал, этот возраст? «А вот что бы ты сделал, если бы тебе дали шанс повторить жизнь лет так с да хотя бы с сорока?» — задал себе вопрос почему-то расчувствовавшийся Эдвард. «Ушёл бы из театра, это однозначно. А Марго бы ни за что не ушла. Она бы явилась миру во всей красе и начала бы сниматься в кино. Ей просто не повезло. Она не нашла себе режиссёра Или просто не нашла мужчину». Воздух опьянял свежестью и запахами просыпающейся природы. Не хватало только птичьих трелей.

Подошёл человек из прислуги и пригласил в дом.

— Вам надо баню показать, верно? — спросил мужик. Эдвард услышал молдавский

акцент.

Дом был пустоват, не хватало не только мебели, картин и ковров, но и просто хозяйской заботы. «Наверное, она ещё здесь не живёт», — подумал Эдвард.

— А что хозяйка, редко приезжает?

Но мужик не ответил. Дело своё знал. Проводил Эдварда в подвал, где была баня с просторным предбанником, и удалился.

«Ну что ж, приступим!» — подумал он, осматривая помещение. Сделал замеры, сфотографировал на телефон всё, что мог, посидел немного с полузакрытыми глазами — он любил так прищуриться и замереть. В эти минуты он мог увидеть уже законченный вариант, то, к чему он придёт, а дома, оставалось только всё просчитать и уточнить детали.

Тихо открылась дверь. Появился молдаванин.

— Ты что не стучишь? — спросил его удивлённый Эдвард.

— Извините. Маргарита Тимофеевна просит наверх, к столу.

— Иду. Спасибо.

«Ну и дела Как я вообще здесь оказался?» — недоумевал Эдвард.

3

Орлов

В мерседесе, который привлёк внимание Эдварда на дороге, ехал Геннадий Викторович Орлов, хозяин крупнейшей в стране логистической компании «ORLOFF LOGISTICS Ltd.». Владелец десятков фур, нескольких грузовых морских кораблей и огромных складов, расположенных в самых больших городах страны. Хозяйство было большое и управлять им надо было 24 часа в сутки, чем хозяин и занимался.

Внешне Орлов производил впечатление почти идеального мужчины: высокий, стройный, спортивный, с умнейшими глазами, правда, в очках, быстрый, энергичный, всё замечающий. Одна беда — от него веяло космическим холодом и чужой какой — то неизвестностью или даже непредсказуемостью. Женщины его побаивались, в нём сквозила так называемая асексуальность, которую трудно описать, но которая всегда чувствуется. Ловить его в свои сети, богатого и успешного, желающих было немного, а те, которые набирались решимости и пытались поздним вечером проскользнуть в его блестящий мерседес, от второй попытки определённо отказывались. У Орлова имелась жена, Виктория, и двое детей-подростков. Дети учились за границей, и их никто не видел, а Викторину крайне редко можно было заметить с Орловым в каком-нибудь дорогом ресторане или на приёме у чиновников самого высокого ранга.

Орлов сидел хмурый и сосредоточенный.

— Кашина уволить! — медленно и довольно тихо произнёс Орлов, — отдел Восток превратился в сборище инвалидов. У меня в компании болеть можно три дня.

Если левой рукой Орлов держал мобильный телефон, то правой быстро набирал что-то на другом гаджете.

— К должности подготовить Дементьеву. Срок двое суток. Пароли, программы и сопровождение — в IT отделе. Распоряжение послал минуту назад.

Сказав это, Орлов отключился и откинулся на спинку покрытого мягкой светлой кожей сидения, сначала посмотрел на мелькающие за окном деревья, а потом закрыл глаза.

Свой офис и, соответственно, личный кабинет он держал в центре города, выкупив в своё время последний этаж одного из бизнес центров. На дизайн, оборудование и мебель Орлов в этом офисе не скупился — все, побывавшие там, уходили поражёнными и даже

восхищёнными талантом его интерьер-дизайнера. Что и говорить, Орлов любил брать от жизни лучшее, хоть и делал это не всегда. Случалось, и он разворачивался на сто восемьдесят градусов, послав маячившую вершину куда подальше. Что касается его собственной обители, кабинета и прочее, то тут он, конечно, ориентировался на лучшее: махагон, сталь, стекло, хрусталь, фиолетовая замша, голландские ковры ручной работы и, конечно, современная живопись с лучших мировых аукционов.

Сразу напротив двери в общей приёмной офиса красовалось позолоченное изображение летящего орла, в клюве которого висела перевязанная верёвкой коробка, а над орлом была надпись: «ORLOFF LOGISTICS Ltd.», и по-русски: «ООО ОРЛОВ — ЛОГИСТИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ». Войдя в общую приёмную, Орлов быстро прошёл мимо вскочивших трёх секретарш, тараторивших приветствие, и последовал вглубь помещения к своему кабинету и своей приёмной, где вот уже семнадцать лет командовала Марина, строгая, элегантная сорокапятилетняя, отдалённо напоминающая Одри Хепберн. Рядом со столом, где она сидела, у стены, на красивой тумбочке ультра современного дизайна стояла большая пузатая хрустальная ваза, полная крупных ярко-жёлтых тюльпанов.

Орлов быстро подошёл к Марине и вынул из кармана плаща маленький бумажный пакетик на шёлковых ручках-верёвочках.

— С Днём рождения! — сказал сухо Орлов и протянул Марине пакетик.

— Я Цветы

— Работаем, — перебил Марину Орлов.

— Севостьянов будет через десять минут, — тут же вошла в рабочий график Марина.

— Голубчик — по лицу Орлова пробежала лёгкая улыбка.

— Билетёрша из Малого говорит, что, вероятно, это последний спектакль, где играет Булавина. Вот билет, — Марина положила перед Орловым продолговатый конверт. Орлов сунул конверт в карман плаща и на мгновение как бы застыл, потом быстро пошёл к двери своего кабинета, резко открыл её, шагнул внутрь и хлопнул замком.

Марина посмотрела на его реакцию и тоже задумалась. Сорок пятый день рождения настроения не поднимал. Она достала из пакетика, который преподнёс Орлов, маленькую ювелирную коробочку, повертела её в руках и медленно открыла. Внутри лежала перламутровая бабочка, тельце которой было выложено мелкими бриллиантами. В приёмную зашёл Севостьянов. Марина вздрогнула, увидев Севостьянова с букетом цветов.

— День рождения не только щёлкает по носу, но и дарит приятные мгновения, приятные мгновения, — улыбался Севостьянов, застукав её перед подарком. Полноватый, коротко подстриженный шатен с зелёно-жёлтыми глазами и доброй улыбкой.

— Розы? — чуть слышно спросила Марина, поднимая на него глаза.

— Красные розы, — подтвердил Севостьянов, подходя к Марине и целуя её в щёку, — вам подходят только розы только розы, — у него была привычка повторять последнюю фразу. Он не заикался и произносил слова достаточно чётко, но вот любил повторить.

— Спасибо, Игорь. Шеф ждёт, — немного смущаясь ответила Марина, быстро засовывая коробочку с бабочкой в ящик стола.

— Пошёл, — сказал сам себе Севостьянов и шагнул в сторону двери.

Марина уставилась на монитор стеклянными глазами. Работать не хотелось. Она проверила свою почту, но поздравлений никаких не было. Друзья, не говоря уже о знакомых, медленно, но верно растворялись в череде лет. Оставались, правда, виртуальные друзья вместе с виртуальными подарками и виртуальными вечеринками. Реальным был только

Орлов. Марина опять достала коробочку с бабочкой, открыла её и тут же закрыла. В глазах стояли слёзы.

Необъятный стеклянный кабинет Орлова никого не оставлял равнодушным. Это было настоящее орлиное гнездо, свитое на вершине скалы из бетона и стекла. Из окон-стен можно было часами смотреть на город, что Орлов и делал практически каждый день в часы раздумий. Сейчас он сидел за огромным пустым письменным столом, сделанным из точно такого же махагона, как пол и отделка стен. Стол виртуозно спускался полу спиралью с рабочей поверхности до самого низа, напоминая гигантскую морскую раковину. Хозяйское кресло было обтянуто мягкой фиолетовой замшей двух оттенков. За спиной висела картина: на белом фоне в центре полотна светилась зеленоватая сфера. Напротив стола-раковины стояло два строгих классических стула, на одном из которых примостился Севостьянов.

— Сбой в голосовой системе — это более, чем серьёзно. Скорость аналитики низкая, особенно по непрогнозируемым пикам. Есть жалобы от распределительных центров, — выдал Орлов.

Севостьянов никогда не возражал и не спорил. Молча наматывал на ус претензии, и на следующий день поражал результатом. За это Орлов его держал и сделал самым главным в IT-отделе, что, по сути, считалось вторым местом после шефа. Севостьянов был компьютерным гением. Орлов платил ему миллионы, потому что он их действительно заслуживал. Сейчас Орлову никакая внешняя реакция на его слова была не нужна — он сказал, Севостьянов услышал.

— Геннадий Викторович, я закончил новую систему. Она лучше японской процентов на двадцать процентов на двадцать.

— Я весь внимание.

— Мы сможем сразу перейти на использование искусственного интеллекта. Это позволит полностью руководить персоналом складов и даже менеджерами. ИИ сможет не только работать в реальном времени, но и находить новые пути решения увеличения скорости работы. У нас всё готово.

— Не прошло и трёх месяцев, — Орлов включил свой ноутбук, — не очень-то вы прыткие в вашем хвалёном отделе, как я посмотрю.

— Люди почти не нужны с их социальными пакетами, — продолжал Севостьянов, — эффективность 50 % плюс, дальше больше. Любая человеческая инициатива должна будет проходить проверку ИИ на эффективность. Причём, всё решается очень быстро очень быстро.

Орлов встал из-за стола и подошёл к панорамному окну. Севостьянов знал, что за этой стойкой шефа обычно следует решение. Орлов привычно положил руки за спину, ноги поставил на ширину плеч и начал едва заметно покачиваться.

— Подготовьте смету и приступайте! — спокойно произнёс Орлов, но Севостьянов и без этого уже понял, что шеф доволен.

Орлов продолжал стоять. Он явно приглядывался, как будто там вдалеке, за кольцом увидел что-то. Потом быстро повернулся на каблуках и почти одним прыжком оказался у стола. Нажал какую-то невидимую кнопку и прокричал: «Марина! Машину, срочно!»

Севостьянов, который ещё сидел на стуле и ждал команды «Вольно, можно идти», вздрогнул и моргнул одновременно.

— Вы давно свободны, Севостьянов! Идите же, работайте! — рявкнул Орлов с напускной строгостью.

— Пошёл, — ответил как всегда Севостьянов и тут же встал со стула.

4

Князь Звездич

В гостиной красовался старинный дубовый стол с резными, соединяющимися в центре ножками-звериными лапами. Эдвард сразу заметил, что такие ножки делал мастер средней руки. На дальней половине стола громоздились собранные вместе хрустальные вазы, одна другой красивее, в которых преломлялись солнечные лучи, и комната мгновенно напомнила сцену. В одной из ваз живописно желтел огромный свежий букет садовых ромашек. Булавина всегда ассоциировалась с цветами. Вот уж у кого в жизни был «миллион роз». Эдвард не помнил ни одного выступления, где бы ей не преподносили цветы. Вторую половину стола накрыли коричневой скатертью и сервировали лёгкий обед: пара полных салатниц с салатами, блюдо с холодной птицей, вазочка с красной икрой, ещё какие-то тарелочки. Марго наигрывала за роялем что-то из Битлов, сначала «Hey, Jude!», потом «Yesterday». Спокойная, домашняя, приветливая, прекрасная. Эдвард сам не заметил, как стал подпевать, а потом и петь вместе с ней. Кто из их поколения не знал этих двух песен? Он, кстати, пел неплохо, проникновенно.

— Сколько тебе надо времени для бани? — спросила Булавина резко перестав играть.

— Смотря какой проект ты утвердишь

— Сам решай.

— Ну, тогда месяца три.

Сели за стол. Он всё никак не мог поверить, что сидит у неё в доме, за её столом, ест из её тарелок её еду. Всю жизнь она вращалась по загадочной орбите, как далёкая планета Нибиру — недостижимая и опасная, затягивающая и повелевающая.

— Думаешь, наверное, если бы не баня, никогда бы не сидел со мной вот так за столом, — посмотрела она в глаза Эдварду.

— Ну да, — кивнул тот, — только сейчас это уже не имеет никакого значения.

— А что имеет?

— Вовка Александров вот умер. Сказал, что только перед смертью понял, что в жизни самое главное.

— И что же? — с интересом спросила Марго.

— Я не знаю. Это он понял для себя.

Она встала из-за стола, сходила на кухню и вернулась с бутылкой водки и двумя серебряными стопками. Выпили.

— Жалко, что Вовка тебе этого не сказал. А сам ты не знаешь?

— Я думаю, ощущения. Откуда они берутся, что их породило, сколько тебе лет, бедный ты или богатый, знаменитый или нет, не важно. Главное — ощущения. Я молодой не умел радоваться. Боялся кого-то оскорбить своим счастьем, а меня никто не жалел по большому счёту.

— Мой муж мне изменял. А больше я никого не любила. Я работала. Только работа вся вышла.

Марго посмотрела на мгновение стеклянными глазами на букет ромашек и опять вернулась в реальность.

Через месяц Марго и Эдвард стали друзьями. Гуляли по полям и лесам, ездили в монастыри и церквушки, ходили пешком на ферму за едой. В Москву в свободное время даже не хотелось. Ещё через месяц Эдвард переехал к ней на правах друга и компаньона. Над

тем, что с ним происходило, старался не задумываться. Ему казалось только, что он идёт над пропастью по горной дорожке, вырубленной в скале, и вниз смотреть ему нельзя — опасно для жизни. А что там впереди, тоже не знал. Просто шёл, как сейчас по лесной тропинке. Пьянящий запах леса ещё больше усиливал поселившийся трепет давно забытых ощущений простой человеческой радости.

— Было бы нам лет по сорок, открыли бы себе небольшой театр, снимали бы спектакли и выкладывали в интернет. Больше пятнадцати человек на всё про всё и не надо, скажи? — спросила неугомонная Марго, когда они шли вдоль речушки посреди леса.

— Ты опять сама хочешь играть? — Эдвард с ней ничему не удивлялся.

— Ну а ты, неужели не хочешь? Ты же актёр, Петухов! Неужели ни разу не хотелось превратиться в Чацкого?

— В Чацкого нет, — буркнул Эдвард.

— Я хочу сыграть лучшее из XX-го века. То, что мне никто никогда не предлагал, то, что я прочитала за последние годы, то, что у нас никто не ставил.

— Не знаю даже — протянул Эдвард.

— Пристраивайся, — улыбнулась Марго.

— К чужой мечте?

— Такая уж ли она чужая, если подумать

— Мечтать не вредно, — соригинальничал Эдвард, — Слушай, я всё хотел спросить..., — он сделала паузу, подошёл к дереву и сорвал веточку, — как ты узнала, что я делаю бани?

— Я-то думала А вшивый всё про баню, — засмеялась Марго.

— Ну так кто тебе про меня сказал? — не унимался Эдвард.

— Хочешь, я сделаю из тебя знаменитого на всю страну актёра? — вдруг спросила Марго, — тебе не будет равных. Посмотри на себя, ты и сейчас красавец, а молодой ты был хоть куда. Ты вообще слышал, как поешь? Послушай, если что.

— Я родился в сорок четвёртом. Я детдомовец. Я не знаю, кто были мои родители. Но всю жизнь я работаю в лучшем театре. У каждого своя планка и свои представления, — с укором произнёс Эдвард, — я отдал свою первую роль Сухотину в шестьдесят девятом. Он бы умер без неё.

— Князя Звездича? Сухотину? Ты свою жену, Петухов, никому займы не давал? — вспыхнула Марго.

— Прекрати! Не заговаривайся!

— Да, у нас оказывается сильный характер имеется — отдать роль человеку, который тебя в грош не ставил. То-то он приучил всех ноги об тебя вытирать.

— Марго!

— Ой, смотри, заяц! — вскрикнула она.

— Тебя звери боятся, как землетрясения, — пошутил Эдвард, провожая взглядом убегающего со скоростью звука зайца. И подумал, почему он сам её боялся столько лет. Она же милая и всё понимающая с полуслова. Какой же я дурак! Нужно было только руку протянуть. И остаться без руки. Он ничего не мог с собой поделывать.

— Мы сидели в простынях в вальечкиной новой бане, пили чай с мёдом, — проигнорировав наблюдение про зайца, своим сценическим голосом произнесла Марго, — и я вдруг увидела на стене саму себя. И не просто себя, а себя в роли Джулии Лэмберт из «Театра» Моэма. Даже пошла принесла очки.

Эдвард затаил дыхание.

— Валечка, откуда у тебя это панно? Кто его сделал? А она мне: «это известный у нас мастер по резьбе по дереву, со странным именем Эдвард». Вот и вся история. Я ответила на твой вопрос? Может, пойдём обратно, а то ветер поднимается.

— Как скажешь, — тут же согласился он.

— Я теперь понимаю, почему ты Эдвард. Ты же детдомовский. А фамилию тебе, наверное, придумали, потому что ты голосистый.

— И больше ты у неё ничего не спрашивала?

— Нет. Зачем? На другой стене я увидела Юлию Филипповну. «Все женщины — актрисы. Русские женщины, по преимуществу, драматические актрисы», — произнесла она цитату из «Дачников», — никогда эту пьесу не любила. Страх перед жизнью.

— Сулова тогда играл Жора Тихомиров, — закивал Эдвард.

— Я иногда вижусь с его женой. Уже лет пятнадцать, как его нет. Тоже с Горьким были сложные отношения, как и у меня. Читала у Волкова, что Бродский ему рассказал одну интересную догадку касательно творчества Алексея Максимыча.

— Кто? Бродский? Могу себе представить, — хихикнул Эдвард.

— Почему Горький назвал свой знаменитый роман — «Мать»? Ты не слышал почему?

— То, что я слышал, Бродский вряд ли бы Волкову стал пересказывать.

— Ну, да. Сначала-то он хотел его назвать «Оп твою мать!», а уж потом сократил.

Эдвард засмеялся. Когда в жизни он был так счастлив, как сейчас на этой лесной тропинке? Почему именно в семьдесят лет ему улыбаются все эти высшие силы, которые ничего не хотели слышать о его мольбах и страданиях каких-то двадцать-тридцать лет назад? Что за расчёты и манипуляции? Благодарю вас, высшие силы, на всякий случай, чтобы не спугнуть удачу, произнёс про себя Эдвард.

— Где ты научился делать такие красивые вещи из дерева? — ей искренне хотелось его похвалить, даже восхититься.

— Сам научился. Это труд, больше ничего.

— Ну, да. Ничего нового под луной, — вздохнула Марго, — труд, как цель. Главное, не ошибиться в выборе.

Эдвард не привык к похвале, он сразу терялся и ухмылялся, как придурок, поэтому сразу спросил о другом.

— Что с ней случилось, с Валентиной? Я её не видел три года, она так изменилась, — он не знал, как точно выразиться.

— Помолодела, скажи? Лет на десять.

— Она совсем другая.

— Ты хотел бы превратиться в себя молодого? Можешь, сразу не отвечать. Подумай, — ухмыльнулась Марго.

— Что тут думать-то?

— Как что? А у тебя есть мотив, чтобы стать молодым? Ты готов заново прожить жизнь и исправить свои ошибки? Сделать не сделанное, например?

— Марго, ты что, серьёзно? — нахмурился Эдвард, — о чём ты?

— Умоляю, только не спеши! Подумай!

Она взяла его под руку, и они зашагали к дому.

— И что это за клуб? — выдавил он из себя вопрос.

Они сидели в саду в деревянной беседке. Мягкий, тёплый, тихий вечер без комаров. Всё время, что сидели, она рассказывала ему небылицы. Эдвард всегда был убеждён, что женская психика слабовата, и воздействовать на неё не так уж и сложно, если ещё и заранее знать, что от тебя хотят. Даже самые стойкие, опытные, сильные, успешные прогибаются, когда речь заходит о хорошо подготовленных сказках. Бабы обожают чудеса. Надо только всё правильно подать и поставить её саму в центр. Было, правда, одно обстоятельство, которое всё-таки его останавливало произнести слово «хватит», и этим обстоятельством была Валентина Ивановна, Ирина Семёновна и её муж Александр Львович. Все они изменились почти до неузнаваемости, превратились из стариков в цветущих людей средних лет.

— Сколько можно повторять одно и то же! — обиделась Марго, — я договорилась завтра к двенадцати. Они нас ждут. Ты со мной?

Конечно, она заранее знала ответ, если уже успела договориться. Но почему она выбрала его? Получается, она наметила его ещё до того, как он приехал делать баню. Баня была лишь поводом? Получается, столько лет она безмолвно наблюдала за ним? Подыскивала себе партнёра по играм в превращения? А может, я вообще не первый, кому она предлагает такое? Но молодой любовник, кстати, ей для этого не подходит. Да, молодой не подходит. Скорее всего, его кандидатура пришла ей в голову неожиданно. «Была не была!» — махнул мысленно рукой Эдвард.

— Только с одним условием, — протянул он.

— С каким же? — она подняла брови от удивления.

— Мы не вернёмся в театр.

— Ты имеешь в виду в наш театр?

Он кивнул.

— Конечно, не вернёмся. Как ты себе это представляешь? Да нам там никто не поверит, кто мы есть. Нам надо будет исчезнуть навсегда. Нас больше не будет. Они всё устроят в клубе: нашу смерть, новые паспорта и прочее. Жить будем пока в этом доме. О нём никто не знает. У Валечки дети, она не может по полной программе, а мы можем, понимаешь? Отчитают два некролога в новостях, ну, может, фильм какой про меня быстро сварганят, хотя, наверняка, уже имеется такой, и всё. Кто про нас вспомнит через месяц?

— Про меня-то уж точно никто, — поддакнул, как всегда, Эдвард, — останутся только мои панно

— Это особое направление в биогеронтологии. Вырастут новые зубы, — всё ещё продолжала уговаривать Марго.

«Вот интересно, неужели она ни капельки не боится?»

— Скажи, а у тебя тоже нет родственников? Братья, сёстры, племянники? — лучше бы она про зубы не говорила, потому что Эдварду стало как-то жутковато.

— У меня был старший брат, но у него, как и у меня, не было детей. Он умер в прошлом году от инсульта.

— Жаль, — искренне вздохнул Эдвард, — чем он занимался?

— Молодым бороздил просторы вселенной, потом преподавал.

— Сколько ему было?

— Восемьдесят два.

— Правда летал в космос? — Эдвард очень удивился тому, что у Марго был брат космонавт. Она бесконечно его удивляла. «Господи, почему ты свёл меня с ней в семьдесят

лет? Я крутился около неё столько времени, что ты хочешь мне этим сказать?» — опять и опять спрашивал Эдвард у бога.

— Да, летал. Видел НЛО. Сразу отвечу, а то всё равно задашь этот вопрос. Их там полно.

— Нет-нет, — замахал он руками, — этого ещё не хватало. Давай разберёмся с твоим клубом сначала. Итак, мы проходим первый курс и сразу начинаем молодеть. А поконкретнее можно?

— Они тебе там сами объяснят подробнее. Информационные технологии, — она посмотрела на свои руки, — я не хочу больше быть старой, Эдвард! У меня память сдаёт. Я не могу больше запоминать текст, ты понимаешь? Да ещё и играть то, что мне не по душе. Старух разных, вторые роли. Я теряю зрителя, себя саму, смысл всего, что я из себя представляю ли я не помню текст? Ты понимаешь меня?

— Я? Ты шутишь? Я не знаю, кто ещё может тебя понять так, как я? Старость — это болезнь, Марго! Гнусная жестокая неизбежная болезнь, которая приходит за всеми, но всегда раньше, чем мы думаем.

Он взял её руку и поднёс к губам. Ей понравилось.

— Может, нам сначала попробовать написать твои мемуары? — уцепился за неожиданно появившуюся мысль Эдвард, — ты — целая эпоха, Марго. Кого ты только не встречала на своём пути! На каких площадках мира ты только не играла! Сколько у тебя было поклонников! Я многих помню. Наверняка ты вспомнишь такие истории, от которых даже у молодёжи глаза вылезут из орбит. Давай напишем книгу, приложим твои потрясающие сценические фото, а потом поедem в твой клуб.

— Не думаю, что это удачная идея, — вздохнула с раздражением Марго, — я уже другая. Да и потом, я много писала о себе. Это никому не нужно. Остались мои концерты в сети, записи спектаклей, фильмы. Это всё ненадолго, поверь мне. Я не хочу больше ждать.

— А как мы подстроимся под молодых? — заволновался Эдвард.

— У них есть программа адаптации. Они нас научат всем необходимым прибабасам, мы будем общаться с молодёжью, выходить с ними в город прежде, чем нас выпустят на свободу. Заниматься спортом, привыкать к новым нагрузкам с новым телом. Там всё есть в контракте. Мужчинам, говорят, адаптироваться немного сложнее, — улыбнулась Марго.

— И много народу в год они так омолаживают? — до Эдварда стало что-то явно доходить, и он понял, что Марго не шутит.

— Откуда мне знать? Но там очередь. Мы должны будем подписать документ о неразглашении. Мне нелегко было их найти. Валечка потом разоткровенничалась и сказала, что как только я услышу о трагической гибели пожилой знаменитости или о его таинственном исчезновении, надо не исключать работу клуба.

— Сколько нам потребуется времени, чтобы превратиться в сорокалетних, они тебе сказали? — Эдвард продолжал делать попытки нарисовать ясную картину.

— Кажется, полгода.

— И полгода мы будем жить в этом клубе?

— Нет, после первого курса изменения происходят в основном внутри, и внешние проявления достаточно слабые. Наблюдательный человек только заметит, что ты стал ходить увереннее и быстрее, у тебя выпрямилась спина и так далее. За это время мы должны привести в порядок все наши дела, бумаги и прочее. А вот через два с половиной месяца, после второй процедуры начинают исчезать седые волосы, восстанавливается коллаген,

кожа разглаживается, появляется острота зрения

— Стоп, дорогая. Сколько всё это стоит? — Эдвард задал вопрос, который давно вертелся в голове.

— Тебе ничего не придётся платить, — гордо ответила Марго.

— А кому придётся за меня платить? Уж не тебе ли?

— Они предложили мне бесплатный курс для моего спутника. Я могла бы «отправиться» одна, но мне захотелось взять кого-нибудь с собой из моей прошлой жизни, из театра, кто бы помнил, кем я была. Но это ни к чему не обязывает, кроме как к молчанию. Ты будешь свободен, и мы сможем расстаться. Мало ли, мы же можем в кого-нибудь влюбиться «там», мы же будем молодыми и сильными. Ты помнишь пожар огромного торгового центра «Венеция» на МКАДе? Там погибли Марина и Николай Санниковы. Оказалось, что примеров много.

— Марине было под восемьдесят, я знал её по гастролям, а вот с мужем не знаком, — начал вспоминать Эдвард.

— Такой же, как она, если не старше.

— Как там у Манна? «Смерть в Венеции»? Над разумом побеждают чувства!

— Пошли, что ли в дом, а то становится прохладно, — предложила Марго, проигнорировав его замечание, — завтра к десяти постарайся быть готовым, мил человек.

— Мы, что прямо завтра начинаем? — испугался не на шутку Эдвард.

— Нет, завтра только сдадим анализы и пройдем диагностику.

— Как клуб-то называется?

— Гамаус, — ответила спокойно Марго, вставая. — Столько возишься со своими деревяшками, а простой скворечник не можешь сделать

Марго дошла до выхода из беседки и стала искать глазами место для скворечника.

6

Берёза

Марго молчала всю дорогу. Эдвард уже её немного изучил и понимал, что она нервничала. Он попытался включить радио, но она молча убрала звук кнопкой, которая была на руле, а второй раз включать радио он не стал. По обе стороны дороги стоял голый весенний лес и нагонял тоску и тревогу.

— Марго, а сколько нам ещё ехать? Мы уже двести километров едем, — не выдержал Эдвард.

— Тебе, что, холодно? — строго спросила Марго.

Эдвард демонстративно отвернулся и уставился на лес. Через минут пять опять заговорил.

— Я с собой инструменты взял. Вдруг в новой жизни пригодятся. Всякое бывает. Вот раньше в гроб клали любимые вещи.

— Да и сейчас кладут, — вздохнула Марго.

Эдвард осторожно на неё покосился и окончательно утомился, незаметно периодически подглядывая на приборную доску.

— Вон берёза старая, видишь? За ней поворот, километра два, и мы на месте, — как-то снисходительно, как ребёнку, сказала Марго.

Впереди виднелось берёзообразное чудовище. Из корня тянулись сразу три толстых ствола — один стелился по земле, второй был искривлён и напоминал волну, а третий рос вверх, но под углом примерно семидесяти градусов. Раньше он таких деревьев не видел.

«Мать честная!» — подумал Эдвард. «Там же аномальная зона, наверное. Вход в другое измерение».

Машина повернула сразу за берёзой. Эдвард съёжился и соединил руки в замок. Очень быстро доехали до высокого забора из красного кирпича. «Как Кремль», — подумал Эдвард. Подъехали к глухим кованым воротам. Ждать пришлось недолго, очень скоро ворота открылись, и мерседес въехал внутрь. Сразу справа находился крытый паркинг. Они вышли из машины и огляделись. Взорам предстал ухоженный сад, где растения только начинали просыпаться, а газон зеленел свежей травой, которую ещё даже не было надобности стричь. В глубине в центре красовалось стеклянное здание в виде полусферы, очень необычной архитектуры, с двух сторон от него полукругом исходили стеклянные коридоры, заканчивающиеся двумя зданиями-полусферами поменьше. В саду виднелись несколько беседок, разбросанные по всей территории. Все строения были связаны между собой каменными дорожками. Перед входом в главное здание журчал круглый фонтан из розового камня в виде большой кувшинки. Кувшинка была настоящим произведением искусства, Эдвард даже ахнул. Пропорции, работа, переливы розового — всё в этой кувшинке завораживало. Видно было, что фонтан играет важную роль в облике всего ансамбля. Кое-где плотным забором стояли высокие, разросшиеся туи, росли и другие деревья: молодые голубые сосны, берёзки и кусты, похожие на сирень. По главной дорожке, исходящей из большого здания, к ним навстречу шла девушка в форменном брючном костюме светло кораллового цвета. Шла быстро и уверенно.

— Маргарита! Эдвард! — протянула руку девушка для рукопожатия, — Наташа.

На левом верхнем кармане её жакета была вышита кувшинка, похожая на кувшинку фонтана. Эдвард с интересом посмотрел на девушку и заметно повеселел.

— Прощу за мной! — улыбнулась Наташа.

Эдвард и Марго послушно последовали за ней. «Я же не с жизнью иду расставаться», — успокаивал себя Эдвард, поглядывая на совершенно спокойную и даже где-то нетерпеливую Марго. Ей явно всё нравилось, и она знала, зачем она тут оказалась.

Перед главным входом Эдвард остановился. Ему показалось, что секунду назад над дверью была надпись «ГАМАУС», а сейчас её не было. Он посмотрел на Марго, хотел её об этом спросить, но не стал. Сказала бы, что ему это показалось.

В вестибюле пахло благовониями, а интерьер напоминал дорогую клинику: кожаные диваны цвета слоновой кости, мягкий светло-коричневый ковёр, классические низкие квадратные столики, крупные вазы со свежими цветами, уходящие на второй этаж две параллельные стеклянные лестницы. На стенах фотопортреты молодых интересных мужчин и женщин. Тихо, строго, чисто, страшновато от неизвестности.

— Проходите вперёд, — обратилась Наташа к Эдварду, — я не очень быстро иду?

— Это ваши пациенты? — спросил Эдвард, показывая глазами на висящие портреты.

Марго бросила на него насмешливый взгляд и слегка покачала головой.

— Это молодость, — ответила Наташа, — ничего больше.

Через минуту они оказались перед большой белой дверью. Наташа дотронулась пальцем до маленького сенсорного экрана, и две высокие створки разъехались.

Взорам открылся большой ослепительно белый зал. Пол, стены (окон не было), мебель и свет — всё было ярко белым. Эдварду это напомнило свет солнца, когда долго на него смотреть, не мигая.

— Проходите и садитесь, пожалуйста, на кресла, — сказала, заходя в зал Наташа, я вас

оставлю на какое-то время.

Как только Марго и Эдвард зашли в зал, двери за ними закрылись. Кресла были необыкновенными. Внешне они напоминали добротные офисные кресла, которые выбирают себе в кабинеты менеджеры высшего звена, они тоже крутились и наклонялись во все стороны, но в них было что-то особенное, потому что едва Эдвард сел в него, он почувствовал, что видит, слышит, чувствует пальцами собственную кожу как-то по-другому. Из ниоткуда перед глазами появилась голограмма кувшинки, и одновременно с кувшинкой послышался приятный женский голос.

— Уважаемые Марго и Эдвард, — начала Кувшинка, — центр «Гамаус» рад вас приветствовать. У вас в запасе три месяца, в течение которых вы должны будете принять окончательное решение: остаться такими, какими вы являетесь сейчас, но со значительными поправками в деятельности всех систем ваших организмов, или идти дальше к полному обновлению, к новым, непознанным возможностям себя, которые ждут вашего решения. Итак, у вас есть три месяца. За этот период вы должны будете привести в полный порядок свои дела и продать или подарить недвижимость, если такая имеется, всё обдумать и осознать, что обратного пути не будет. Наш центр возвращает людям молодость, как бы банально и неправдоподобно это не звучало. Но процесс этот очень непростой. И не только с медицинской или научной точки зрения, а именно с чисто человеческой. Сложно стать заново молодым. Точнее, к этому надо хорошо подготовиться, подстроиться под новые ритмы и новые проблемы. Мы знаем, как это сделать. Добро пожаловать в новую реальность, Марго и Эдвард! Вы стоите на пороге новых себя, таких, каких вас задумал творец.

Кувшинка исчезла. Марго и Эдвард повернули к друг другу головы, но ещё не успели ничего сказать, как в зал вошла Наташа.

— Марго и Эдвард, прошу следовать за мной!

Марго послушно встала. Эдвард не пошевелился. И Марго и Наташа с лёгким недоумением взглянули на Эдварда.

— Александр Львович Индия Марго, почему ты не привела сюда Вовку? Ты могла бы взять сюда Вовку вместо меня! Может, он бы не умер, — задумчиво протянул Эдвард.

Марго строго на него посмотрела. Он знал этот взгляд, но вопрос был слишком важным, и он не мог его не задать.

— А ты знаешь, как он умер? — Марго подошла вплотную к Эдварду. Лицо её стало серьёзным и даже немного злым, — я скажу тебе. Он умер от передоза. Таких сюда не берут.

Эдвард вытаращил глаза, прикрыл рукой открывшийся рот и замер. В глазах промелькнуло недоверие.

— От передоза? Вовка?

— Ты наивный старый идеалист. Ты всю жизнь прыгал с ветки на ветку, как беспечный воробей в городском саду, где не было ни одного настоящего кота, ничего не замечая, что делалось вокруг, и как доставалась эта жизнь другим, тебе неведомо, — тихо, почти на ухо, сказала Марго.

— Это я беспечный воробей? Сказал бы я тебе — Эдвард захотел возразить, но, как всегда, видя перед собой Марго, да ещё и злость в её глазах, передумал. Бросил взгляд на молча следившую за ними Наташу и наконец встал с кресла, — я здесь ради тебя, Марго! Я хочу, чтобы ты это знала. Я пойду до конца!

Сказал и оглушил. Наступила тишина.

Марго отвела глаза и отошла от Эдварда.

— Наташа! — голосом удивлённого старикашки спросил Эдвард, — а что будет с памятью? Я буду помнить то, что сейчас меня окружает, или будет «импортозамещение»?

— Вы будете помнить даже то, что уже забыли, — улыбнулась с облегчением та в ответ, — но дело в том, что вы будете заняты новым миром и возвращаться к старому вам не будет такой уж острой необходимости, — она была мила и любезна.

— Новым миром — повторил Эдвард. — Сколько вам лет?

Марго бросила неодобрительный взгляд в его сторону.

— У нас не принято спрашивать этот вопрос. Поверьте, он не имеет никакого значения. Для чего вы его задаете в обычной жизни? — Наташа опять улыбнулась, показав превосходные жемчужные зубы, — скорее всего, для того, чтобы сориентироваться, кто перед вами, к какому примерно поколению он принадлежит, на какое десятилетие пришлись его юность, молодость и так далее. Вам психологически легче с шестидесятниками, вам понятны люди советской эпохи, но вы уже насторожены к тем, кто ходил в школу в девяностые. Мы же предлагаем вам более нейтральный взгляд на окружающих.

— То есть, вы хотите сказать, что моё сознание будет, — Эдвард задумался, — будет более универсальным? Я буду более независимым от прожитого?

— На том уровне, на котором мы сейчас ведём беседу, можно сказать, что «да», вы будете более приподнятым, если так можно выразиться, над социальной ситуацией, чем ваши..., ну, скажем, будущие ровесники. Просто потому, что они идут по жизни впервые, а вы многое из их ошибок уже преодолели.

Эдвард почесал затылок, как делают герои в мультиках, чтобы показать раздумья и удивление одновременно.

— И последнее. Вы уж извините, — совсем тихо произнёс Эдвард, — я, знаете, читал, что одному небезызвестному богачу, которому уже за сто, шестой раз поменяли сердце

— Что вы хотите от меня услышать? Это его выбор продолжения жизни. Вы знаете, что такое донорское сердце? — Эдвард увидел бездну в её глазах, её как будто переполняло что-то, но она сдержалась, — вы знаете, что вы почти наполовину становитесь тем человеком, сердце которого вам пересадили? Вы готовы поселить в себе чужого человека с его мыслями, привычками и, конечно, проблемами?

— Нет, не готов, — буркнул Эдвард.

— А вы видели, как он выглядит, этот небезызвестный богач? Он выглядит как столетний немощный старик со старческими пятнами на коже, слезящимися глазами и еле различимой речью.

— Так, мил человек, — наконец подала голос Марго, — у тебя будет ещё много возможностей спрашивать свои вопросы хоть дни напролёт.

— Идёмте! — скомандовал Эдвард Наташе, чтобы поскорее закрыть дискуссию.

7

Одолжение

Начались еженедельные поездки в клинику. Старая берёза уже не казалось злобещей. Один раз Эдвард даже попросил Марго остановиться, вышел из машины и подошёл к ней похлопать каждый её ствол, погладить шершавую кору и даже прошептал ей что-то своё сокровенное.

Силы прибавлялись на глазах. Где-то через месяц Эдвард случайно зашёл в спортивный магазин и купил футбольный мяч. Маргарита первый раз в жизни занялась садом. Она

толком ещё не знала, что делать, но сразу нашла место для новой клумбы и поставила там метки: маленькие колышки.

— Марго, я не готов своим примером менять мир. Что-то эта фифа не договаривает, — вздохнул Эдвард, сидя за рулём её мерседеса.

— В смысле? — она казалась немного рассеянной, как могло показаться. Вечером предстоял спектакль, надо было беречь силы.

В театре уже начинали шушукаться, глядя на то, как они выходили из одной машины и садились в неё же после спектакля. Самые смелые и наглые спрашивали: «Эдвард, Маргарита взяла тебя в компаньоны?» Или: «Вы, что вместе где-то снимаетесь?»

Ответов, конечно, он никаких не давал, лишь уклончиво и многозначительно улыбался. На кону стояла его фантазмагорическая перспектива перерождения. Незаметно для себя он уже начал прощаться с настоящим и даже смотреть с лёгким пренебрежением на стариков, встречавшихся на улицах и в магазинах. И стал с интересом наблюдать за молодыми: как они одевались, о чём разговаривали, если выпадала возможность постоять рядом. В свою очередь, Марго играла так вдохновенно и всеотдайно, будто прощалась, будто хотела, чтобы её запомнили вот такой, сторающей на сцене без остатка.

— Я уверен, в клинике делают на нас ставку. Нас ещё ждут сюрпризы, — ворчал Эдвард, — как считаешь, мы можем показать текст договора твоему адвокату?

— У меня нет адвоката, да даже если бы и был, я бы ему такое не доверила. Три раза в жизни я прибегала к их помощи, и все три раза они меня надували. Самые ненадёжные люди. Не отвлекай меня, я думаю о том, что это последний раз, когда я играю Кручинину.

— Почему это? — удивился Эдвард.

— Как почему? В плане следующий спектакль отодвинули на осень, а осенью мы с тобой будем уже далеко.

От этих слов Эдвард в буквальном смысле прикусил язык. Где же это «далеко»? Откуда у неё такое бесстрашие? Почему она так рвётся в это новое пространство? Неужели тут ей так плохо? Да ей завидуют миллионы! Или, может быть, это никакая не клиника, а целая организация? А я, как последний дурак, продам сейчас свою квартиру, пожитки и благополучно принесу себя в жертву. Смогу ли я делать «там» свои панно? Он глубоко вздохнул, но потом подумал, что ещё каких-то три месяца назад ни в каком сне не мог бы представить себя в её мерседесе и с головой, полной мечтаний о сказочном совместном будущем. А он же всё уже решил! Будь, что будет! В сказку, так в сказку!

Спектакль прошёл на ура, но Марго сделала всё возможное, чтобы поскорее уехать из театра. Они погрузили цветы, точнее, часть цветов, сели в Машину и быстро выехали со стоянки.

— Я устала от классики и от себя самой. Пусть меня запомнят сегодняшней. Лучше я уже Островского не сыграю. Всё! — выплеснула Марго свои эмоции, — завтра дозу начнут увеличивать, ты помнишь? Скорей бы уж в дамки!

— Мне вот интересно, а как они предложат, если предложат, нам уйти из жизни? У нас же должна случиться какая-нибудь трагическая случайность: автокатастрофа, пожар, отравление грибами. Как это всё произойдёт? — занервничал Эдвард.

— Ну, если ты уже для нас придумал какой-нибудь эффектный финал, предложи им! И что же это, можно поинтересоваться?

— Давай поедem на Везувий! В нужный момент мы оставим предсмертные записки в номере гостиницы, и поминай, как знаешь. Мы можем даже пожить недельку в Италии, я,

кстати, там ни разу не был, — выпалил Эдвард.

— То есть, ты хочешь, чтобы весь мир узнал, как два пожилых российских актёра прыгнули в кратер вулкана? Я бы не хотела себе такой конец, тем более, что я могу его себе придумать. Ты продолжаешь мечтать о славе, дорогой? Поверь, она тебе сегодняшнему уже не очень нужна. Я уверена, что у них на примете более спокойные предложения.

— Да, скорее всего, — тут же смирился Эдвард, — или, например, поехать в Антарктиду! Нет, сначала в Австалию. Проверить кое-что хочу.

— Успеешь ещё — она покачала головой и рассмеялась, как будто услышала неприличный анекдот в сводке политических новостей, — ты думал о том, что мы будем читать свои собственные некрологи, смотреть посмертные ролики, фильмы, выступления?

— Мне уже не по себе, но в основном всё это будет тебе посвящено.

— Они попросят нас об одном одолжении, после которого мы с тобой будем свободны, молоды, богаты и независимы, — вдруг сказала Марго. От этих слов у Эдварда выступил холодный пот, и он резко затормозил, чуть не проехав на красный.

— И что это за одолжение? Ты понимаешь, что мы станем придуманными людьми, людьми, о которых никто не знает, и с которыми можно будет делать, что угодно? О какой независимости ты говоришь? — он даже хотел схватить её за плечи и как следует тряхануть, чтобы она его наконец услышала.

— Если тебе страшно, а тебе, я вижу, очень страшно, то ты можешь отказаться и остаться тут, ну, хотя бы на первой стадии, — протянула Марго.

— Лучше помолчим, — решил Эдвард.

Но поскольку дорога была долгая, шёл дождь, и они неизбежно попали в пробку, разговор возобновился.

— Я не могу отказаться, ты прекрасно это знаешь, — сказал Эдвард.

— Ты не можешь отказаться из-за меня? Если это так, то не стоит так драматизировать, дорогой. Я — это я, это моя жизнь.

— Не говори глупости. Я не могу тебя отпустить неизвестно куда, это во-первых.

— А во-вторых? — она была растрогана.

Они оба знали, что бесконечно одиноки, и что никому, по сути, не нужны. Одинокая старость мало кого привлекает в качестве неизбежной перспективы.

— А во-вторых, я тоже попался, как и ты. Мне тоже хочется попробовать себя заново, да ещё и в такой компании. Просто я волнуюсь, что мы можем не справиться.

Случайно или нет, но они впервые взяли за руки, и Эдвард ощутил такую щемящую нежность по отношению к ней, которую мог вспомнить только из далёких шестидесятых, когда ему было лет двадцать с небольшим, и девушки ему казались богинями, полными загадочного счастья. Это чувство промелькнуло и исчезло, как заветная цифра на каком-то табло, куда иногда подсознательно смотрят глаза. Но всё таки это был знак не из прошлого, нет. Он так понял.

— Подумай, что ты теряешь. По-моему, особо жалеть нет смысла.

Она держала свою руку в его, ей тоже было хорошо и намного спокойнее.

— Колись, Марго! Что мы должны сделать, чтобы нас потом оставили в покое. Лучше к этому сразу подготовиться, ещё на берегу.

— Я честно не знаю, о чём точно идёт речь. Надо будет что-то сделать, но что именно, нам скажут только после того, как мы пройдем весь курс. Раньше времени никто ничего не скажет, сам подумай.

— А вдруг тебе прикажут убить кого-нибудь? Ты же знаешь, как сейчас следят за человеком, прятаться будет некуда.

— Перестань, ни один киллер столько не стоит. Что-то другое.

— Может, из нас шпионов сделают? А что? Очень удобно: ни рода, ни племени, придумывай какую хочешь легенду что мне, что тебе. Не знаю, как ты, а я завтра попытаюсь что-нибудь узнать у фифы, тем более, завтра дозу повышают.

— С каких это пор Наташа стала «фифой»? — удивилась Марго.

— Слушай, может, она робот, как думаешь?

— Черешни хочется — протянула Марго, — с рынка. Целое ведро бы съела. Как я хотела играть Кручинину, как я добивалась этой роли. А сейчас смешно. Как будто вот совсем недавно мы перешли рубеж. Старое искусство теряется, если только не смотреть на него, как на сплошную аллегория. Человек становится масштабнее. Театру надо другое.

— Я готов, — на полном серьёзе ответил Эдвард.

8

Сухомлинский

Мерседес Орлова летел по Третьему транспортному кольцу на всех парусах, обгоняя всё, что можно, сигналил, подрезал, проскакивал, перестраивался. Водителем у него уже пять лет работал Славик Дёмкин, молчаливый, осторожный, неулыбчивый качок. Когда он успевал заниматься своими мускулами — неизвестно, так как его рабочий график был достаточно загруженным, а образ жизни сидячим и без нормального здорового питания. Славик был молод, ему было всего двадцать девять лет, так что, скорее всего, запас жизненной энергии ещё не истощился. Мало этого, он был страшно доволен жизнью — сложных решений принимать от него не требовалось, физической нагрузки тоже — сиди себе, крути баранку, следи за авто и за светофором, а в свободное время смотри кино.

Семьёй обзаводиться Славик не спешил. Он заметил как-то, что у него вообще пропало сексуальное желание, осталась только «любовь глазами» — так, попялиться на какую-нибудь и отпустить восвояси — нехай себе идёт по добру по здорову, а то привяжется и всё отберёт. На квартиру в Москве он уже себе заработал у Геннадия Викторовича, осталось только сделать крутой ремонт с мелкими лампочками на потолке и ванную в сером тоне с большим зеркалом. Даже ковёр себе приобрёл — выиграл на новогоднем корпоративе главный приз в прошлом году. Матушке своей исправно помогал, братьев и сестёр не имел, а отец погиб на стройке уже как семь лет. Сорвался с одиннадцатого этажа. Отмечали чей-то день рождения и начали с обеда. Был нетрезв и поскользнулся. После этого Славик в рот спиртного не брал. Пошёл работать водителем. К Орлову лично попал случайно, сначала просто устроился в компанию, а там подфартило. Орлов сразу учуял — не Славик, а молчаливый непробиваемый утёс.

В промзоне горело одно из старых зданий советского завода «Серп и молот». Орлов оставил машину и пешком подобрался поближе — посмотреть. Насладиться. Вид полыхающего здания, почти полностью объятых огнём, был величайшим наслаждением, окрыляющим мгновением, источником силы. Орлов даже вот так сразу и не нашёл бы как ответить на вопрос, что с этим чудом может сравниться. Ну уж точно не секс. Мелочь какая! Разве что победа над конкурентами или чувство бесконтрольной власти, когда можно практически всё. Огромное удовольствие парить над остальными и маленькой кнопкой на пульте решать их судьбы. Строить их в шеренги и направлять. Все маршируют, радуются, боятся, ненавидят, а пульт только у него в правой руке — маленький, лёгкий, сенсорный

Пожарники тушили пламя, бегали, суетились, но огонь не сдавался. Орлов поймал себя на мысли, что никто из пожарников, наверное, даже и не знал, что это был за металлургический гигант, какие технологии там использовались — доступные странам, считанным на пальцах одной руки, какие трудовые подвиги там свершались, какую огромную роль он сыграл в экономике СССР. Можно подумать, что СССР был не их страной, а их родители там не родились. Внуки вот вспомнят, внуки растут другие. Они-то разберутся, если будут на то условия, что это была за деиндустриализация в конце века ради импортного проката Ну, да ладно.

Пламя опять разгорелось, ещё сильнее, выше, ярче. Какое наслаждение! Орлов стоял замороженный с расширенными зрачками, а тело слегка покачивалось, как старый метроном у бюджетного психотерапевта.

— Уходите отсюда! Эй, мужчина! Уходите отсюда, быстро! Вы слышите? — донёсся грубый голос пожарника.

Орлов обернулся, нашёл глазами мерседес и быстро пошёл к машине. На сегодня хватит. — К Василь Андреичу, давай! — тихо сказал Орлов Славику.

Василий Андреевич Сухомлинский ничего общего со своим знаменитым тёзкой, новатором гуманистической традиции отечественной и мировой педагогической мысли и, соответственно, с его эстетической программой «воспитания красотой» не имел. Но труды Василия Александровича почитывал сначала из уважения к счастливому совпадению имён, а потом увлёкся и стал пытаться измерять труд своих подчинённых, да даже и свой, критерием и мерками идеального.

Наловив неплохие деньги в мутных водах девяностых и нулевых, занимаясь московской недвижимостью, Василий Андреевич стал посещать различные собрания и курсы по воспитанию молодого поколения и мечтал возродить в молодёжи реалистическое отношение к окружающей действительности, к мировым вызовам, а также понимание своего дела и ответственности перед родными, товарищами и обществом, а, главное, перед собственной совестью. Задумал даже сделать свой портал в интернете, но никак не мог выдумать нужный формат, поняв очень быстро, что тягаться с социальными сетями будет практически бесполезно. В конце концов, стал помогать одной частной школе по соседству.

Человек он был очень приятной наружности, худощав, строен в свои пятьдесят два, крепко жал руку при рукопожатии, имел хорошо поставленный голос и открытый взгляд. Небольшой проблемой, если мерить сегодняшними мерками, было то, что на Северном Кавказе, в знаменитых лермонтовских местах, в городе Пятигорске у него жила вторая семья. Завелась она у него в 1990 году, когда он отправился по почти бесплатной путёвке в санаторий на воды поправить желудочно-кишечный тракт. Не то, чтобы у Васи имелись очень серьёзные проблемы, но подлечиться не мешало.

В двадцать семь лет познакомиться с симпатичной девушкой Таней, а потом увлечься ею, шустрому Васе было совсем не сложно. Хотя он уже был женат на дочке бывшего высокопоставленного сотрудника Исполкома Моссовета Даше и имел сына Павлика. И тут как раз родился второй сын в Пятигорске — Костик. Вася стал навещать к Тане, давать деньги. Торговля недвижимостью процветала. И вот у них с Таней родилась дочка Женечка. И в Москве чуть позже родилась дочка Олечка. Мало этого, жёны как будто чувствовали соперничество, что касается Тани, то она точно чувствовала.

В Пятигорске родился второй сын Стёпа, то есть, третий, а четвёртый, Сашенька, родился через год в Москве. Больше детей Бог ему не дал, Вася строго за этим начал следить,

решив, что в этой жизни поставить на ноги шестерых детей и есть его основная миссия. Может быть, поэтому он так увлёкся трудами Василия Александровича Сухомлинского, а может быть, это тоже совпадение. Но вот как их всех перезнакомить, братьев и сестёр, родившихся за четыре с половиной года один за другим, а значит, бывших примерно одного и того же возраста, да ещё и носивших одну фамилию? Пятигорские знали о московских и молчали до поры до времени, а московские и этого не знали. Какую из семей считать основной, тоже был вопрос неоднозначный. И Таня и Даша ему нравились, и Танины и Дашины дети были его родными детьми, на него похожими. Даша, правда, носила статус официальной жены, её имя стояло в печати в Васином паспорте, а с Таней он отводил душу и никогда не ругался, она стояла на ступеньку ближе в очереди к его сердцу.

Про всю эту большую семью знал Геннадий Викторович Орлов. Его всегда удивляло, как это до сих пор Василий Андреевич не прокололся.

— Бьюсь об заклад, обе твои бабы всё про друг друга знают, — не раз повторял ему Орлов.

Орлова с Сухомлинским познакомил теннисный корт на греческом пятизвёздочном курорте тринадцать лет назад. Играть на том уровне, на котором они играли, было больше не с кем, и они, хочешь не хочешь, стали общаться. Две абсолютные противоположности, материалист и идеалист, прагматик и альтруист. Хотя до настоящего альтруиста Василию Андреевичу было далеко. Он просто был человечнее, добрее, сострадательнее, чем его соперник на теннисном корте. Но тоже своего не упускал, любил и денежки, и власть, и конкурентов обскакивать разными путями.

С тех пор как познакомились на греческом острове время от времени встречались поспорить, похвастаться, пообсуждать тяжёлую долю российского бизнесмена. Орлов был покрупнее в бизнесе, Орлов тянул на настоящего богача, но по негласному правилу преуспевающих людей, перевалив за определённую сумму активов, они уже находились в своём определённом кругу, так что разговаривать было спокойнее. До консенсуса, естественно, дело не доходило, но потрепаться в клубе у Сухомлинского Орлов себе не отказывал.

Рука произвольно нащупала в кармане плаща конверт. На конверте в правом верхнем углу чётким почерком Марины было написано: «Булавина». Орлов вскрыл конверт и вытащил билет. Партер, первый ряд, тринадцатое место. Орлов откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Это означало, что он чем-то озадачен.

9

Человек остановился

Василий Андреевич, будучи супер-профи в вопросах недвижимости и оставаясь на рынке более двадцати лет, приобрёл себе настоящий старинный особняк в центре столицы. Огромный дом сверкал как внутри, так и снаружи. Он восстановил интерьеры, сделал на заказ качественную мебель в стиле Ар-Нуво, дополнив пространство настоящим антиквариатом, развесил кое-где отличные копии Врубеля, помимо оригинальных полотен, относящихся к эпохе. Василий Андреевич всегда мечтал о таком вот клубе, где его друзьям, друзьям друзей, коллегам и просто заслуживающим людям можно было собраться в свободном режиме и пообщаться. Организовал изысканную кухню, так что в особняк заезжали и проголодавшись. Никакой материальной пользы он от клуба не имел, если не считать совсем небольших членских взносов и благотворительных аукционов, да и то, не чаще пары раз в году. В клубе было несколько кабинетов, один большой зал с роялем,

бильярдная, ресторан и китайская комната для дам. Какое-то время Василий Андреевич мог и не приезжать в клуб вовсе, особенно когда отсутствовал в городе, всё и без него шло своим чередом.

Орлов ехал к своему старому приятелю, может быть даже, единственному из оставшихся. Отношения с Сухомлинским напоминали ему, что он человек, и ничего человеческого ему не чуждо, как говорится. С ним он мог немного посмеяться, притвориться «нормальным», вспомнить молодость, поев прекрасных суши или невероятной селёдки со стопкой водки. Покинув клуб, он опять превращался в босса-робота со стальным холодным взглядом и непроницаемой физиономией.

— Ты представляешь, Ген, Пашка мне говорит: встретил на выставке в Сити одного парня, тоже отлично разбирается в сырах. Я тебе не говорил ещё, Пашка же начал сырное производство тут в одной деревне. Ну, козье, короче. И парень этот специализируется в твёрдых сырах, типа Гарочча. А Пашке это очень интересно. Дальше — больше, познакомились. И знаешь что? — спросил Василий Андреевич, сверкая горящими глазами.

— Час пробил! Не иначе как встретились два Сухомлинских, — тут же догадался Орлов. — И который это был, младший или старший из пятигорских?

— Старший. Костик. У него уже два года как завод, я даже почти не помогал, — сказал с нескрываемой гордостью Василий Андреевич

— Ну, про «не помогал» ты лучше в интернете освети, для общественности, мне не надо, — улыбаясь, покачал головой Орлов.

— И Пашка мне говорит, короче, что парня зовут Костя Сухомлинский. Ты понимаешь, Пашка не знает, а Костя-то знает!

— Держись, старик, на подходе ещё встреча дочек. Они, кажется обе айтишницы? — ухмыльнулся Орлов.

— Ну, не совсем так да интрига. Нарочно не придумаешь. Главное, чтоб мамыши не встретились и не познакомились, — сказал и засмеялся Василий Андреевич.

— У пятигорских преимущество, однако. Я смотрю, ты двинул в сельское хозяйство? Сыры надо подумать — Орлов медленно обмакнул суши в соус и положил в рот.

Василий Андреевич прекрасно знал, кто такой Геннадий Викторович Орлов, что у него за бизнес, а главное, какой философии в этом бизнесе он придерживался. Абсолютный технократ, создатель нового типа компании, полностью основанной на новых IT — технологиях. Жёсткий и бездушный с подчинёнными, требующий от них армейской дисциплины и идеального здоровья. Человек, который за пятнадцать лет не познакомил его со своей женой и сказал всего два слова о детях. Василий Андреевич знал только, что жену зовут Виктория, а дети учатся в Европе, мальчик и девочка. Один единственный раз они случайно пересеклись на каком-то частном приёме в Сочи, но и то, они только увиделись, и Орлов потом исчез вместе с женой. Но, в принципе, Василий Андреевич никогда особо не интересовался личной жизнью своих знакомых и приятелей, сам был переполнен событиями такого характера до краёв — а когда дети начали в институты поступать шесть человек почти одновременно, а Паша чуть не женился в девятнадцать лет на дочке их же горничной, то совсем перестал даже слушать подобные разговоры.

— Знаешь, Кошкина? — спросил Василий Андреевич.

— А пшеницей торгует, кажется, знаю. Ты теперь в ту область переходишь? — ответил Орлов.

— Очень хвалил твой сервиз, всё чётко, быстро, без опозданий.

— Стараемся. Сейчас внедряю ещё более точную программу. Скажу тебе по секрету — скоро буду обходиться практически без людей. Всё будет делать искусственный интеллект. И никаких тебе больничных и прочих соцпакетов, — похвастался Орлов, что ему, в принципе, было несвойственно, но с Василием Андреевичем он как-то расслаблялся немного.

— Подожди, а людей куда? У тебя же их не одна тысяча?

— Кто-то же должен это начинать. Я разве виноват, что живу в переломное время? — удивился Орлов, — да и человек уже не тот — он трансформируется, меняет восприятие мира. Вся планета полна лишних людей, я один же не могу об этом думать, Василиус!

Ещё с Греции он прозвал его Василиусом, да так и оставил, а Сухомлинский не возражал.

— Ну как сказать Запад был всегда за прибыль, а мы-то, вроде, о человеке как никак, но думали. Мы ж всегда из-за этого в мировоззренческом конфликте с ними — робко возразил Василий Андреевич.

— Василиус, государств больше нет, все сдались глобалистам с потрохами, а ты мне про человека. Человек остановился, понимаешь? Он не развивается.

— Э братец, кризис — да, информационный бум — да, но душа — то в человеке имеется, вот где надо покопаться, если такие проблемы, — Василий Андреевич даже занервничал, — что после смерти с душой происходит, тоже ничего не знаем. А как это связано с Создателем? Нельзя же всё время включать рациональность в ущерб чувствам. Человек остановился, или всё таки его остановили?

— Да перестань заниматься дешёвым идеализмом, прости, конечно. О какой душе ты говоришь? Низота мечтает о жратве, а политики идут на войны ради той же жратвы только на золотой тарелке. Кто нами будет управлять? Царь земной?

— Ну уж не искусственный же интеллект, Гена! Сердцем надо жить, становиться братьями, а что, если после смерти нас ждёт бесконечная жизнь, а тут у тебя экзамен? Мы, что сюда пришли за банковским процентом?

— Не думаю, что людям уже можно чем-то помочь. Капитализм кончается. Ценности утеряны. Нет кода, которому можно верить, хотя бы тому, что он есть. Идеологии нет — в головах пустота и мечты о новом доме на берегу моря. Нет идеологии — нет проекта будущего. Одни внешние идеи.

— Ты что-то предлагаешь? Роботов, наверное? Я соглашусь с этим только, если это даст людям свободное время для знаний и повышения сознания. Я хотел бы, чтобы мы выжили, как страна.

— Василиус, история тебя ничему не научила, я — пасс. Давай-ка лучше кофе закажем! Не ссориться же. Тебе ещё Пашке объяснять, кто такой Костик.

Василий Андреевич сощурил глаза и снисходительно посмотрел на своего собеседника. Не всё ему нравилось в его мыслях, далеко не всё.

10

Ужин

Они и не заметили, как стали жить будущим. Точнее, ожиданием новых себя. Оба понимали, что окружающий мир зависит от того, как человек его видит, что слышит, о чём думает, мечтает, чем хочет в этом мире заниматься. Став другими, возможно, они попадут в другую реальность, где никто не будет делать снисхождений на их возраст, как сейчас, где придётся не просто подстраиваться, а ещё и учиться. Но Эдварду был страшен скорее не

окружающий мир, а он сам. Каким он станет, что начнёт приходить в голову? Ведь молодой организм, это не рассуждения на диване, молодой организм полон сил, энергии, ему море по колено. Но если у меня останется память, будет ли мне всё так интересно, когда заранее знаешь результат? Нет, тут что-то другое. Они нам что-то приготовили, что я и предположить не могу. Хочу ли я начинать всё с начала? Ещё неизвестно, чем я буду зарабатывать на жизнь, вдруг вздрогнул от этой мысли Эдвард.

— Ты опять страху нагоняешь? — отозвалась Марго, почувствовав неладное.

Подошла к книжному шкафу, открыла створки и достала с нижней полки, которая была невидима при закрытых дверях, серую папку, — вот, например, есть пьеса, — тихо произнесла Марго, — Прочти! — она сунула ему папку и вышла из комнаты. Уходя бросила, — я пойду что-нибудь приготовлю. Ой! У нас же есть свежая треска! Я обожаю треску.

Эдвард медленно прочитал заглавие. Потом с вниманием остановился на каждом действующем лице. Маленькой стайкой по спине пробежались знакомые мурашки. Обычно они появлялись, когда он сидел перед куском дерева и внимательно слушал его, похлопывая и поглаживая. То, что они появились сейчас, его немного удивило. Он похлопал и погладил папку знакомым движением Эдвард всегда был ответственным и исполнительным, только это мало кто ценил. Сказали читать — будет читать. Перевернув две первые страницы и сев поглубже в кресло, погрузился в текст. Подсознательно чувствуя, что одна из главных ролей может быть его. Наконец-то! Она не могла ему подсунуть что-то, не имеющее к нему непосредственного отношения.

Под заглавием курсивом было напечатано: «история творческой одержимости». Главную героиню звали Сицилия, а героя Ростов. Ему показалось это гротескным и несерьёзным, но он всегда помнил необъяснимое происхождение собственного имени, так что сразу смирился.

Поначалу сюжет не отличался оригинальностью: Ростов — писатель-раб, зарабатывающий на придумывании сюжетных линий и самих текстов для детективной дивы одного крупного издательства, обязавшего её писать по четыре романа в год. После головокружительного успеха первых трёх романов дива постоянно находится под шафе и совершенно не замечает, как быстро бежит время. К концу каждого квартала она звонит Ростову по телефону и просит его приехать. Она любит воспринимать свои произведения на слух, то есть, когда он ей их читает, точнее, то, что сам написал. Ростов всегда успевает в срок, потому что у него есть муза — Сицилия.

Параллельно с детективами он пишет свою, как ему кажется, высокую прозу, на которую его вдохновляет соответственно Сицилия, девушка с паранормальными способностями и прекрасным голосом. Она заводит его в свои параллельные миры, из которых ему всё труднее и труднее выбираться. Там у них своя жизнь, свой дом, дети, друзья, даже работа. Там Сицилия поёт ему красивые арии из неведомых опер. Там Ростов чувствует себя тем, кем всегда хотел быть, никого не боится и всегда богат, потому что в тех мирах живут без денег. Там все здоровы.

На сцене в это время смешение жанров: хореография, пантомима, драма, гимнастика, странная электронная музыка, живые декорации. Ростов перемещается во времени и пространстве мгновенно и свободно. В конце концов он начинает терять связь с реальностью, стремясь как можно больше времени проводить там, в неизвестных и заманчивых измерениях своего сознания, но неожиданно Сицилия погибает от реакции на

прививку от какого-то нового вируса. Ростов остаётся один. Горю его нет границ. Он не знает, как попасть в свою другую реальность, Сицилия не оставила ему никакого ключа. Он понимает, что вся его жизнь и чувства связаны с ней и с тем миром. Он стремится попасть к ней, но только не через смерть.

Ростов выбирает творчество. И понимает он это во сне. Ему откроют двери, если напишет достойную вещь. Но как писать о том, что людям неизвестно, а значит, непонятно? О том, что где-то отражается настоящий мир, такой, какой он должен быть, где нет насилия, унижения, оскорблений, болезней, нищеты. Где нет денег, а значит, и войн. Ни о чём другом Ростов писать не может, он даже о другом и думать не хочет.

К концу второго акта Эдвард учуял запах жареной рыбы попеременно с только его драгоценной хозяйке известными специями, и голод заставил его отложить пьесу и отправиться на кухню. Марго тут же вопросительно на него посмотрела.

— Пока только два акта. Закончу после ужина. Но что-то мне подсказывает, что Ростов не жилец. Сложит крылья. Хотя можно сделать объёмно.

— Не сложит он крылья. Это Вовкина пьеса, — Марго стояла в фартуке у разделочной доски и медленно резала тонкими ломтиками длинный огурец.

— Александрова? — переспросил, не веря Эдвард, — он пьесы оказывается писал вон оно как.

— Да, сунул мне рукопись, по старинке напечатанную на бумаге. За месяц, примерно, перед тем, как слёг. Я не сразу прочитала. Мы не успели её обсудить. Там должно быть много музыки, а я так и не знаю, какую музыку он хотел. Это я виновата. Всё потом да потом. А он вот не дождался. Если честно, была в нём какая-то маленькая неправда которую я так и не поймала за хвост. Когда был молодым, проще смотрел на вещи, искреннее, а потом стал подвирать. В пьесе этой я вдруг почувствовала его опять молодым, он хотел вернуться к себе настоящему, наверное. Но куда уж там.

Она сняла фартук, привезённый из Италии, с нарисованными летящими фигурками пасты, и поставила на стол салат, в который резала огурец. Потом засунула в него две деревянные салатные ложки с вырезанными слонами на ручках. Эдвард сразу дотронулся до одного слона. Работа по дереву была превосходной, просто ювелирной. Он знал эту технику, а Марго говорила, что он так не сможет. Посуду Марго всегда покупала только белую, и салатница со слонами живописно забелела на коричневой скатерти. Салаты она стряпала виртуозно. Каких только приправ, овощей и масел у неё не было! Любила кедровые орешки.

— Так вот, — продолжила Марго, — сначала я хотела с собой забрать в будущее Вовку, а не тебя. Там, в клинике, ты как будто что-то почувствовал, помнишь?

Аппетит у Эдварда пропал мгновенно. Но он, конечно, ничего не сказал в ответ. Проглотил слюни, сгруппировался и включил без спроса телевизор. Марго тут же его выключила.

— Мне кажется, я не ошиблась, — посмотрела она доверительно на своего затихшего собеседника, — ты сможешь.

— Может и так, дорогая — протянул каким-то новым и необычным для себя самого тоном Эдвард.

Приложив максимум усилий, чтобы ничего лишнего не произнести, и почти не веря своей выдержке, он встал, прошёл в прихожую, взял кепку у зеркала и вышел из дома.

Марго не стала его останавливать. Она услышала двигатель включённого автомобиля, и глубоко вздохнув, отпустила ситуацию вместе с Эдвардом.

Ужин не получился.

11

Хрустальный поднос

Где-то около семи утра, Марго услышала, как открылись ворота, и во двор въехал автомобиль. «С возвращением!» — хотелось ей сказать своему дорогому Эдварду, но она ещё лежала в постели и вставать планировала только через час.

«После ссоры с женщиной лучше всего увидеться с другой женщиной», — гласит старая поговорка. Другой женщиной оказалась располневшая до ста килограммов, но когда-то очень симпатичная и вызывавшая игру мужского воображения Леночка Смирнова.

Климакс не пощадил её прекрасных форм, тяга к мучному и сидячий образ жизни музейного работника спустили её с каблуков и превратили из ласкающей глаз женщины в неповоротливое круглое создание, где от былой красоты остались ярко красные полные губы, маленькие кисти рук с красивым маникюром и цветной шёлковый платок на шее, которых у неё было несметное множество. Её невозможно было представить без платка. Она начала их активно носить ещё с девяностых. Они придавали ей индивидуальность, поднимали настроение, маскировали неинтересные и дешёвые кофточки, приветливо выглядывали из под плаща или пальто. Она всегда могла покрыть голову от дождя или даже зайти в церковь.

Эдвард уже и не помнил точно, где они познакомились, может, как раз и у церкви на Таганке. Леночке тогда было лет сорок. Он сразу понял, что она не откажет и будет рада ему, как божьему дару. На самом деле, она была рада и не рада. Леночка любила другого, женатого директора музея, где работала, Павла Сергеевича Волгина. Их служебный роман тянулся годы, а Эдварда она приняла как «личную жизнь». Никакой жизни с ним, конечно, не было кроме кратковременных сексуальных встреч с тортом у неё на квартире раз в месяц, потом раз в три-четыре и наконец ни разу в год. Он просто про неё забыл, а она и не напоминала. Толку-то!

— Вот так и живу. С котом, — Леночка, поставила на стол вазочку-ладью с песочным печеньем, — ты, может, выпить хочешь?

— Нет, я за рулём, — буркнул Эдвард. «Как же она постарела! А что с шеей? Неужели у меня такая же! Почему у Марго я никогда не замечал шею?» Как твой племянник, Паша? Стал банкиром-то?

— Хороший парень, наш Пашечка, ничего не скажешь. Женился, двое детей, работает в банке. Надо же, вспомнил про Пашечку! У тебя случилось что, Эдик? Мы же не виделись лет пять. Если бы я не знала, какой ты, ни за что бы не впустила.

— Время меняет людей, — тихо сказал Эдвард, не глядя на Леночку. Как будто сам себе сказал.

Другая на её месте, наверное, подумала бы недоброе, но Леночке нечего было бояться. Она даже была бы не против, если Эдвард взял бы и придушил её на этом самом жёлтом креслице на кухне. Прижал бы её бархатной подушкой и край. Не жизнь, а одни болезни и тоска. Что там впереди? Ухаживать за ней некому, если сляжет. Осталось только приобрести туристическую путёвку до Стокгольма, пока самостоятельно может ходить, а там в последний день поездки зайти в аптеку и купить набор для эвтаназии. Положить его в чемодан, обвернуть одеждой на всякий случай и прилететь обратно, чтобы правильно и с толком его применить. Опять же на родной земле. Интересно, они иностранцам эти наборы продают? А вдруг нет? Не с балкона же прыгать. Фи!

— Мы сами его меняем, это самое время. Меня вот соседка лет десять уверяет, что нас давно уже нет, — с умным видом сказала Леночка.

— Она хочет, чтобы ты так тоже считала? — переспросил Эдвард.

— Да я её не слушаю, — улыбнувшись, махнула Леночка красным маникюром, всколыхнув этим лёгким жестом своё тюленьё тело, — а знаешь — она вздохнула, — Павел Сергеевич умер в прошлом году. Пятого мая. От рака поджелудочной, — потом опустила глаза и вдруг как вскрикнет, — ну, говори же, Эдик! Что ты молчишь? Зачем я тебе понадобилась среди ночи пять лет спустя?

— Я как-то, — растерялся немного Эдвард, — давно хотел зайти Всё не решался Царствие ему небесное, твоему Волгину. Семьдесят-то ему стукнуло уже или нет?

— Нет, — сухо ответила Леночка.

— А ты вот, как хотела бы умереть? Ты думала об этом? Я читал где-то, что дата рождения и дата смерти прописаны судьбой — он вообще-то это вовсе не хотел спрашивать, да ещё и у Леночки, но ничего другого в качестве причины своего визита ему в голову не пришло.

— Ты что, за смертью моей пришёл? — вылупила глаза толстушка.

— Нет, мне своей достаточно. А если жизнь была бы бесконечна

— Вот соседка мне говорит, что бессмертие — это наказание. Бесконечная жизнь заставит ходить по кругу и повторять, повторять Да ещё и старость эта...

— По кругу? А если не стареть?

— Как это? — нахмурилась Леночка и провела рукой по реденьким, окрашенным в рыжий цвет волосам, прикрывая заметную лысину, — молодой что ли помирать?

Эдвард пожалел, что затеял этот разговор. «От соседки было бы, наверное, больше проку», — подумал он.

— Неужели кроме детей человеку и оставить нечего после себя? — вздохнул Эдвард.

— Ты по дереву-то вырезаешь или бросил? — она кивнула на подаренную им резную доску, которая красовалась на стене. Там был изображён шар, точнее, диск, а по диаметру шёл орнамент в виде старославянского шрифта: просто буквы, не соединённые в слова, буквы, как цветы. Такое качество работы и окончательной шлифовки всегда вызывало удивление и восхищение. На обратной стороне, скромный гений ставил свою печать: синюю кляксу. Эдвард придумал особый состав чернил цвета индиго, точнее, основной состав ему передал ещё в детстве первый деревенский учитель, сосед его родного деда, дед Кузьма, а Эдвард добавил туда немного блеска. Подделать такую кляксу было бы очень муторно.

— А это, — взглянул он на свой подарок, — да, иногда всё реже как-то стал

— Лет через двадцать за твоими деревяшками будут гоняться коллекционеры, поверь мне. Нанял бы себе какого пиарщика, вместо того, чтобы о смерти голову ломать, — посоветовала Леночка.

Эдварду это явно польстило. Он улыбнулся и поцеловал Леночку в дряблую щёку.

— А ты чего-нибудь хочешь? У тебя есть желание, которое ты ждёшь, что оно исполнится? — ему показалось на мгновение, что он сможет её расшевелить, как-то разбудить, может быть, даже помочь. Но чем именно она больна, он не хотел спрашивать. И так понятно, что еле живая.

— Да чего мне сейчас хотеть? Перехотелось уже. Я сначала обижалась на мир, а сейчас и это прошло. Если только лёгкой смерти попросить, — она засмеялась. — Да, а ведь больше нечего и просить.

За эти пять лет, что он её не видел, она не только состарилась и растолстела до неприличных размеров, его бывшая подружка попросту угасла. Под грудой колыхающегося жира, завёрнутой в тёмно-рыжий шёлковый халат, билось сердце изношенного и еле работавшего биоробота, который уже почти не думал, самостоятельно ничего не предпринимал и уж тем более ни о чём не мечтал. На столе, за которым они сидели, лежал неподъёмный хрустальный поднос, сделанный в середине прошлого века, считавшийся в то далёкое советское время предметом роскоши. Поднос был полон блистеров и пластиковых баночек с таблетками.

«Поеду-ка я обратно», — подумал Эдвард.

12

Спасибо, Вовка!

Сев в машину, Эдвард понял, что очень голоден. Ещё он понял, что пока не хочет, как Леночка на тот свет, что Марго классно всё придумала, и ему повезло. А мог бы на его месте быть Вовка. Царствие ему небесное! Приступ ревности и лёгкое помешательство на этой почве закончились. Что же он мне хотел сказать тогда перед смертью? Как он умудрялся скрывать, что принимает наркотики? Нет, он не был наркоманом. Скорее всего, таким образом он покончил с собой.

Ехать по пустым улицам было непривычно, как будто всё вымерло, оставив его одного. Только светофоры возвращали в реальность, особенно мигающий жёлтый. Жёлтый мигал страстно и ярко. Из радиоприёмника доносились неистовые переливы фортепианной музыки. Они были так созвучны появившемуся внезапно революционному и даже боевому настроению, что он увеличил громкость. «Революционный» этюд Скрябина обожали советские кинематографисты, усиливая этой неудержимой, зовущей в прекрасные дали музыкой сюжетный накал в своих жизнеутверждающих лентах, но сейчас знакомая с детства музыка звучала по-другому и только для него. Пробирала до костей, до последней клетки. Вспоминались сильные моменты из жизни, волнения, страдания, радость и счастье тоже вспоминались. Эдвард прослезился. «Смерть всегда страшна, — думал Эдвард, вспоминая отчаявшуюся Леночку, — но и новая жизнь тоже обещает серьёзные волнения. Вляпался или всё же я избранный? Почему Вовка никогда мне не говорил, что пишет пьесы?» Музыка закончилась, начались ночные новости. Он быстро припарковался у работающего ресторана, с виду дорогого и модного, и пошёл ужинать. Когда проходил мимо столика с зажжённым подсвечником, за которым сидели две пары, услышал в спину: «какой странный одинокий дедушка!»

Ресторан не был полон в такое позднее время, но и нельзя сказать, что он был пуст. Ему понравился столик в метре от окна с хорошим обзором на зал. Окно, правда, оказалось наглухо зашторено тяжёлой темно-красной занавеской с фиолетовой подкладкой. Занавеска была длиннее, чем расстояние от пола до потолка примерно на метр и живописно возлежала на полу этой своей «лишней» частью, притворившись шлейфом от дамского платья. Марго пришла в голову мгновенно, точнее, она оттуда никуда и не девалась.

Эдвард заказал королевских креветок и овощное суфле. Решил, что этого будет вполне достаточно. Те, со столика, оказались прямо напротив и не скрывали своих любопытных взглядов. Эдвард представил, что они — это камера, снимающая его скромную трапезу, и дал волю застоившемуся от редкого применения артистизму. Он интуитивно выбрал образ беспечного пожилого аристократа-чудака витающего в призрачном мире старческих грёз. На ум пришёл Владимир Владимирович Набоков собственной персоной. Такой, каким его видел

артист Петухов, когда известный русско-американский писатель жил в Швейцарии.

Эдвард любил Набокова, особенно его рассуждения о русской литературе. Сейчас рассуждали по-другому хотя бы и потому, что литературе всегда полезно отстояться, отдалиться от той точки, с которой о ней вещают. Она же о людях во времени, а время не видно под ногами. Но поскольку Набоков и тогда уже не видел в Горьком никакого особого художественного таланта, несмотря на то, что тот имел огромную популярность и не только в России, Эдвард сразу почувствовал в нём настоящего исследователя, пристрастного и требовательного. «Патока с копотью», повторяла за Набоковым Марго, говоря о Горьком. Уж она-то настрадалась от этого прародителя советской литературы. Почему-то Горький часто приходил на ум. Наверное, из-за Марго. Не всё так однозначно. «На дне» Любимова на «Таганке» — это тоже был Горький, и народ туда шёл валом. Он вспомнил Зину Славину в роли Василисы, её хриловатый голос. Хватит на сегодня.

Подошёл официант с тарелкой, на которой лежал кусок шоколадного торта.

— Компания напротив хочет вас угостить, у них какой-то праздник, — сказал парень, ставя угощение перед Эдвардом.

Эдвард посмотрел на торт, а потом на столик, откуда прислали привет. За столиком улыбались.

Что они празднуют, эти птенцы? Защиту диссертации? Рождение сына? Новую квартиру? Тридцатилетие? Они празднуют то, что я уже отпраздновал или никогда не отпраздную.

— А что они празднуют, которые угощают, ты случайно не слышал краем уха? — тихо спросил Эдвард у официанта.

— Кажется, они архитекторы. Один из них — точно. Может, вам чаю принести к торту?

— Нет, спасибо.

Официант отошёл, а Эдвард попробовал кусочек торта и слегка кивнул «архитекторам». Постарался рассмотреть ребят, посчитав примерную разницу в возрасте — получилось лет сорок. Последние пять лет, судя по сумасшедшим изменениям в технологиях, можно считать каждый год за три-четыре.

Куда, собственно, они с Марго возвращаются? Он представил себя таким вот пареньком, что сидел за тем столиком, и ужаснулся. В какую реальность он прётся со своим старым чемоданом? В голову пришёл фильм Шепитько про Матёру. «Две тайны в жизни неразрывны — тайна рождения и тайна смерти», — её слова, трагически погибшей совсем молодой. Может, подобно бабке Дарье из фильма, стоит как-то специально проститься с этой жизнью, со своим теперешним «Я». Избу помыть. Поблагодарить судьбу, создателя. Расставить точки. Марго не может не чувствовать хоть какого-то страха или сомнения. Но ведь не чувствует, идёт напролом. Или, может быть, я так её и не понял? Или она чего-то не договаривает. Бесстрашная.

Эдвард съел ещё один кусочек торта, вытер салфеткой рот и встал. Подошёл к столику с «архитекторами».

— Ребята, спасибо за угощение. Поздравляю с тем, что празднуете! Торт прекрасный. Новый какой-то на вкус. Я такой первый раз попробовал. Пора домой. У меня сегодня был день истины, — зачем-то сморозил Эдвард.

— Истины? — переспросила одна из девушек.

— Да, именно. Но не всё нашёл, что искал. Мы с женой вот решили переехать в другое место, и я думаю, правильно ли мы делаем, — он специально сказал «с женой». Марго всё

равно не слышит, а он взял себе в жёны Народную артистку, ранее для него недостижимую и известную на всю страну Маргариту Булавину. Вот как бывает. От того, что он это произнёс вслух даже спина выпрямилась.

— А куда, если не секрет, переезжаете? — спросила всё та же девушка.

— Да это её затея. Далечно. В Индию, — ничего другого в голову сразу не пришло, а так хотелось с ними поделиться, чуть ли не телефон спросить, чтобы было кому позвонить потом.

— Знаете, я когда вас увидел, сразу подумал, что вы что-то замышляете, — подхватил сидящий рядом с девушкой парень и взглянул на Эдварда очень синими, яркими глазами. Даже при ресторанном полумраке глаза казались светящимися.

— Ну, молодёжь! От вас не спрячешься, — посетовал шутя Эдвард, — знаете, ребят, я хочу вам пожелать смелости и правильных целей. Именно там собака зарыта. В целях. Хорошенько подумайте, прежде, чем на что-то решиться! Даже не подумайте, а послушайте своё сердце. Оно, знаете, так тихо говорит иногда, что его не слышно, а вы прислушайтесь — Эдвард оглядел каждого за столом и добавил, — любите друг друга! Я пошёл.

Эдвард ехал по уже утренней Москве домой к своей жене Марго. Ни Марго и никто другой не знали о его сегодняшней свадьбе, зато он сам знал и был счастлив такому повороту событий. Теперь, что бы не случилось, он пойдёт за ней. Хоть в будущее, хоть в прошлое, хоть в другое измерение. Больше он ничего не боялся. Он и в клинике это тогда почувствовал, когда они пришли впервые слушать Кувшинку, но сейчас всё совсем окончательно прояснилось. Он уже хотел скорее дочитать Вовкину пьесу и спросить Марго, зачем она вообще ему это подсунула. Сколько бы ей не было лет, в душе она девчонка-мечтательница. А вот если бы не пьеса, то он бы так ничего и не понял, никуда бы не пошёл и продолжал бы дрожать за свою шкуру. Всё имеет смысл. Спасибо, Вовка!

Часть 2

13

У бассейна

Комната у Эдварда в клинике была достаточно просторной, но пустоватой. Окна не было. В шкафу висела спортивная одежда с неизменной лилией на грудном кармане — костюмы, куртки, халаты, на полках — трикотаж, бельё и полотенца — всё белого цвета. Внизу стояли несколько пар обуви — кроссовки для бега и для ходьбы, мокасины, уличные туфли, шлёпанцы.

На прикроватной тумбочке была «кнопка вопросов и ответов». Нажав её, перед Эдвардом появилась знакомая голограмма с кувшинкой и приятный женский голос поинтересовался, зачем его побеспокоили.

— Как тебя зовут? — спросил Эдвард кувшинку.

— Наташа, — ответила голограмма.

Эдвард сразу к ней охладел и выключил чудо-дивайс. Распылять чувства на роботов он ещё не умел. Сел на кровать и приуныл. Возможно, за ними наблюдали в камеры, никто этого не исключал. Плевать, и так всё с ног на голову, пусть анализируют.

Сразу после заселения начались процедуры по регрессии возраста, занятия и спорт. Много всякого. Складывалось впечатление, что их постепенно нагружали до востер-линии, как это делают с грузовым кораблём. Иногда Эдвард думал, что если они меняют ему возраст и его физическое состояние, как же он остаётся всё в том же времени, а не возвращается туда, где был молодым, ему казалось почему-то, что теоретически возраст

зависел от времени. И ещё — память оставалась, ничего из прошлого не исчезало, а даже добавлялись подробности, которых он уже и не помнил, например, вспоминались стихи, знакомые люди, вкус мороженого в ГУМе, первая поездка на Чёрное море в Крым и запах кипарисов. Но вопросов пока не задавал, очень хотелось самому разобраться.

Как-то вечером за ужином их познакомили с другой парой: Муслимом и Стешей. Новым знакомым ещё не было семидесяти, но выглядели они неважнецки. Особенно Муслим: невысокий, обрюзгший, с животом, плохо двигающийся, лысый, с толстыми короткими пальцами и совсем без шеи. В речи чувствовался лёгкий южный акцент, похожий на азербайджанский.

Эдвард сразу задался вопросом, глядя на него: в кого же Муслим мечтал превратиться после курса? Неужели все эти нажитые признаки старческого нездоровья бесследно исчезнут?

Стеша выглядела поживее. Она ещё не растратила стройности, в отличие от мужа, именно так она говорила о Муслиме, держалась прямо, ходила быстро, вставала со стула, как девчонка, любила пошутить, временами даже похлеще, чем Марго. Старой и потерянной её делали грустные серые глаза и руки с явными признаками артрита. Иногда она застывала и смотрела вдаль, сквозь стену, как будто заново переживая случившееся с ней, что-то очень непростое и ранящее. В такие минуты уголки её губ опускались, и вся фигура приобретала какую-то мешковатость и бесформенность. Эдвард чувствовал, что она хлебнула беды, и видел, как она пыталась изо всех сил держаться.

Муслим старался ничем её не расстроить, не обидеть, всегда слушал её самым внимательным образом. Видимо, это у него уже вошло в привычку, и он давно поставил жену на первое место. С другой стороны, его никак нельзя было назвать слабаком, в нём чувствовался характер и лидерство. Через что они прошли, кто они, почему решились прийти в клинику...

Это был круг общения на ближайшие месяцы программы. Каждый подписал договор о неразглашении с очень жёсткими условиями. О прошлой жизни новых знакомых спрашивать запрещалось. Можно было только догадываться и строить предположения, но Марго посоветовала ему не засорять голову тем, что он не осилит, и не стараться никого перехитрить. Спокойная и уверенная. Это больше всего его и беспокоило. Эдвард никак не мог достичь такой степени пофигизма к собственной судьбе.

Вторым вопросом, нарушавшим его ночной сон, было предчувствие исполнения той тайной миссии, которую они с Марго должны были осуществить прежде, чем получат свободу. Какова цена этой миссии, какова его там роль, и не принесут ли его в жертву, как запасного игрока. И потом, зачем им вбивали столько знаний и информации, как студентам супер университета или космонавтам, которым предстоит отстаивать честь планеты на межгалактической викторине. Блин!

Иногда, чтобы спрятаться от нервотрёпки Эдвард вставал с постели и уходил плавать в бассейн — до изнеможения. Почти у самой воды стояло небольшое устройство для выбора музыки, если кому-то хотелось плавать под любимую мелодию. Эдвард часто выбирал старые хиты. Ему казалось, что если он будет слушать Стиви Уандера, Майкла Джексона, Анну Герман или Челентано, то будет вспоминать себя молодым, и та жизнь, от которой навсегда добровольно убежал, постепенно превратится в давно просмотренный фильм, о котором и вспоминать-то будет некогда. Да и что там вспоминать! Впереди новые эмоции на другом, так сказать, витке развития.

Эдвард скинул халат с неизменной кувшинкой на грудном кармане и ткнул пальцем на Муслима Магомаева. Песня называлась «Мелодия». После вступительных аккордов Эдвард слышал знакомый голос мега-звезды советской эстрады: «Ты моя мелодия, я твой преданный Орфей» Прыгнул в воду и поплыл, прокручивая в памяти, навеянную песней одну из праздничных пьянок в день годовщины Великой Октябрьской Революции.

Какую точно он, конечно, сказать не мог. Обыкновенный праздничный ужин из прошлого, каких было не пересчитать, в гостях у кого-то: банка шпрот на блюде, стоявшая прямо перед его тарелкой, гогот друзей, песни под гитару, салют за окном. Он плыл, а Магомаев запел про море: «Море, возьми меня в дальние дали парусом алым вместе с собой» Эдвард остановился, упёрся ногами о дно, закрыл глаза и дослушал песню до конца.

Он уже почти успокоился и начал вспоминать арабские слова из программы Центра, которые слушал вечером в наушниках на кровати: асадун, хыртитун, кырду, бакаратун. Как только он открыл глаза, сразу увидел перед собой Муслима. Не Магомаева, конечно, а своего нового приятеля по эксперименту. Он тоже стоял и слушал своего тезку. Когда Муслим был раздетым, то не производил впечатления полной розвальни — у него были толстоватые, но мускулистые волосатые, как у большинства восточных мужчин, ноги и руки и относительно крепкая спина, которая из последних сил носила толстый живот хозяина. Видимо, Муслим раньше, в той жизни, не отказывал себе в жареных барашках и шакер-чурек с пахлавой.

— Ты давно вот так плаваешь? — спросил Муслим.

— Раз шесть плавал. Успокаивает нервы. Иногда мне кажется, что в конце эксперимента я превращусь в кого-то совершенно другого, и мне немного не по себе, — шагнул на запретную территорию Эдвард.

— Ты даже не представляешь, как быстро привыкнешь к себе другому, тело будет опять гибким и сильным. Я знаю. Только не спрашивай откуда, — Муслим шумно прыгнул в воду, обрызгав Эдварду всё лицо.

Тот не стал продолжать разговор, вылез из воды и поспешил восвояси. Ещё неизвестно, как отреагируют на их ночные плаванья «хозяева», не говоря уже об общении в неположенное время суток с представителем чужой пары. Да и Марго начнёт выпытывать, почему у него бессонница и всё такое.

Он зашёл в номер, быстро ополоснулся под душем, надел пижаму, но лечь не спешил — совершенно не хотелось спать. А почему Муслим тоже плавает по ночам? Он сказал, что ему, вроде, не страшно тут, но тогда что? Может, он пришёл мне что-то сказать, а я, идиот, убежал, как заяц в осеннем лесу от грибников. Сегодня за ужином Муслим почти ничего не ел, так, ковырялся в салате, накалывая на вилку кусочки редиски. Стеша ещё ему сказала: «совсем голову потерял». Это никак не пустая фраза, за ней явно стоит какая-то проблема. А если она сказала это специально, а я не понял? И потом у бассейна он вдруг мне открыто сообщает: «Ты даже не представляешь, как быстро привыкнешь к себе другому Я знаю. Только не спрашивай откуда». Вот я идиот!

Эдвард вскочил на ноги, готовый вернуться в бассейн, но потом всё-таки передумал. Надо быть незаметнее в своём неуёмном любопытстве. Остальным тоже интересно, но они помалкивают. А вдруг только он не в курсе их дальнейшей программы? Он, случайно здесь оказавшийся по милости Марго, да и то благодаря сложившимся обстоятельствам — ей дали возможность взять с собой кого-нибудь, любого на выбор. Сначала же хотела Вовку, не его. Эдвард никак не мог простить Марго, что сначала она предпочла его именно Вовке, этому алкашу, гуляке, бабнику, любителю дорогих рубашек и ботинок ручной работы. Вовка и не

отличался особым талантом, он просто был выскочка, умел себя подать, дружить с кем надо, зарабатывать неплохие бабки. На чём, интересно, он зарабатывал? Ездил на дорогих машинах, дачу отстроил на Риге, дочь учил в Финансовой Академии, носил золотые часы. Сцена к нему не питала особой благосклонности.

До Марго Вовке было далеко. Она просто никем больше не придумала заполнить вакансию компаньона из своего круга. А я повёлся, потому что слабый, внушаемый, завидующий её успеху и власти над людьми. Она явно им очень нужна, этим Гамаусам. Она всегда всем нужна, прекрасная Марго. «Нет! — выкрикнул Эдвард вслух, — я согласился, потому что ещё хочу жить! Заново! Без ошибок! Хочу любить! Хочу творить! У меня всё для этого есть сейчас кроме времени. Я повёлся на время. Но я больше всего его и боюсь».

Он вдруг понял первопричину своих страхов — новое время и новый мир: без троллейбусов и записок от руки. Электронное, холодное, глобальное, бездушное будущее. Но в этом Эдвард был не совсем уверен. Души никуда не деваются, меняется сознание. Лучше успокоиться и брать с Марго пример — придумывать себе будущее, новое дело, обмусоливать детали, представлять себя мускулистым, гибким, белозубым, неутомимым.

Ему страшно захотелось взять в руки резец и сотворить немислимый орнамент, сложный, запутанный, объёмный, непонятный, на грани безвкусицы. Выплеснуть на дерево все свои страхи и опасные догадки. Но где ж его взять, это дерево? Хоть малюсенький кусочек деревяшки? Может, попросить? Эдвард почувствовал физическую боль в правой кисти, так ей хотелось творить. Он взял лист бумаги и стал рисовать. Наконец-то! Постепенно с каждым рождавшимся в его фантазиях завитком тревоги стали уходить, он погрузился в причудливые сплетения орнамента и успокоился.

14

Стеша

Стеша родилась в Хабаровске в самом конце сороковых. Папа был заезжий музыкант из Ленинграда, мама официантка в ресторане. Папа узнал о её существовании года через четыре после её рождения, приехав опять на гастроли в дальневосточную столицу и сильно удивившись. Мама могла тогда и вовсе ему не говорить о Стеше, но ей хотелось утереть ему нос. Дело в том, что мама вышла замуж за партийного босса, Георгия Григорьевича Жвания, родила ему сына Гришу, Стешиного братца, жила в пятикомнатной квартире и иногда даже пользовалась автомобилем с водителем. На этом намытом авто она и подъехала к месту встречи.

Но настоящий Стешин папа, Михаил Матвеевич Муравьёв, был ни в чём не виноват, он понятия не имел, что у него родилась дочь в Хабаровске. На его мольбы показать дочь, мама ответила загадочной фразой «Всему своё время» и уехала. Очевидно, ей очень хотелось поставить ещё одну галочку в истории своей жизни: ты со мной так, погулял и забыл, а теперь кушай, пожалуйста, бутерброд с перчёным луком и запивай горькими слезами, пролитыми ночами во время моей беременности. Стешина мама, Полина Прокофьевна Голикова, всегда давала сдачи. С самого детства она была мстительной и злопамятной, причём, ей нравилось мстить в стократном размере. Один раз даже, обидевшись на родителей, чуть не подожгла дом, да и то не сделала этого только потому, что в порыве гнева упала, ударилась о косяк двери и потеряла сознание. Но спички в кулаке так и держала. В официантках она оказалась потому, что хотела заработать на билет до Магадана и вернуть Сергею, бывшему однокласснику, долг за старое зимнее пальто, которое он отдал её отцу, а потом всем рассказывал, как он помогает их семье. Она бы и пальто вернула, да отец, что

греха таить, упал спяну в какую-то канаву и вывалил это злосчастное пальто в свежих, ещё не замёрзших помоях. Лет с шестнадцати Мать мечтала стать актрисой, играть в столичном театре дам из высшего света и соблазнить главного режиссёра, но ленинградский пианист поставил на её мечтах крест.

Папа Гоша был хороший и внимательный, любил шумные застолья, песни за столом и мамины чтения стихов, особенно Лермонтова. Стеша так часто их слышала, что сама выучила наизусть весь мамин репертуар. Однажды папа Гоша пошёл на охоту с друзьями и погиб. В него попала пуля, которая предназначалась медведю. Стеше тогда уже стукнуло четырнадцать, а Гришке двенадцать. Мать убивалась страшно. Всё померкло для неё. Злодейка-судьба опять подставила ей подножку, и в этот раз Полина не устояла. Она позвала дочь на кухню и сказала, что Гоша не её родной отец. Отец по крови живёт в Ленинграде, и теперь она может, если хочет, его найти. Вот адрес. Детство кончилось.

Стояли летние каникулы, Полина Прокофьевна вручила ей билет на поезд, и Стеша поехала на поиски отца. Сына Полина Прокофьевна отправила в Грузию, к брату Гоши, дяде Шалве. Потом покончила с собой. Повесилась в лесу. Возвращаться Стеше стало некуда. Смерть матери трудно было принять. Она не понимала, почему мать бросила её и Гришку на произвол судьбы, почему отказалась от жизни, в конце концов, в расцвете лет. А как же миллионы жён, потерявших своих мужей во время войны? Никто тогда не бросал своих детей, а сейчас война уже кончилась, как же сейчас можно было так поступить? Эти вопросы не давали Стеше покоя. У матери была какая-то тайна, которую она забрала с собой. Она не могла остаться жить. Что это за тайна

Но девочке несказанно повезло с отцом. Михаил Матвеевич, его жена, зеленоглазая Лариса, а главное его мама, Мария Михайловна, настоящая Стешина бабушка, приняли несчастную с распростёртыми объятиями. Внешне девочка очень напоминала отца, Мария Михайловна это сразу заметила. Но у неё были светлее волосы, веселее, несмотря на никакие горести взгляд, и толще губы, хотя улыбалась она также, как он — во всё лицо, оголяя ровные крупные зубы. Она казалась очень своеобразной, невысокой, но какой-то изящной, хоть и не красавицей. Мать приучила её к порядку и аккуратности, так что в доме от неё была только польза, если рассматривать бытовой аспект её там присутствия.

Убитая горем, растерянная девочка окунулась в любовь и музыку. В квартире стоял настоящий рояль, и очень скоро Стеша уже наигрывала разные мелодии. Сначала на слух, а потом и по правилам: бабушка принялась учить её нотам и радовалась каждому дню, проведённому с внучкой. У Мишеньки с Ларисой не было детей. А тут такая радость! Ещё Стеша любила рисовать, точнее, срисовывать. Она делала это дотошно, медленно, по нескольку недель возилась с одной картиной.

Отец быстро обратил внимание на её увлечение и стал приносить незаметно альбомы для рисования, краски, кисточки, даже набор для черчения как-то положил ей на стол. Марии Михайловне тоже долго объяснять ничего было не надо, она взяла Стешу за руку и пошла в Эрмитаж. И открылся новый мир! Сначала был восторг, непонимание, как человек может так много создать настоящей волнующей красоты, потом появилось стойкое желание ходить туда каждый день и смотреть на картины. Она подолгу стояла то в одном зале, то в другом, думала о чём-то, почти не двигаясь.

А что бы было, если бы мать так и не сказала ей адрес отца, и она бы не попала в Ленинград? Что это за город такой, где каждый дом особенный, с идеей, с правильными линиями, где так много дворцов, пусть облупленных, с облетающей штукатуркой, с

грязными окнами, с немывыми лестницами, но на это можно закрыть глаза, прищуриться и представить, как было когда-то. А каналы, мосты и мостики, фонари, статуи Днём её отпускали гулять одну. Одну, потому что хотелось смотреть на город в одиночестве, чтобы никто не мешал, не спрашивал ерунду, не останавливал воображение.

Мария Михайловна пережила блокаду. Всю. Почти все 900 дней и ночей. Она не любила об этом вспоминать, говорила, что это не для детских ушей. В 1941 ей было чуть больше сорока. Муж, Стешин дед, погиб в августе 1942 во время первого летнего успешного наступления советских войск в районе Погорелое Городище. Стеша нашла это место на карте в Калининской области и поставила там крестик. Его звали Матвей. Мария Михайловна показала ей фотографию, приклеенную на картонную бумагу. На фотографии стояли молодая бабушка, коротко подстриженная и озорная в платье с бантом на груди, и дед в костюме с бабочкой вместо галстука, а между ними на красивом резном стуле с шёлковой обивкой сидел её отец в матроске, рядом с которым виднелась деревянная лошадка-качалка. Отцу, наверное, было не больше трёх.

Сначала Стеша срисовала отца, потом деда, а с портретом молодой бабушки возилась долго, недели четыре. Когда Мария Михайловна его увидела, она поверила в то, что у Стеши есть талант. Этот портрет невероятно их сблизил, и Мария Михайловна стала понемногу рассказывать ей о своей жизни и о войне. Стеша чувствовала, как у неё болела душа за разрушенный город, за канувшую в Лету красоту, за то, что будущие поколения не смогут оценить всю мощь и величие Петербурга. Бабушка как будто сожалела об этом в первую очередь, а не о своей разрушенной судьбе.

Стеша постепенно начала себя чувствовать ленинградкой, вот только очень скучала по брату, писала ему в Грузию каждую неделю. Вроде бы его тоже приняли душевно, зачислили в русскую школу, кормили, поили. Он стал заниматься классической борьбой и ходил в драм-кружок при Доме пионеров. Стеша очень удивилась, когда узнала об этом. Подумала, что, наверное, интерес к сцене, театру передался ему от матери. В доме отца было много книг, особенно классики. Стеша взяла с полки «Витязя в тигровой шкуре», думая о Грише и его грузинском драм-кружке. Книга очень понравилась.

Стеша тоже записалась в драм-кружок при Доме пионеров, который находился буквально за углом. Она прочитала отрывок из «Мцыри», и привела пожилую актрису, которая этим кружком руководила, в настоящее смятение. Надо сказать, что у Стеши был ещё один талант, её чтение стихов, особенно Лермонтова, никого не оставляло равнодушным. А Мария Михайловна, слушая её, почти всегда смахивала набежавшую слезу и говорила: «Ой, Стеша, неужели ты у нас пойдёшь в театральный? Ведь пойдёшь! Откуда у тебя такая дикция?» Мать Вечная боль потери Непонятная Стеша никогда не разговаривала с бабушкой о матери, только о Грише. Это Мария Михайловна положила на видное место томик Руставели.

Отец тоже никогда о матери не говорил. Да и что он мог о ней сказать? Он её толком даже и не знал. Если бы не было бабушки, Стеша ближе бы сошлась с Ларисой, но, может быть, и нет. В принципе, они все вчетвером жили дружно. После школы Стеша подала документы в «Репинку», она мечтала стать реставратором. Её приняли.

15

Муслим

Брата его родной бабки звали Петром Акимовичем Бабаевым, тем самым, в честь которого назвали в 1922 году известную на всю страну кондитерскую фабрику Абрикосовых

в Москве. Вот и все его азербайджанские корни, точнее, от прадеда Хакима, которого выслали в Рязанскую губернию из Нухинского уезда Елизаветпольской губернии (ныне Азербайджана). Хоть прадед и находился довольно далеко от правнука на семейном древе, именно Муслим унаследовал от него яркую восточную внешность. А назвал его так отец в честь своего погибшего на войне друга, тоже азербайджанца.

Прадед Хаким был непростой, стал одним из организаторов забастовки рабочих в 1876 году в Баку. Что этот его прадед тогда понимал в мировой революции, за что боролся на самом деле, этого уже никто не узнает. Судьбе было угодно забросить его в Россию. Рязанская жена Люба родила ему восьмерых детей. Одной из дочерей была его бабка, а одним из сыновей этот Пётр-революционер, продолжатель славной семейной традиции, борец с самодержавием, насилием и несправедливостью. Лучше бы его родня была из Абрикосовых, часто думал Муслим, уже живя в Москве. Вот это семейство, вот это размах!

Он много читал про историю семьи Абрикосовых и даже как-то в душе сроднился с ними. Находил в городе их доходные дома, которыми занималась известная благотворительница Агриппина Алексеевна, жена одного из основателей шоколадной империи, Алексея Ивановича Абрикосова. Нашёл её роддом на Миусской улице, который был главным делом её жизни. Его опять переименовали из «имени Крупской» в Городской родильный дом № 6 имени А.А.Абрикосовой. И он тихо порадовался.

Муслима всегда тянуло к крупным делам и сильным ярким поступкам, а его кумиром стал Фарман Салманов, первопроходец Тюменского Севера. Хотя геологию он выбрал до того, как узнал про Фармана. Муслим с огромным интересом читал его биографию и находил что-то неуловимо общее между жизнью Фармана и своей семейной историей. Он тоже закончил геологоразведочный факультет, только не в Баку, а в Ленинграде, и тоже стал горным инженером-геологом, а потом настоящим нефтяником. Подвиг Салманова в Сургуте, когда он тайком увёл туда свою геологическую партию, уверенный, что там есть нефть, его настойчивость, убеждённость вызывали у Муслима восхищение. Это сейчас Сургут ассоциируется с добычей нефти, а ведь первая скважина забила в 1961 году именно благодаря Салманову, и вся Западная Сибирь стала ассоциироваться с нашими месторождениями нефти и газа.

И ещё Муслиму всегда везло на заработки и вообще на деньги. Они сами шли к нему в руки, особенно на заре рыночных отношений. Девяностые сделали его миллионером. Дожив до сорока пяти, два раза разведясь, Муслим продолжал ждать ту единственную, которая по-настоящему наполнит его жизнь. Ему не нужна была писанная красавица, с его деньгами красавицы сами обивали пороги, и их не надо было искать и завоёвывать, ему не нужна была состоявшаяся в любой профессии женщина с интересным внутренним миром, большим кругозором и глубокими философскими знаниями, ему не нужна была провинциальная простушка с добрым сердцем и вкусными пирогами — ему была нужна затерявшаяся его половина, которую он сразу узнает, лишь бы только встретилась на пути.

Муслим был бесплоден. Вторая жена, Валентина, забеременела от другого. Глупышка. Сейчас вот обижается, что он плохо с ней поступил и не отдал какой-то там половины имущества. Как будто кто-то может точно сказать, что входит в эту половину. Да он бы многое отдал, если бы Но так пока ей и не сказал, что знает, кто отец ребёнка. Спешить некуда. А бумажки все собрал. Нет, это неинтересно — прошлое, и то не самый выдающийся его фрагмент.

После второго развода началась полоса путешествий. Сначала арабский мир, начиная с

Северной Африки и заканчивая Персидским заливом. И опять деньги лезли к нему в руки, и его профессия приветливо подмигивала ему почти в каждой из столиц: встречи, переговоры, неожиданные решения по совместной деятельности, продажа и покупка оборудования, обмен опытом.

После Египта поехал в Индию, после Индии в Китай и Южную Корею. Он давно испытывал необъяснимую симпатию к корейцам. Кухня, наверное, нравилась. В Корее познакомился с одним корейским дипломатом Санг Уон Ли, католиком, который просил называть его Саймоном. У Саймона была мечта — увидеть Санкт-Петербург. Муслим пригласил его в Питер и организовал подробный десятидневный тур по городу.

Гостиница, в которой они жили, настолько впечатлила корейца своей сложной старинной красотой и вкусом, что он напросился на встречу с управляющим, на которой попросил его согласия размещать в этом неповторимом дворце туристов из Кореи. Особенно ему нравилось качество отделки и мебель. Узнал, что мебель делают и реставрируют на фабрике в Питере. Попросил рассказать об этом подробнее, и приехала Стеша. Муслим взглянул на неё и сразу почувствовал укол в сердце. Перед ним стояла нежная, скромная, утончённая от природы, образованная, милейшая женщина. Он искал такую всю жизнь.

Стеша была замужем за непризнанным гением-живописцем Владом, который страдал от алкоголизма, прикрываясь творческими поисками и ненавистью к мещанству. Детей у них не было, и они их даже не планировали. Годы шли своей чередой, отдавая их друг от друга — художник всё глубже уходил в мир грёз и ожиданий божественного вдохновения, Стеша занималась реставрацией, благо город без такой работы её никогда не оставлял. Жили на зарплату, а иногда и на очень хорошие деньги дополнительных заказов, которые Стеша получала от состоятельных частных клиентов.

Старинные апартаменты в историческом центре Северной столицы стали вызывать огромный интерес. Почему бы не козырнуть квартирой в Питере, рядом с музеями и финляндской границей. Удобно, культурно, элегантно. Стеша работала с утра до вечера. Но даже самая любимая работа, особенно творческая, может так истощить человека, если у него нет возможности отдыхать или просто отвлекаться на что-то другое, что становится рутинной, а рутинная ничего особо хорошего предложить не может. Хорошее и новое предложил Муслим, ворвавшись в Стешину жизнь на ковре-самолёте из восточной сказки. Но любви у неё не случилось. Она сказала «да», покривив душой. Устала. И вспомнила старую истину — «стерпится-слюбится».

Муслим отвёз супругу в Москву, в прекрасную квартиру на набережной Москвы-реки. Год она переделывала дизайн московского не очень грамотного интерьер — дизайнера, испортившего, по её мнению, всю мысль архитектора, и сделавшего такое, что никак не подходило для Москвы. Меняла полы, двери, мебель, шторы, покупала картины. Навела красоту и гармонию, чтобы жить и радоваться. Так и получилось. Только детей не было, а Стеша могла ещё родить. Но нет, так нет.

Зато у Гриши было два сына, милых и воспитанных. Брат женился в Грузии на красивой украинской девушке, у которой оказалось полно родственников в Австралии. Родственники эти занимались сельским хозяйством, разводили скот, имели свои заводы по переработке коровьих хвостов, и просто умолили Гришину жену, Оксану, уговорить мужа и переехать к ним в страну Оз. Стеша простилась с братом и племянками, не успев насладиться своею к ним любовью.

Бездельничать наконец надоело. Муслим и Стеша, точнее, Стеша с помощью денег

Муслима, открыла небольшое мебельное производство. Для души. Чтобы каждая вещь была идеальной. Чтобы ящики у комода выдвигались мизинцем, чтобы полировка была, как водная гладь, чтобы не было ни одной лишней детали, даже линии, чтобы дерево, из которого делался стол или стул было самой лучшей обработки. Стеша играла с качеством и никуда не спешила. Её вещи продавались как произведения искусства. Она любила махагон и дуб. Всё, что было сделано из дерева, ей было понятно — любого века, любой страны, любой школы. Удивить её было практически невозможно. Она стала ездить в Италию набираться опыта, пару раз летала в Штаты. Муслим радовался её успехам больше, чем своим, и больше, чем она сама радовалась.

Потом начались копания в себе, поиски духовности, смыслов бытия, Индия, Тибет, Китай, Южная Америка, русские старцы. Смыслы не находились. Делать ничего не хотелось. В семье начался разлад и вежливое молчание. Муслим разболелся. Стеше стало его жалко, она поняла, что кроме него у неё есть только её уже избалованный капризный характер и пара подруг-попрошак. Она кинулась спасать своего Муслима, и депрессия отступила. И как раз примерно в это время поправившийся и повеселевший Муслим пришёл домой с ошеломительным предложением. Предложение касалось клиники «Гамаус».

16

«Гляжу на прошлое с тоской»

После случая в бассейне и волнительной ночи Эдвард целый день разыгрывал из себя послушного пионера-отличника. Улыбался, вдохновенно трудился на занятиях, приготовив на пять с плюсом домашнее задание, даже выучил стихотворение Бродского «Прощай», которое задали два дня назад. Задали, сказав, что поэзия — это апогей искусства, и человек, не знающий на память стихов, дальше идти не сможет. Куда идти, Эдвард, естественно, не уточнял, но холодком его обдало. Как будто они не знали, что он артист. Что для него выучить стишок? Да даже и из Бродского. Он когда-то им увлекался, но так, сам с собою, публично с такой поэзией никуда не выходил. Странно, однако, что они хотели услышать? Марго, правда, его предупредила, что её освободили от этого задания за ненужностью. А почему же его не освободили, он же тоже артист, всю жизнь проработавший в театре? Эдварду такое отношение к себе показалось унижительным. Но он заставил себя не обращать на это внимание. Сейчас он будет послушным и благонадёжным.

Когда дело дошло до литературы, спрашивать стихи начали с Муслима. Его попросили выучить известное стихотворение Эдуарда Асадова «Не привыкайте никогда к любви». Эдвард подумал сразу, что этими предложениями, точнее, самой подборкой текстов, хозяева явно на что-то намекали.

Муслиму было неловко. Он и в школе-то бегал от этих стихов, как от чумы, и с литературой всегда был в натянутых отношениях, а тут на старости лет — публичное выступление. Но делать нечего — надо так надо. Муслим вытер носовым платком вспотевшую шею и отбарабанил все восемь куплетов без сучка и задоринки.

Не привыкайте никогда к любви!

Не соглашайтесь, как бы ни устали,

Чтоб замолчали ваши соловьи

И чтоб цветы прекрасные увяли.

И, главное, не верьте никогда,

Что будто всё проходит и уходит.

Да, звёзды меркнут, но одна звезда
По имени Любовь всегда-всегда
Обязана гореть на небосводе!

Не привыкайте никогда к любви,
Разменивая счастье на привычки,
Словно костёр на крохотные спички,
Не мелочись, а яростно живи!

Не привыкайте никогда к губам,
Что будто бы вам издавна знакомы,
Как не привыкнешь к солнцу и ветрам
Иль ливню средь грохочущего грома!

Да, в мелких чувствах можно вновь и вновь
Встречать, терять и снова возвращаться,
Но если вдруг вам выпала любовь,
Привыкнуть к ней — как обесцветить кровь
Иль до копейки разом проигратъся!

Не привыкайте к счастью никогда!
Напротив, светлым озарясь гореньем,
Смотрите на любовь свою всегда
С живым и постоянным удивленьем.

Алмаз не подчиняется годам
И никогда не обратится в малость.
Дивитесь же всегда тому, что вам
Заслужено иль нет — судить не нам,
Но счастье в мире всё-таки досталось!

И, чтоб любви не таяла звезда,
Исполнитесь возвышенным искусством:
Не позволяйте выдыхаться чувствам,
Не привыкайте к счастью никогда.

Чтец из Муслима был неважнецкий, но зато он старался. Стеша захлопала в ладоши. Он читал это только ей вне всякого сомнения, но смотревшие на Муслима глаза были не с Муслимом. «Что за проблема между ними?» — подумал Эдвард. Он чувствовал, что ей было трудно с ним, она как будто едва сдерживалась. А он из кожи вон лез, чтобы всё загладить или «перезагрузить», как сейчас выражается молодёжь.

— Муслим, я вспомнила свою первую любовь, — вдруг сказала Марго.

«Эдвард» — продолжило табло.

Эдвард встал, сделал паузу, дождался полной тишины, выбрал мишень — безобидную и тихую Стешу, как ему казалось, надеясь поймать в её глазах восхищение его актёрским

профессионализмом, и сразить наповал. Ну, уж её-то точно сможет, подумал Эдвард, она же не Марго. Вдохнул воздух перед стартом, выдохнул и прочёл:

Прощай,
позабудь
и не обессудь.
А письма сожги,
как мост.
Да будет мужественным
твой путь,
да будет он прям
и прост.
Да будет во мгле
для тебя гореть
звёздная мишура,
да будет надежда
ладони греть
у твоего костра.
Да будут метели,
снега, дожди
и бешеный рёв огня,
да будет удач у тебя впереди
больше, чем у меня.
Да будет могуч и прекрасен
бой,
гремящий в твоей груди.
Я счастлив за тех,
которым с тобой,
может быть,
по пути.

Стеша осталась равнодушной к его мастерству, сидела, как каменный истукан, не шевелясь. Эдвард смутился. Вот, что значит, человек, не имеющий отношения к театру, к актёрскому поиску, к творческому нерву. Марго снисходительно улыбнулась ему, когда он нашёл её глаза в качестве поддержки, а Муслим как всегда смотрел на свою жену. В этот раз он смотрел так жалостливо и грустно, как будто Эдвард для него читал Бродского. Можно было даже подумать, что именно об этом он и думал — о расставании, о предстоящей разлуке, но не о том, как Эдвард классно подготовился.

Бедному Эдварду явно никак не везло с признанием его актёрских качеств. На преподавательском экране появилась надпись «принято». «Сподобился», — ухмыльнулся Эдвард, — «дождался признания электронного экрана. Не зря ходил на работу». Он тихо сел на своё место, посмотрел по привычке на руки, которые просто рыдали по карандашу, и остолбенел: артритные шишки на пальцах исчезли. Они никогда не были большими и ещё особо не давали о себе знать, но раньше их было уже видно. Он сжал кисти в кулаки, разжал, посмотрел на свои длинные ровные пальцы и почему-то огляделся по сторонам. Никто ничего не заметил. Потом внимательно посмотрел на руки Стеши, у неё артрит давно хозяйничал, и на её пальцах он хорошо просматривался. Ничего себе! Просто девчачьи

пальчики! Он заметил, что Стеша смотрела на него, и сразу закашлялся, проводя рукой по волосам.

В Центре они никогда не занимались с живым преподавателем: с ними разговаривал голос из голограммы, иногда там появлялся преподаватель в он-лайн режиме, если это были уроки по языкам, и показывали разные фильмы и картинки. Только, когда дело касалось спорта, появлялись два тренера и два массажиста, которые были настоящими, правда, не особенно разговорчивыми. Можно сказать, совсем не разговорчивыми, они произносили коротко команды или корректировали позы, если Эдвард не точно, понимал, что от него хотели.

«Стеша» — появилось на табло.

Эдвард, ошеломлённый открытием в своём внешнем облике и одновременно довольный тем, что его оценили где-то там, в кулуарах заведения, приготовился слушать, предварительно надев на себя маску равнодушия и непоколебимости. Что он мог услышать от ещё одной дилетантки, разве что наивные неотработанные нотки, присущие выступлениям работниц в заводских клубах самодеятельности, знакомые со времён юности. Как они тогда все любили Есенина в СССР! Позже Вознесенского, Евтушенко, кто-то с умом сходил по Рождественскому.

Стеша тоже сделала паузу и дождалась внимания. Потом прищурилась немного и как-то своеобразно скрестила руки на груди. Муслим уставился на неё сверлящими чёрными глазами. Казалось, что он ждал чего-то важного, потому что немного наклонил корпус вперёд и плотно сомкнул губы. Эдвард бросил взгляд на Марго, но она была сама безмятежность. Уж кто-кто, а она понимала в том, как надо читать стихи, чтобы захватывало дух и оставалось долгое послевкусие.

Гляжу на будущее с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придёт ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишённый сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Эдвард не понял, что это было. Как будто он шёл по узкой улочке на окраине

фабричного городка и упёрся в резные ворота мраморного особняка со светящимися окнами. Лермонтов?! Давно забытый! А какой тягучий и щемящий! И что это за интонации у Стеши, и разве у неё такой пронзающий насквозь голос? Это Стешин голос? Как это? Это вообще она? Всё сжалось внутри от трепета перед гением — «Придёт ли вестник избавленья Открыть мне жизни назначенье». Можно ли лучше сказать о том, что у него внутри? Даже Марго была приятно удивлена — она вся светилась и улыбалась. Интересно, кому? Себе или Стеше? Своим мыслям, радости от Стешиного исполнения, возможно, ещё чему-то. Муслим смотрел влажными глазами. Его тоже пробрало. Как такое могло быть? Какая-то старушка прочитала Лермонтова лучше, чем многие профи актёрского мастерства, которых он слышал! Это всё условно, конечно, кто как читает и насколько лучше, но сила воздействия от Стешиного чтения была не шуточной.

«Лидер» — высветилось на экране.

17

Богдан

Эдвард обожал процедуры в биотроне. Он лежал на жёстком матрасе на деревянной полке в огромном золотом шаре, а с противоположной стороны от полки ставили проросшие растения: пшеницу, кукурузу, горох, ещё какие-то другие. Плотно закрывали дверь, и он там оставался на ночь. Это было лучшее воплощение теории управления полем, над которой не одно десятилетие работал в России китайский врач-генетик Цзян Кэньчжен.

Очень возможно, что точно этот биотрон, в котором молодел, умнел и хорошел Эдвард, был значительно доработан, а, самое главное, «материализован» в золоте, что самому изобретателю могло только приходиться в фантастических видениях или сновидениях. Заходить в биотрон рекомендовалось только с добрыми мыслями и намерениями. В основном, они такие у Эдварда и были, если исключить тревожные мысли о задании, за которое он и Марго получают свободу.

Сначала в биотроне ему снилась прожитая жизнь — детство в интернате, бесконечный голод, институт, юная Марго, куда ж без неё, остров Бали, где огромный Будда сам с ним поздоровался, театр, опять Марго, его мастерская, где он начал вырезать свои панно, но потом он заметил, что видит совершенно другого себя и ходит совершенно по другой реальности. Он видел бескрайние зелёные поля, летающие тарелки, небоскрёбы, красивых синеглазых высоких женщин с почти белыми волосами и никак не понимал, почему из ночи в ночь опять видит эту реальность, не может же ему сниться один и тот же сон на протяжении нескольких дней. Не вечный ли уважаемый металл явился причиной его фантастических видений, думал Эдвард.

В какой-то из дней Наташа попросила зайти в процедурную, где его ждали два высоченных и стройных молодых парня в белых халатах. Раньше он их не видел, всё общение в основном проводилось через голограмму или, в крайнем случае, появлялась Наташа. Была это одна и та же девушка или их было несколько, трудно сказать. Парни в халатах приветливо улыбались, положили Эдварда на кушетку и сказали, что введут очень важный препарат, который отключит его на несколько дней. Уверили, что технология проверенная, и им нужно, чтобы он был спокоен и уверен в том, что он в надёжных руках.

Эдвард уловил лёгкий иностранный акцент в их языке, но какой именно не понял. Он быстро подчинился и настроился на свою творческую волну — представил себя в своей старой студии с резцом в руке. Никаких приборов и вообще никакой медицинской техники в процедурной не стояло, но Эдвард знал, что он под контролем, так как всё, что нужно,

хозяйева смогут иметь дистанционно. Потом очень быстро вокруг его тела парни установили каркас из белого материала, похожего на пенопласт, вкололи ещё какие-то инъекции в ноги и руки, и он тихо и мирно заснул.

Проснувшись, Эдвард чувствовал себя очень скверно — его тошнило, он не мог встать с кушетки, руки висели, как плети, язык еле ворочался. Пришли опять эти двое в белых халатах, похвалили его за успешное преодоление почти сорокалетнего рубежа и отвезли на кресле, как инвалида, в его комнату. Постепенно тошнота и слабость прошли. Эдвард стоял перед зеркалом и пристально всматривался в изображение. Свершилось! Он не выглядел похожим на себя молодого, надо было присматриваться, чтобы узнать в нём Петухова тридцатилетнего. В зеркале стоял другой Эдвард — Эдвард сногшибательный!

Отражение выдало высокого стройного блондина с синими глазами и с улыбкой на миллион долларов. Мать честная! Эдвард быстро узнал его — это он и был из сноведений, которые он видел в золотом биотроне. Он расправил плечи, потрогал кадык, подёргал себя за уши, повернулся боком, снял штаны. Всё было на месте. Пошёл в душ и простоял под водой минут пятнадцать. Первое, чего ему хотелось, это увидеть Марго. От этой мысли он замер, ведь она, наверное, тоже теперь другая? Какая? Ох Ну, и Стеша с Муслимом, наверное, тоже. Сколько я вообще проспал в процедурной под этим лекарством? Не могут же они нас по отдельности омолаживать. Он подошёл к тумбочке и нажал на кнопку вызова.

— Привет, Наташа, я могу теперь встретиться с Марго и остальными?

— Привет! Они ждут тебя в зимнем саду. Ты можешь отправиться туда прямо сейчас. Приятных неожиданностей!

То есть опять двадцать пять. Все меня ждут. Я, значит, последний, если они меня все ждут. Или я дольше всех спал в этой трансформации? Или что-то шло не так, и они меня сто раз оживляли, пока я не понял, что мне надо делать. То есть, мой сложный организм, я-то сам давно понял.

Одежду в шкафу поменяли — спортивные костюмы были немного другого фасона и на размер больше, а, может, и на два. Эдвард быстро оделся, причесал свою новую голову с новыми густыми пшеничными волосами и Он страшно волновался. Больше всего ему хотелось увидеть Марго или даже, чтобы она его увидела, такого молодца из русской былины с иллюстраций сказок своего детства.

Зимний сад представлял собой довольно большую, метров шестьдесят террасу, отделанную деревом и всю заполненную тропическими растениями. Чего там только не росло — пальмы, фикусы, алоказии, калатеи, разные диковинные цветы, среди которых виднелись те самые «райские птицы». Почему-то раньше они никогда не встречались в этом прекрасном месте, Эдвард даже толком не знал о его существовании, просто слышал что-то про зимний сад, но где он, не интересовался.

Она сидела вместе со всеми на мягких креслах, нога на ногу. Глаз отвезти было нельзя. Это была молодая Марго, какой он её помнил, но она стала ещё лучше. Или просто сейчас он с высоты прожитого и повидавшего мог реально оценить её необыкновенную красоту. Ослепительную. Он заметил, что и Стеша и Муслим, оба изменились и похорошели, но это всё потом. Сначала надо было насладиться ею. Как же можно было создать такое совершенство? Или меня привязали к ней какими-то волшебными цепями, моё сознание, мою волю, меня всего? Скажи она ему сейчас «умри», «убей» нет! Это невозможно! Эдвард задыхался от своих нахлынувших эмоций, от того, что все смотрели на него, на дурака, как он стоял и мялся, не в состоянии произнести ни одного слова. Наверное, это от лекарств,

начал он себя успокаивать.

— Иди сюда, не выпендривайся, красавчик! — подбодрила его Стеша молодым и звонким голосом.

— Что это за тайное собрание в джунглях? — начал приходить в себя Эдвард, удивляясь звучанию и собственного голоса тоже. Он, можно сказать, впервые его услышал — немного низковатый, мужланский такой, дерзкий даже. Эдвард сглотнул.

— Тебе сказали, что ты теперь Богдан? — ухмыльнулся Муслим. — Нам не стали менять имена, а тебе решили поменять. Что-то не стыкуется.

— Я? Богдан? Какой ещё Богдан? Что не стыкуется? Это правда? — обратился он к Марго, почти её не видя от волнения.

— Да. Нас попросили тебе это сообщить. Мне нравится, — этим «мне нравится» она как бы поставила точку и закончила все вопросы.

— Что тебе нравится? Что я Богдан? Или то, что вас попросили мне это сообщить? — и тут он почувствовал, что точно с этой минуты он и, правда, уже не Эдвард. Никакой он больше не полудохлый артист, никакой он больше не детдомовский не пойми кто, с комплексами неполноценности и прячущимися глазами, он стал теперь молодым, сильным парнем, который возьмёт свою судьбу за шиворот, встряхнёт изо всех сил, а потом аккуратно поставит на обе ноги. Если ей нравится, это ещё ничего не решает. Вот так.

— Ты в зеркало-то успел заглянуть? — улыбнулась Стеша.

— Так что тебе нравится, Марго? — он смотрел ей прямо в глаза. Пелена отступала.

Марго крепко схватилась за этот взгляд. Она не знала, что ему ответить, она не ожидала увидеть его таким, она растерялась. Что-то родилось внутри, забилося — нежное, трепетное, новое.

— Богдан — сказала тихо Марго, почти прошептала, — я начинаю привыкать.

— А мне что делать? — улыбнулся ей в ответ Богдан. Какая кошка!

— Ребят, через десять минут занятия. Пошли новые шлемы хоть посмотрим, — Муслим быстро встал с кресла.

— У нас новые шлемы? — удивился Богдан, преодолевая в себе бешеное волнение. Какие сейчас вообще могут быть занятия, шлемы, голограммы? Разве нельзя их оставить одних, его и Марго, где-нибудь в уголке, вон под той пальмой или просто в пустой комнате? Сейчас, когда он больше всего на свете, как никогда, хочет поговорить с женщиной, ради которой он даже не мог сказать, что он, собственно, сделал ради неё, как это описать или назвать переродился? Изменился не просто до неузнаваемости, а до состояния потери себя самого, своего имени, своих рук, ног, головы, может быть, даже и сердца. Нет, сердце осталось его. А вот какую кровь оно качает, было страшно даже подумать. Но раз у него осталась память, значит, не всё так плохо, значит, какие-то его родные клетки остались, значит, он всё-таки продолжает ту же жизнь, значит, это он и есть, и это Марго перед ним. Но ведь и она другая. Господи, как же трудно успокоиться! — А что за шлемы? — спросил он опять Муслима.

— Ну, как тебе сказать. Производителя же не пишут, — пошутил Муслим. — лёгкие и прозрачные.

— Сразу подстраиваются под форму головы, — добавила Стеша.

— Если я правильно понимаю, у нас теперь всё новое. Ну-ка остановись на мгновение, — обратился он к Муслиму, — и ты тоже, Стеш. Дайте я на вас новых хоть посмотрю, — Богдан обошёл со всех сторон остановившихся Муслима и Стешу, — отличная

работа!

— Я вообще тащусь, у нас тут с тобой две такие красатули ногастые, — ответил ему Муслим.

— Что за речь такая? — фыркнула Стеша.

— Клеточная память вырывается из митахондрий, — помогла Марго.

— Точно! Я тоже сразу вспомнил несколько интересных редких слов, — подхватил Богдан, подмигивая Муслиму.

— Осталось три минуты, кстати, надо бы в аудиторию — улыбнулась кокетливо Стеша, — Дисциплину никто не отменял, — она быстро пошла к выходу.

18

Мазь Вишневского

Третье транспортное кольцо с трудом, но справлялось, спидометр показывал сорок километров. Зато можно было кое-что обдумать в одиночестве и заодно бросить взгляд на не так часто мелькающие рекламные плакаты.

В пять двадцать Богдан зашёл в гараж. Ему выдали ключи от красного кроссовера. Он нашёл их у себя в комнате на прикроватной тумбочке, рядом с которой стояла напольная вешалка. На вешалке висел новый костюм с рубашкой, а внизу стояли туфли. Богдан всегда удивлялся, как точно по размеру ему подбирали одежду и обувь. Водителя в этот раз не полагалось — решили, что так лучше.

Машина призывно сверкала полировкой — заходи, садись, посмотри, какой у меня интерфейс на приборной доске, какие педали. Уехать бы далеко, где растут пальмы с кипарисами, и рулить по красивой дороге, пока бензин не кончится. Богдан сел за руль, включил двигатель, открыл дистанционно дверь гаража, ещё раз мысленно вспомнил маршрут и нажал на газ. До берёзы доехал в тишине, а потом включил музыку. Он заметил, что никогда не слышал такой музыки прежде, или он стал слышать её по-другому

Сегодня было первое задание по эмпатии. Оно считалось несложным — сесть в ресторане недалеко от столика, где должны были ужинать муж с женой, спокойно настроиться на мужчину и понять всё, что у него вертелось в голове. Постараться понять не только ближний план его мыслей, то есть степень достоверности его ответов и вообще разговора, который он будет вести со своей супругой, но и ассоциативные связи, появляющиеся у него в сознании, когда он произносил те или иные слова. Богдан должен был постараться понять, что его волновало на момент встречи, и какие планы он строил на ближайшее будущее.

Немного неопределённое задание, что уж там. Пойми всё, что у него в голове вертелось вчера, вертится сегодня и завертится завтра. Самое главное, не перепутать вчера и завтра. Мужчина никак не должен был почувствовать присутствие Богдана. Наташа предупредила, что «объект» обладал повышенной интуитивностью и отличался крайней чувствительностью к любому ментальному воздействию, так что Богдан должен был вести себя максимально нейтрально и спокойно. О жене не сказали ни слова, она не представляла интереса.

В ресторан он приехал заранее, осмотрелся, сел за столик у стены, заказал минералки и устриц. Во французском ресторане всегда хотелось устриц, точнее, тогда хотелось, когда был Эдвардом. Жаль, в Париже так и не побывал. А как мечтал постоять на знаменитой лестнице в Гранд-Опера, поболтаться по Мон Мартру, устриц опять же поесть настоящих с чёрным хлебом и с их хвалёным майонезом. Обязательно бы с кем-нибудь там познакомился, с молодой, пусть не парижанкой, пусть просто с симпатичной девчонкой, нарассказывал бы

ей историй про то, какой он знаменитый артист в России, потратил бы на неё все деньги, и говорил бы ей комплименты и самые красивые слова из всех пьес, в которых он в жизни играл точнее, принимал участие.

Столики под белыми скатертями стояли, как положено, почти вплотную, в интерьере преобладал белый цвет и зеркальные панели. Нарядные хрустальные люстры с бледно-лиловыми подвесками придавали шика и дворцовости. А стулья-кресла ему сразу не понравились — в нём ещё жила старая привычка обращать пристальное внимание на всё деревянное. Разве это стулья!

В семь с четвертью в зал вошёл мужчина, ради которого он приехал. Рядом с ним шла женщина. Официант их проводил до столика, на удивление очень близко стоявшего со столиком Богдана. Как знал, подумал он. Народ только начинал собираться, и одиноко сидящий молодой человек в элегантном тёмно-синем костюме привлёк их внимание. Мужчина бросил на него оценивающий взгляд, продлившийся секунды две, но, видимо, ему этого было достаточно, а его спутница посмотрела на Богдана подольше. Она как-будто улыбнулась своими красивыми зелёными глазами и сразу понравилась. Изысканная, молчаливая, грустная. Сели. Мужчина быстро просмотрел меню и сделал заказ.

Складывалось впечатление, что ему здесь всё знакомо, и он заранее знал, что будет есть. Женщина сидела молча, кивнула пару раз, когда он читал меню, и безразлично уставилась в сторону. На ней было скромное чёрное платье, а с левой стороны груди красовалась достаточно крупная брошь в виде колоса пшеницы.

— Ты бываешь дома два дня в неделю. У тебя, что, есть другой дом? — спросила женщина, как только официант отошёл от их столика, налив ей в бокал красного вина.

— У меня нет другого дома, — тихо и бесчувственно ответил мужчина.

— Может, нам сдать его в аренду? Огромный, пустой. Я начинаю его бояться. Кто-то, может быть, ищет такой дом? Я бы уехала к детям

— Дай поесть и не говори ерунды.

Подошёл официант и поставил напротив каждого тарелки с едой. Налил женщине ещё вина. Она уже успела выпить целый бокал.

— Вкусно, как всегда, — пробубнил мужчина, орудуя приборами.

— Всё, что я сказала ерунда? Я правильно понимаю? — она не дотрагивалась до еды.

— Ты понятия не имеешь, как обращаться с такой недвижимостью. Мне этим заниматься некогда. Да и лень.

Богдан старался не смотреть в их сторону, но всё-таки заметил на лацкане его пиджака маленький золотой значок в виде летящего орла. Он хотел уже опустить глаза и вдруг поймал взгляд женщины. Глаза уже не улыбались, губы были плотно сжаты, и уголки смотрели вниз. «Если бы ты мог мне помочь» — услышал Богдан.

Она повернула голову к мужу и резко произнесла:

— Зачем ты меня сюда позвал? Говорить нам не о чем, — сделала небольшую паузу, вдохнула и выдохнула, — у тебя другая женщина, Орлов, я знаю, — она держала в руке пустой бокал, но не ставила его на стол.

Богдан не шевелился. Он услышал имя. Прислушался. Опять. «Марго, ты слышишь? Я знаю, ты меня слышишь, Марго. Тут спрашивают о тебе, милая Как твоя коленка? У меня в ванной стоит баночка. Знаешь, что там? Ты слышишь меня, Марго? Баночка с мазью Вишневского» Что за ерунда, подумал Богдан. Какая ещё Марго? Моя Марго? На свете тысячи Маргарит. Но он знал, что всё это неслучайно. Это его Марго. Он почти видел её и

сознании этого важного грубияна с золотым значком на лацкане. Он видел её в длинном платье на сцене рядом с аккордеонистом. Глупости. Мазь Вишневского Извращенец. В это мгновение мужчина резко обернулся к Богдану, схватился за сердце и начал глотать воздух ртом. Потом вскрикнул и упал назад вместе со стулом. Раздался грохот. Женщина посмотрела на происходящее с явным недоверием, то ли она не могла поверить, что он действительно упал, то ли она не верила своим глазам.

— Орлов! Что с тобой, Гена! — выкрикнула она и опять посмотрела на Богдана. Вскочила со стула, но пошатнулась и схватилась за скатерть, таща её за собой. Со стола начала падать посуда.

— Официант, кто — нибудь! — но голос её не слушался, она была уже достаточно пьяна. Она захотела подойти к упавшему Орлову, но зацепилась каблуком за сползшую на пол скатерть, потеряла равновесие и упала. К ним подбежали два официанта. Один поднимал её, другой разговаривал по телефону.

— «Скорая» будет через пару минут, они уже очень близко! — успокаивал её второй официант.

Женщина отталкивала помощь и ползла на четвереньках к мужу. Добралась до него, расстегнула воротник рубашки и остановилась, всматриваясь в его обездвиженное лицо.

Богдан встал, положил на столик деньги и незаметно направился к выходу.

19.

Я больше не артист

Зимний сад стал любимым местом встречи, когда оставалось свободное время. Чаще всего они встречались там после ужина. Стеша всегда садилась у больших кактусов, Муслим где-нибудь рядом, а Марго любила походить, потрогать листья, наклониться к цветам, что-то поправить — она любила землю, сады, фонтаны.

Напротив Стеши, на маленьком стеклянном столике стоял маятник. Маятник качался и оставлял причудливые следы на почти белоснежном песке, насыпанном на специальную дощечку. Стеша сидела, не двигаясь, и внимательно следила за маятником глазами.

— Что-то наш Богдан запаздывает. Стеша совсем голову потеряла, — попытался пошутить Муслим. Все же друг друга чувствовали.

— Пожалуйста, следи лучше за своей головой, — тут же ответила Стеша. Она не стеснялась того, что переживала за Богдана.

Марго подошла к кактусам, внимательно осмотрела распускающийся на одном из них цветок. Зачем-то его понюхала.

— Всё-таки кактусы не цветут. Это какие-то случайные цветы. Тебя Богдан вчера ничем не удивил? Он грозился разобраться с какой-то идеей, — обратилась она к Стеше. Она тоже немного волновалась.

— Он возится с шумерскими табличками, — ответил вместо неё Муслим, внимательно следивший за ними обеими.

— А-а-а! Я знаю тогда. Разоблачил, наверное, сказки про аннуаков, — сделала вид, что догадалась, Марго.

— Как думаете, к нему Жрица уже приходила? — спросила Стеша. Ей давно хотелось это спросить у самого Богдана, но она не решалась.

— Рано или поздно это случится, — казалось, что Муслиму хотелось с ней поговорить, а она все разговоры переводила в другую плоскость, не ту, что нужно было Муслиму, но он умел ждать и находить нужный момент.

Послышались твёрдые быстрые шаги и в оранжерею вошёл Богдан. Галстук он нёс в руке, рубашка была расстёгнута у горла, брови нахмурены.

— Я провалил задание, — выпалил Богдан.

— Не может быть! — почти вскрикнула Стеша, а Муслим даже дёрнул головой от неожиданности, — ты ничего не услышал? Не понял? Что случилось? — продолжала Стеша взволнованным голосом.

— Мне показалось знакомым лицо мужчины, с которым я работал, — он подошёл к Марго, но говорил достаточно громко, чтобы слышали все.

— Надо же! — удивилась Марго.

— Я услышал твоё имя у него в голове. Чётко — «Марго». Даже «моя Марго». Ну, я и взбесился. Я потерял контроль. Я на секунду возненавидел его.

— Но на свете полно Маргарит, Богдан! Что ты с ним сделал? — сказала она совершенно спокойным и даже немного насмешливым тоном, встала и подошла к нему совсем близко.

— Сердечную аритмию, наверное. Короче, он свалился с кресла. Рухнул вместе с этим чёртовым уродливым креслом. Здорово так упал. Выживет.

— Не паникуй, старик! — попытался его успокоить Муслим.

— Зато я понял, что я всё слышу. Я понял, что я слышу больше, чем этот мужик сам себя понимает. У него большие проблемы с самим собой. Что-то давит на него, как каменная плита. И ещё, он безжалостно спаивает свою жену. Она смотрела на меня и думала, как ей спастись. У неё просто кричало всё внутри: «Помогите мне!» Она меня просила ей помочь. Как такое может быть? И я ведь могу ей сейчас помочь. Мне это ничего стоит. Если бы вы видели глаза этой женщины!

— Она красивая? — спросила Стеша.

Муслим кашлянул.

— Да, — сразу ответил Стеше Богдан. Он заметил её пристальный взгляд и волнующиеся глаза Муслима тоже заметил, — я пойду к себе.

Богдан медленно вышел из оранжереи и также медленно шёл всю дорогу до своей комнаты. Открыл дверь, включил свет поярче, скинул пиджак, туфли и увидел доску. Ему принесли доску! Поставили на самое видное место напротив двери. Сжалились! Принесли это сокровище, чтобы он не расстраивался, успокоился и отвёл душу! Рядом лежали его инструменты, которые он сам привёз в клинику ещё Эдвардом. Богдан бросился к доске, взял её в руки, понюхал, закрыл глаза, прижал к груди. Запах дерева действовал безотказно — окрылял и воодушевлял, несмотря ни на что, и придавал сил.

Руки сами знали, что им делать. Часа два он вырезал на доске, не отвлекаясь и не поднимая головы, как в трансе или в коконе. Казалось, ничто не могло его отвлечь. Он был похож на человека, которого наконец выпустили из страшного места, где держали взаперти и морили голодом, и он всё никак не мог наесться и выпить. Резец ходил по дереву как по пластилину. На доске отчётливо стало видно Шестино лицо. Оно получилось немного напуганным, растерянным, ожидающим. И, как всегда у него, — живым. Он думал о ней и вспоминал её — и старую и молодую. Почему он вырезал Шестю, а не Марго? Отвечал ей на сопереживание? Увидел в ней чувства? Или боялся браться за Марго?

«Богдан, кем ты был в прошлой жизни? Расскажи мне о себе», — услышал он в голове Шестин голос. На секунду он подумал, что это говорит незаконченный портрет, как Буратино у Папы Карло, но потом улыбнулся и вспомнил про телепатию. После омоложения

они активно начинали ей пользоваться.

— Я я был артистом театральным артистом. Ты разве не знала? Но я был неудачником. Настоящим лузером, понимаешь? Я не сыграл ни одной серьёзной роли. Я страдал от этого, потому что никто не видел во мне то самое настоящее, что у меня было.

— Зачем ты так говоришь? Наверняка это было не так.

— Это было именно так. Если совсем начистоту, я не очень любил театр. Он не дал мне его полюбить. Театр — это не моё. Я сейчас это понял окончательно.

— Ты артист? Ты играл в театре?

— Уже нет. Я больше не артист.

— Ты московский?

— Я не знаю, какой я. Я — детдомовский. Родился во время войны. Я никогда не знал свою мать.

— Я понимаю Знаешь, моя мать покончила с собой. В лесу. Мне было одиннадцать. Мы жили тогда в Хабаровске. Лучше её никогда не знать, чем вот так потерять. Я даже не знаю, почему она это сделала.

— Чем ты занималась в той жизни?

— Я стала реставратором. Я жила в Питере потом у отца. Меня заморозил Питер. Теперь я понимаю почему.

— Потому что Северная Пальмира?

— Да. Он весь засыпан песком. Ну, то есть, цокольные этажи в центре утоплены в грунте. Да даже это не основное. Об этом можно долго говорить, не сейчас.

— Муслим был твоим мужем?

— Да. Он был моим вторым мужем. Но оба раза нелюбовь. Да и потом Он не мог иметь детей. Я стала его ребёнком, но это не совсем правильно, наверное

— Правильно, это как? Скажи, зачем мы им нужны здесь?

— Я слышала, что им нужен человеческий мозг с максимально развитыми нейронными связями, которые бывают у некоторых особенных стариков. Им нужна прожитая жизнь, опыт.

— Прожитая жизнь? Моя незаметная обыкновенная жизнь?

— Видимо, ты что-то не понял в ней. Или себя не понял. Но сейчас тебя никак нельзя назвать обыкновенным. Ты необыкновенный, Богдан! Ты чуткий, внимательный, ты сильный. Ты умный. Ты мне нравишься.

— Стеша, давай увидимся.

И тут он услышал Марго. Откуда она взялась? Как это было возможно? Она сказала: «Богдан, осталось совсем чуть-чуть. Потом мы будем свободны». Внутри всё оборвалось. Он сразу вскочил на ноги и начал кричать, озираясь: «Марго! Ты где? Ты у себя?» Взял панно в руки и опять начал кричать: «Да! Я всё сделаю! Марго, мы будем свободны!» Потом поднял панно высоко над головой и шарахнул его об пол со всей силы. Схватил стул и начал долбить им по панно, пока оно не расколосось на мелкие куски. Руки покрылись ссадинами, кое-где сочилась кровь, а он всё долбил и долбил. И приговаривал: «Дурочка». Потом опять услышал Стешу: «Не уходи! Богдан!» Он оставил несостоявшееся панно в покое и повалился на кровать. Пролежал так минуту, не двигаясь, и опять вернулся к Стеше: «Скажи мне, если можешь, Стеша! Скажи ты знаешь о задании, после которого нам дадут свободу?» Но ответа не последовало. Он прождал несколько минут, встал с кровати, надел резиновые шлёпанцы, которые валялись рядом на полу, и вышел из комнаты.

20.

Разве я знаю свой путь?

Он шёл по коридору, как во сне ходят лунатики. Мог и по потолку. Дошёл до самой дальней двери и постучал. Тишина. Опять постучал — сильно, настойчиво. Марго открыла дверь. Босая, прекрасная, удивлённая, с мокрыми волосами, в белом халате. Ничего не спросила, просто отпрянула от прохода и дала ему войти в комнату. Закрыла дверь. Молча он притянул её к себе и поцеловал в губы, горячие, такие же, как у него. Сорвал с неё халат, сорвал с себя рубашку, пуговицы рассыпались монетами из волшебной копилки.

— Ты — шептали губы, — или не ты?

— Не я, — улыбалась Марго.

Он поднял её на руки и отнёс на кровать.

— Нам нечего бояться, Богдан. Уже нечего.

Ободранные от схватки с недоделанным панно руки не могли насытиться её кожей. От того, что было больно, удовольствие становилось ещё сильнее. Нежный, знакомый дурманящий запах кружил и без того ничего не соображавшую голову.

— Мне всё равно. Ты — моя женщина. Ты всё, что я хочу, — шептали его губы.

Её грудь казалась волшебством, уносящим его в неведомые дали наслаждения. Марго, постанывая, как будто пела самую красивую арию, написанную гением, написанную для него одного. Богдан покрывал её поцелуями, как ни делал никогда в жизни, глаза уже ничего не видели, сердце билось изо всех сил. Они стали одним целым, он обрёл то, ради чего появился на свет и ждал долгие мучительные годы, она чувствовала каждое его движение, а он её, в этом волшебном ритме тело витало в невероятности, в каком-то благе, в непонимании, что это происходит с ним, только её дыхание оставляло почти исчезающую связь с реальностью. Надо было прожить жизнь, потом переродиться и понять, что любовь никуда не ушла. Наверное, в тот момент он был и Эдвардом и Богданом и ещё кем-то, тем, кому наконец повезло. Он не мог выпустить её из рук, не дотрагиваться, не целовать — всю ночь.

Утром Богдан тихо вышел от Марго и смело направился восвояси. Опьянение ночи ещё оставалось, тело чувствовало воздушность и какую-то музыкальность бытия. Ему хотелось выбежать на летнее цветущее поле и бежать по этим цветам, как по волшебному ковру неизвестно куда. Раскрыть руки, как птица, и парить над миром, который может быть так прекрасен. Но где-то в самом дальнем уголке его наслаждения, очень тихо и немного тревожно, звенел колокольчик. Что-то почти незаметно настораживало. Нет! Это не у него звенит, это просто он слышит возможное и невозможное и ещё не привык к себе новому до конца.

Открыл дверь в свою комнату, встал под душ. Вода приятно стекала по телу, а он стоял и слушал, как она течёт, на лице продолжала блуждать идиотская счастливая улыбка — ничего не мог поделать с постоянно разъезжающимися губами. Взял шампунь, держал его в руке с минуту, забыв, что с ним надо делать, потом намылил голову, закрыл глаза. Шампунь пах шафраном и апельсином. Сначала не понял, что звучало в голове, расслабился, но потом чётко услышал голос. Прислушался внимательнее. Замер. Незнакомый женский голос, с лёгким непонятным акцентом.

— Богдан, я пришла на стук твоего сердца.

Он так испугался этого непривычного, нового голоса, что включил зачем-то горячую воду и чуть не обжёгся. Это ещё кто? Смерть, что ли? Привычка не верить своему счастью из

той старой жизни ещё не отпустила. Выключил воду и опять прислушался.

— Но это моё сердце. Оно стучит для меня, — послал он ответ.

— Энергия любви для всех, — продолжил голос.

— Кто вы?

— Я — Жрица Наами. Не бойся! Это моя клиника.

Богдан всмотрелся сквозь мокрое стекло душевой кабины и увидел женский силуэт в длинном балахоне до пят. Затем он немного приоткрыл ползающую стенку, чтобы рассмотреть силуэт получше.

— Твоя нагота — это предрассудок. Мы не стесняемся своих тел. Я подожду в комнате, — сказала Жрица и исчезла.

Богдан кое-как вытерся полотенцем, накинул висевший на вешалке халат и вышел в комнату. Разбитое панно, раскиданные инструменты, валяющаяся одежда — комната оставалась в том виде, в котором он её оставил.

— Прощу прощения за бардак. Я спешил, — сказал Богдан.

Перед ним стояла молодая женщина, лет тридцати, высокая, около метра восьмидесяти, очень худая, или, точнее, узкая, тонкокостная, с почти белыми волосами, спускавшимися ниже плеч, и с яркими, большими синими глазами. Одета она была в длинную белую тогу с капюшоном, который не закрывал ни лица, ни волос и каким — то чудесным образом держался на голове, придавая её образу монашеский вид. Или сектантский. На шее на длинном шнуре висел золотой кулон с изображением Сатурна.

— Настало время нам с тобой познакомиться, Богдан. Я пришла из Внутренней земли.

Богдан стоял, не шевелясь и не произнося ни слова.

— Мы живём на планете около двадцати миллионов лет, — улыбалась Жрица, — телепортация — это всего лишь управление энергией, это технология, которой человечество Поверхности лишили по определённым причинам. Это не так сложно. Ты научишься со временем.

— Я, что, особенный? Почему я? — несмотря на неожиданность и некоторый страх от присутствия белокурой Жрицы, Богдан старался не подавать виду и спросил её немного агрессивно. Но он и правда не знал, почему она выбрала его для таких откровений, и начал предвкушать что-то новое и пугающее, какой-нибудь сложный выбор, судьбоносное решение, перемену.

— Приходит время, когда людям надо полагаться на самих себя, на свои скрытые возможности, вставать на путь познания самих себя. Только этот путь спасёт вас, — Жрица говорила непоколебимым тоном, к которому привыкли прислушиваться и исполнять без лишних вопросов.

— Вы пришли с добрыми намерениями? — осторожно спросил Богдан, уже теряя свой напор.

— Люди Внутренней земли всегда стараются помочь населению Поверхности не переступить черту самоуничтожения. Были провалы, большая волна смывала целые цивилизации, и скоро опять может наступить такой момент.

Богдан сразу вспомнил про библейский потоп, ковчег, «каждой твари по паре» и прочее — старые привязки ещё дёргали за ниточку.

— Наши провалы — это история предательств. А вы едины? — он посмотрел ей в глаза и нашёл там снисхождение. Потом на её лице промелькнула лёгкая улыбка.

— У нас тоже встречаются проблемы, но мы научились их решать мирным путём, —

она нагнулась и подняла с пола валяющийся кусок деревяшки, повертела его в руках, потом разжала длинные пальцы и дерево рассыпалось, падая вниз мелкими кусочками, — сейчас мы нуждаемся в друг друге перед общей опасностью.

— Опасностью? Какой? Нам грозит рабство? — выпалил свои догадки Богдан.

— Не всем. Но надо помочь остальным. Я отвечу на твои вопросы. Придётся немного подождать. Ты на верном пути.

— Разве я знаю свой путь? — удивился Богдан.

— Нет, не знаешь.

— Послушайте, я пришёл сюда с женщиной и ради женщины. Я пришёл потому, что боялся её потерять. Потерять своё примитивное и ясное человеческое счастье. Я согласился на все условия, чтобы потом уйти. Я вижу, что становлюсь другим, точнее, я уже стал другим, чего уж там. Но, по большому счёту, это такой же я, и рядом, здесь такая же Марго. Да, у нас другие новые тела, спасибо большое, но, скажите мне — что я должен сделать, чтобы уйти?

— Ещё немного, и тебе некуда будет идти. Ты даже не получишь воплощения, потому что будет негде воплощаться. Твоя испуганная душа будет болтаться в отстойнике и молиться стать хотя бы травинкой в грязном болоте на самой далёкой планете в самой далёкой галактике.

— Но меня никто не спросил. Пусть я буду с такой же судьбой, как у миллионов с Поверхности. Я случайно сюда попал.

— Случайностей нет, Богдан. Мы должны сохранить жизнь.

— Жизнь, в смысле, живое? Вы, что, просите у меня помощи?

Жрица демонстративно оглядела комнату, даже прошлась взглядом по потолку.

— Тут больше никого нет.

— Ну, наконец-то. А то я всё учусь, учусь, как принц какой-то в тайном королевстве.

— Скажи ещё, тебя плохо кормят, — улыбнулась Жрица. Её улыбка оголила ряд ровных крупных очень светлых, почти белых зубов, и лицо стало совсем человеческим, красивым женским лицом, интересным, запоминающимся.

— О, нет. Этого я никогда не скажу, — покачал головой Богдан, — наша столовка — это святое.

Жрица засмеялась. «Какая красивая!» — подумал Богдан.

— У меня есть главный вопрос вы обещаете мне свободу? Мне и Марго?

— Ну, только если от тебя самого, — она взяла в правую руку кулон, висевший на шее.

— Да, с этим сложнее.

— Я приду завтра, — Жрица потёрла большим пальцем по кулону и быстро растворилась в воздухе.

Как жаль, что она так быстро исчезла. Он только начал к ней привыкать и только почувствовал, что страх отступил, что можно многое прояснить, нащупать хоть какую-нибудь определённую... Опять захотелось её видеть. Но вскоре воспоминания о Марго заглушили все другие мысли, он закрыл глаза и медленно опустился на кровать.

21.

Я не готов спасать мир

В аудитории, где они обычно занимались, довольно просторном зале без окон, стояли четыре новых кожаных или, может, сделанных из чего-то очень похожего на кожу, белых кресла, невероятно удобных и многофункциональных. Кресла не только сгибались,

поднимались и вертелись во все стороны — они каким-то образом нарушали общепринятые человечеством законы гравитации, отделялись от основания и парили в воздухе. На правом подлокотнике находился небольшой кнопочный пульт управления. Можно было отплыть от всех в дальний угол и затихориться, обдумывая задание или получая информацию. Богдан часто так делал. Иногда задания были очень сложными и всегда ограничивались по времени для их решения. Удалившись в дальний угол, он мог максимально сконцентрироваться.

В новых шлемах, которые всем четверым выдали после омоложения, получать информацию стало намного удобнее, но Муслим как-то обмолвился, что шлемы просто косметика, так как им, похоже, опять переформатировали мозги, и это они сами, без шлемов, уже могли быстрее считывать и воспринимать материал. Они настолько много уже всего знали и помнили, мгновенно сопоставляли и анализировали новые данные, что сравнивать себя с собою прошлыми становилось смешно.

— Что ты будешь делать, когда выйдешь отсюда? — спросил Муслим.

— В смысле? — переспросил Богдан.

— Ну, как ты планируешь зарабатывать себе на жизнь? Ты же понимаешь, что можешь устроиться на любую работу, связанную с наукой, технологиями или медициной, на худой конец. Ты что-нибудь себе подобрал?

— Почему ты спрашиваешь? — тормозил Богдан, — я ещё не думал об этом.

— А ты подумай. Мы можем остаться в команде, придумать программу.

— Ты хочешь мне что-то предложить? — догадался Богдан. Ему и правда, это пока не приходило в голову, он ждал задания от его новой знакомой, Жрицы, как школьник выпускного экзамена, а будущее просто связывал с Марго, с путешествиями, с мифической свободой, с новой мастерской, с обычной городской жизнью или не обязательно городской, но с чем-то простым и приносящим нехитрые человеческие радости, которых был лишён в той, старой жизни.

— Наступит момент, нам надо будет собраться и обсудить нашу будущую жизнь. Вместе мы сила, — задумчиво и серьёзно произнёс Муслим.

— Я не готов спасать мир, если ты на это намекаешь.

— Частица «не» ничего не значит. Она не считывается, — ухмыльнулся Муслим.

— Мир разделён на территории — протянул Богдан.

— Поднимайся выше, миров много, — Муслим не отпускал.

— Предлагаешь сесть на интуитивный корабль и выбрать себе пристанище?

— Видишь, как новые технологии расширяют мозги.

— Не учи учёного, — ухмыльнулся Богдан, — я всё вижу. Я понял. Но я ничего ещё не решил. Плыви отсюда по добру по здорову, — Богдан демонстративно повернул кресло и устоялся в стену.

Муслим послушно отплыл в другой угол к девчонкам, вильнув кокетливо задом, то есть спинкой кресла.

В воздухе появилась голограмма с Кувшинкой, а на стене стали видны их четыре портрета — Марго, Муслима, Стеши и Богдана. Так всегда происходило на занятиях — им ещё ставили оценки, точнее, выделяли лидера.

— Данные говорят о том, что наша Солнечная система пребывает в конце очень важного цикла. Мы можем проследить этот цикл не только по окаменелостям, но и в реальных орбитах планет Солнечной системы. Энергия втекает в планеты, вынуждая их становиться ярче, горячее и более намагниченными, — сказал механический женский голос

из голограммы.

— Наташа, если я правильно понимаю, эта энергия разумна, так? — спросил Муслим.

— Богдан, что скажете? — обратился к нему женский голос.

— Мне трудно судить, — Богдан никогда не спешил с выводами. Он всегда сомневался и обычно отмалчивался, слушая остальных. Но Муслим явно его дразнил. Последнее время Муслим не только его дразнил, он всё время вытаскивал его на разговор, на спор, на конфликт по любому поводу. Муслим изменился после омоложения, или стал похож на себя молодого — дерзкого, смелого, рискованного. Богдан никак не мог привыкнуть к нему новому, — по наблюдениям с Земли на всех планетах, кроме Меркурия, происходят изменения климата, продолжил Богдан, — Венера, например, даёт на 2500 % увеличение яркости на полюсах и изменения атмосферы. На Марсе исчезли ледяные шапки на полюсах. На Земле меняется геофизика, мы не можем оставаться прежними.

— Да, я, собственно, хотел сказать, что если это разумная энергия, то ДНК каждого человека подвергается энергетической нагрузке, и запускается эволюция, — Муслим умничал не на шутку.

— Стеша? — спросила голограмма.

— Нас так долго и упорно пытались приучить к тому, что эволюция держится на соперничестве и убийствах слабых, что сейчас люди потеряли почву под ногами. Все чувствуют перемены, но не могут их объяснить ни идеологией, ни религией. Растёт напряжение. «Скрытый» материал сам выпрыгивает на свет истины. Приходят новые дети, — Стеша развернула кресло и смотрела на Богдана.

Богдан так и сидел в углу в одиночестве, не подплывал к остальным. Ему опять показалось, что они все заодно, а он отдельно от всех. Даже Марго играла с ними и не могла не видеть, что Стеша стреляет глазами в его сторону. Он вдруг заметил, что у Стеши накрашены губы коралловой помадой, раньше она не пользовалась косметикой. Он перевёл взгляд на Марго — так и есть, её губы тоже поблескивали, а на верхних веках он заметил тонкие чёрные стрелки.

— Многие никогда не поверят нашим словам, — вставила Марго.

— Неверующих не наказывают. Их просто убирают на другую планету, туда, где они снова будут пытаться выучить уроки любви, мира и гармонии, — пояснила Кувшинка.

Настоящая партийная ячейка — подумал Богдан. Дискуссия о классовой борьбе. Только раньше это было экономическое неравенство, а сейчас биологическое. И там и там лозунги всегда прекрасные, а цели высокие и спасительные.

— Значит, мы всегда были планетой для неверующих? — усомнился Богдан.

— Люди всех планет должны жить в любви, мире и гармонии, — на этом женский голос закончил разговор.

Вот это Богдан ненавидел. Эту гнусную манеру обрывать на середине. Как-будто били по рукам за ещё один кусочек. Никого не интересовало, что ты голодный. Он знал, что Муслим тут же попробует продолжить, начнёт спрашивать наводящие вопросы о той самой гармонии, которую все ищут, как когда-то искали коммунистическое будущее в тумане идеологической макулатуры институтской библиотеки. Богдан молча подплыл к основанию кресла, поставил его на место, отключил, снял шлем, поднялся и быстро вышел.

22.

Опять кувшинка

Он плавал в бассейне уже около двадцати минут в полном одиночестве. Плавал и думал.

Нет, не думал, а скорее следил за тем, что само вертелось в голове. Мысли приходили самые разные. Понравилась, например, та, которая спрашивала, а кто я сейчас по знаку Зодиака и по году Китайского календаря. Раньше он был Девой, если в детдоме ничего не перепутали. Он слышал, что когда его нашли, в пелёнках лежала записка — родился 22 сентября. Год тогда шёл 1943, год Козы. Заботливая мамочка не поленилась — обозначила дату рождения. Что это была за девчонка, его мать? Сколько ей было лет, когда он родился? Почему она его бросила? От кого он родился? От молодого или не очень? Этого никто не узнает, то есть, он этого уже не узнает. Как это казалось важно, как ему этого не хватало, знать имя матери. Хотя бы имя. Но вот ведь как всё обернулось.

Он подплыл к бортику, вытащил руки из воды, облокотился и замер — вылезать ещё не хотелось, но до ужина оставалось всего около пятнадцати минут. Всю жизнь я любил Марго — услышал Богдан новую мысль. Я не помню себя взрослым, не думаю о ней. Сколько бы он не пытался освободиться от этой любви, у него получались только мучительные сражения со своим внутренним я и вечные проблемы с женщинами, потому что неизбежно сравнивал их с ней и ненавидел свою горькую долю безответно влюблённого олуха. Столько лет!

Она видела только его силуэт на сцене и даже забывала здороваться, не говоря уже о том, чтобы спросить хотя бы один, любой, самый затрапезный вопрос за сорок лет. Кроме случая на гастролях, кода она оступилась, а он был рядом и успел подхватить её. «Спасибо, Эдик!» — были её слова, намертво врезавшиеся в память. Она тогда ещё в знак благодарности поцеловала его в щёку. Лучше бы она этого не делала. Ночью после спектакля он сидел у окна в своём номере и плакал. Первый раз ему была себя жалко. После этих гастролей он и начал делать её портреты. Сколько он их сделал? Десятки. Я так и буду Девой — Козой? Вернулся к прежним мыслям Богдан. Или я могу сам себе выбрать знак? Ну, скажем, Лев и Дракон! Или Водолей и Кабан! Предрассудки! Он подплыл к бортику и уже собирался вылезать, как услышал знакомый голос.

— Богдан, пошли! Я покажу тебе Подземный мир. Выходи, пожалуйста! — Жрица Наами сидела в кресле у бассейна, теребя белый локон на груди.

— Ты заходишь без стука, я понял. Я не замёрзну в мокрых плавках? — а что ещё можно было спросить. Подземный мир! Убить, вроде, не должны после всего, что я тут пережил, выучил и понял. Сердце всё равно колотилось от неизвестности. Он накинул халат, которых было достаточно разложено у бассейна, и последовал за Жрицей «вниз». Скорее бы уже!

Сначала они шли по каменному хорошо освещённому коридору с идеально отполированными стенами. Как он туда попал, не понял. Мгновенно как-то. Шли молча, Богдан даже еле успевал за быстрой и твёрдой поступью Жрицы. То ли от неожиданности или страха, то ли и правда там было холодно, но зубы стучали, как в детстве, когда барахтались в пруду до посинения холодным летом. Дошли до двери, Жрица остановилась.

— Тебе предстоит церемония очищения, прими как данность. Иначе ты не сможешь попасть внутрь. Это обязательно, — обернулась к нему Жрица.

— Зачем мне эта церемония? Но считай, что я точно так её и принял, — с трудом выговорил от холода Богдан.

— Мы должны убрать всю опасную информацию, которая у тебя есть с Поверхности.

— Я что, заразный?

— Да, очень. Вы наверху не экранированы от токсичных влияний и синхротронных излучений. Ваша пища тоже.

— Я давно это понял.

— Сомневаюсь, — ухмыльнулась Подземная красавица, пропуская его внутрь зала.

— Во всяком случае, из-за этой химической еды, которую нас заставляют есть, мы так мало живём, наверное. Вот сколько тебе лет, если я смею спросить?

— Проходи вперёд. У нас другой жизненный век. Но я ещё в периоде молодости. Хотя внешне мы мало меняемся. Разве что глаза немного выдают.

— Да, глаза тебя выдают, я бы им дал миллион. Наверное, дело не только в еде, чего уж там.

— Мы же хорошо тебя восстановили, Богдан. У тебя есть все основания мне верить.

— Мне бы понять сначала, — Богдан огляделся.

Он стоял в большой просторной комнате, отделанной розовым камнем. Освещение было заметно ярче, чем в коридоре. Стены украшали глухие арки, внутри которых блестели то ли зеркала, то ли отшлифованный до максимально возможного блеска камень. Казалось, что за каждой такой аркой своя реальность или отдельный вход в какую-то неизведанную даль. У противоположной от входа стороне на постаменте стояла знакомая до боли розовая кувшинка, из которой лилась непрозрачная белая вода, но другой консистенции, чем молоко, например, более водянистая. Вода переливалась в бассейн постамент. Высота бордюра бассейна, куда собиралась белая вода из кувшинки, достигала примерно шестидесяти сантиметров.

— Здравствуйте! Вы должны полностью раздеться, окунуться в бассейн с головой, затем вытереться полотенцем, надеть тогу и сандалии.

Перед ним стояла другая женщина Внутренней земли, тоже в длинном одеянии с капюшоном, похожая чем-то на Жрицу, как похожи люди одной расы. На вытянутых руках она держала свёрнутое полотенце и одежду, поверх которых стояли сандалии. Она положила свёрток на выступ в стене и беззвучно и быстро исчезла, видимо, тем же способом, как и появилась. Жрицы в комнате тоже не было, но Богдан чувствовал, скорее, он был уверен, что за ним всё равно наблюдают, а как иначе? С их-то технологиями. Ещё он заметил, что Жрица красивее, чем та женщина, что принесла ему одежду, и намного. Он подумал об этом с удовольствием. Значит, есть генетика, уже хорошо.

Богдан разделся, и окунулся в белую воду у подножия кувшинки. Надо бы спросить, почему они выбрали этот цветок, а не бога какого-нибудь в виде человека. Никто, правда, не запрещал считать кувшинку божеством или каким-нибудь космическим объектом поклонения. Что-то же она означает, да ещё и всё, как она, розовое вокруг, а, может, у них другие глаза, и это вообще другой цвет.

Вода приятно обволакивала тело — ни тёплая, ни холодная, немного жирная или мыльная, или даже пузырчатая. Вытаскивая руку, он заметил, что на коже не оставалось никаких следов кроме едва уловимого цветочного запаха. Наконец он вылез из фонтана и вытерся белым полотенцем. Ткань была мягкой и высушила волосы буквально за полминуты, а тело даже не нужно было вытирать, вода практически не задерживалась на поверхности кожи. Балахон и сандалии прекрасно подходили по размеру. Что за материал они использовали для обуви, Богдан не понял — что-то эластичное, лёгкое и прочное, сделанное из одного куска. Дрожь, холод, страх — всё отступило, в голове появилась ясность, спина выпрямилась, и Богдану даже показалось, что у него как-то странно обострилось зрение. Как только он окончательно оделся, открылась дверь, и вошла Жрица.

— О, тыходишь через дверь? Неожиданно, — сострил Богдан.

— Дальше неожиданностей будет больше, — ответила она.

Он последовал за хозяйкой в дверь, и они оказались на своеобразном, не очень большом стеклянном балконе. Пол тоже был прозрачным. Скорее всего, его сделали не из стекла, а из чего-то более продвинутого, так как швов в месте, где пол переходил в перилла, не виднелось вовсе. Он напоминал, скорее, причудливую прозрачную раковину. Вид, который открывался с этого небольшого балкончика заставил Богдана на несколько секунд потерять дар речи.

23.

Пещера

Какое-то время Жрица оставила его рассматривать то, что предстало перед его взором. Стояла тихо, молча, почти не шевелясь, поправила только прядь волос, упавшую на лицо. От её близости Богдану стало спокойнее, к тому же он учуял исходивший от неё необыкновенный аромат, чуть слышный, но такой приятный и нежный, что ему захотелось встать к ней ещё ближе. Но, конечно, он этого не сделал, подумав, что она и так уже, наверное, прочитала все до одной мысли, роившиеся у него в голове.

Перед ним простиралась огромнейшая, хорошо освещённая пещера. Внизу стояло множество небоскрёбов, этажей по восемьдесят или даже выше. В окнах горел свет, точнее, они не были тёмными, в них явно кипела жизнь. Между зданиями ходили люди, их трудно было разглядеть, но одеты они были точно не в тоги с капюшонами, а в какую-то более приемлемую для Богдана одежду. Машин по улицам не ездило. Деревья вот, правда, росли. Или, может, не деревья, а какие-то уличные украшения, потому как кроны были разных цветов: розовые, голубые, синие, зелёные.

— Это всего лишь небольшой район города, весь город отсюда невозможно увидеть, — негромко сказала Жрица.

Богдан не слышал её слов. Он смотрел на настоящее чудо, на то, что ни в каких мечтах никогда бы даже не смог придумать и поверить, если, конечно, не учитывать последние случившиеся с ним приключения. Между небоскрёбами летали тарелки, то есть те самые летающие тарелки, о которых люди писали уже почти сто лет, но толком так и не поняли, они реальные или выдуманные. Но самым возбуждающим и невероятным было то, что они летали сквозь стены, влетали и вылетали из стен, как будто стены стояли не каменные, а воздушные. Богдан замер, наблюдая за тем, как тарелки входят в стены, словно нож в масло. Ещё и ещё. И никто не обращал на это никакого внимания. К тому же, стояла тишина, точнее, шума от двигателей не слышно было вовсе.

— В обморок, что-ли упасть? — повернул он голову к Жрице.

— Не усложняй! — улыбнулась она ему в ответ.

Не усложняй! Всё просто и ясно. И что тут, действительно, усложнять? Ну, с ума сойти не должен, так как они меня всё таки к потрясениям готовили. Может, она привела меня сюда, чтобы объявить о задании? Надавить психологически, показать, какой я муравей, и что моя маленькая жизнь полностью в их руках.

— Твёрдые объекты выглядят твердыми благодаря силе электромагнетизма. Но если сдвинуть скалярные частоты в материале, то один объект может двигаться сквозь другой как по волшебству. Вы так, кажется, говорите? — немного улыбнувшись, разъяснила Жрица ситуацию с тарелками, которая явно выбила Богдана из колеи.

— Сколько людей живёт в таком районе? — задал он классический вопрос настоящего туриста.

— В этом? Около тридцати миллионов.

У него не было оснований ей не верить. Это у них на Поверхности вся статистика пишется в угоду политикам, а здесь другая цивилизация, здесь такие вещи проверяются со скоростью звука.

— Вас много, я понял. Может, даже больше нас.

— Конечно, больше. На Поверхности живёт несколько миллиардов. Но вы и миллиард не можете нормально прокормить.

— А вы взираете на это с ехидством большого брата, — резче, чем хотел, ответил Богдан.

— Не совсем так. Лучше худой мир чем

— Чем война? — перебил её Богдан, — война, но не с нами. Мы заложники там на Поверхности. Барахтаемся в своих научных заблуждениях, а вы нам подкидываете то одно, то другое. Мы буфер. Маленький живой заборчик с виноградом. Что значат твои слова «энергия любви для всех»? Для кого всех? Для вот этого огромного города внизу?

— У вас никто её не отберёт, если вы сами этого не позволите. Если будете не только защищаться, но и нападать, — она сказала это царственным тоном, медленно, тихо, с высоко поднятой головой.

Богдан почувствовал, как какая-то сильная холодная волна прошла сквозь его тело. Он напряг все свои наработанные навыки, чтобы не допустить ни одной мысли в голове — просто уставился на неё стеклянными глазами. Она медленно подняла руку, немного отодвинула часть туники и дотронулась до кулона, висевшего на груди. Под туникой виднелось что-то тонкое и прилегающее, и Богдан отчётливо увидел очертания её упругой небольшой груди. Как у них там с сексом, интересно, пронеслось в голове, и она тут же это поймала — губы расползлись в улыбке. Жрица потёрла большим пальцем правой руки кулон, после чего последовала яркая вспышка света.

Богдан открыл глаза. Теперь он и Жрица стояли на выступе скалы. Никаких предохранительных перилл предусмотрено не было. Внизу простирались и уходили за горизонт зелёные сегментированные поля с растениями, залитые дневным светом, и слышался шум воды. Трудно было поверить, что он где-то в глубине Земли, в пещере, что это не обычные бескрайние поля с рожью или пшеницей в степях Поволжья или под Саратовым. Богдан начал всматриваться, опять потрясённый и застывший на месте. Ему даже показалось, что он видит виноградники.

— Свет создаётся частотой, и мы используем гидропонную систему для орошения, — Жрица хорошо вела экскурсию. Она протянула руку, в которой держала горсть разных видов пород и кристаллов, потёрла их пальцами и раскрошила на мелкие кусочки, — в этой среде растут корни. Вода содержит естественные минералы, она течёт через компост и насыщена питательными веществами. Кристаллы и свет создают очень высокопродуктивную и высоко вибрирующую пищу.

— То-то я так тащился от ваших салатов в нашей столовке, — кивнул Богдан.

— Пошли дальше!

Они прошли в арку за спиной, которую Богдан сразу не заметил. В глубине арки находилась дверь. Жрица дотронулась до неё, и она сама открылась. Сразу за створками начинались каменные ступеньки, ведущие вверх. Они начали подниматься и буквально с каждым шагом усиливался появившийся запах сада — цветов, зелени, живой природы. Запах, точнее, запахи казались невероятно насыщенными. Становилось теплее. Они вышли на

очень высокую площадку и смотрели поверх деревьев. Первое, что пришло в голову, когда он посмотрел на это великолепие, что перед ним настоящий райский сад. Такой, каким он может быть в человеческом воображении, если соединить воедино старые библейские картины, иллюстрации из книг, описывающих обитель Адама и Евы до грехопадения, или даже картины примитивистов с буйными красочными неведомыми растениями и птицами. Птицы летали повсюду, разноцветные, яркие, с длинными перьями, диковинные. Богдан следил глазами за птицами и увидел небо.

— Это небо наверху? Там облака! — воскликнул он, смотря наверх.

— Да, мы нарисовали небо.

— Дань памяти?

— У нас и солнце есть, а как же! — Жрица показала глазами на гигантский каменный обелиск, который из-за тумана Богдан ещё не рассмотрел.

Над обелиском светился плазменный шар.

— Кто тормозит нас на Поверхности? Это заговор? Всё, что рукотворно, можно сделать и наверху. Почему мы так отстаём? Вам это надо? С этим можно что-то сделать, ответь? — Богдан действительно хотел, чтобы она ему ответила, а вдруг?

— На Поверхности очень сложная намешанная генетика с разных планет. Всех, кто выжил в катаклизмах.

— Ну, тогда скажи. Пожалуйста, скажи, у нас есть шанс?

— Ты как маленький, — улыбнулась Жрица.

— Нужна опять волна, перезагрузка? Мы много говорим об эволюции, там, на занятиях в Центре. Я думал об этом. Наверное, есть выборочная эволюция, не для культуры в целом, а для избранных, некоторых?

— Космос хочет духовности, помощи, мы должны помогать, но это непросто. Мы тоже люди.

— Я этого и боюсь.

— Тебе нечего бояться. Ты многое уже можешь сам. И у тебя есть выбор.

— Только вы здорово поменяли масштаб.

— Это тебе поможет. Мы все хотим жить, — она посмотрела вдаль, Богдан проследил её взгляд, но ничего не заметил.

— В теле? Почему вы боитесь за физическую жизнь, если души бессмертны?

— Таков закон Вселенной. Воплощения достаются не каждому. Мы боимся за планету. Чтобы выжить, нам нужно сотрудничество. Да, мы выбираем «самых лучших» из вас. Будут катаклизмы и будет перезагрузка. Вы в тупике, ваше общество опять не справляется. Культура должна быть сострадательной и альтруистической. Она не должна разрушать себя войной. Мы все, на всех уровнях, должны бороться против саморазрушения.

— Прости, но мне кажется, ваша космическая ксенофобия даёт плоды. Что вам мешало выйти на контакт хотя бы век назад? Ты знаешь, сколько войн было в XX веке? Американцы сбросили две атомные бомбы на Японию, Гитлер бомбил чужие территории, травил людей в газовых камерах, миллионов смертей могло бы не быть из-за идеологии, чудовищных социальных утопий, из-за этой нефти грязной, из-за жажды доминирования, рабства. Где вы были со своими технологиями и духовностью? Это же ваша планета тоже.

— Мы здесь 18 миллионов лет, Богдан. Было и пострашнее. Здесь велись жестокие войны с пришельцами.

С пришельцами. А мы ничего этого не знаем. Расскажет? Сомневаюсь. Мы только

можем чувствовать. Мне так хочется ей верить!

— Сейчас становится сложно. Не так, как век назад. Опасность идёт из другой галактики. Идёт жестокая вербовка как ваших, так и наших. Мы должны начать объединяться.

Что она такое говорит? Объединяться? 18 миллионов лет назад. Пришельцы. Я-то что могу? Но ведь она это мне говорит! Богдан протянул руку к руке Жрицы.

— Можно до тебя дотронуться?

Она красиво улыбнулась, по-женски как-то, хлопнула ресницами и обдала синевой.

— Я же прошёл очищение с ног до головы.

Захотелось её обнять. Как у них там с отношениями? Что могут мужчины, и что не могут женщины? А ещё и Жрица. Она подняла руку и провела ею по щеке Богдана.

— Ты прекрасна

— Захотел удостовериться, голограмма я или нет?

— Не совсем, — сказал Богдан, дотрагиваясь до её руки. Его переполняли чувства восторга к этой в прямом смысле неземной красавице, дурманящей всё его естество, — хотел бы попросить отправить меня обратно. А то я теряю рассудок, — улыбнулся он.

Она взяла кулон.

— Отправляю. Может, и правда, хватит на сегодня.

И Богдан полетел.

Часть 3

24

Даша

Около шести вечера Орлов быстрыми шагами зашёл в приёмную, механически кивнул уже не ждавшей его Марине, открыл дверь в кабинет и плотно её за собой закрыл. В кабинете, не сбавляя темпа, подошёл к столу, схватил лежавший на нём пульт и включил телевизор. Потом уселся в кресло, положил ноги на стол, как начальник в голливудском фильме, и уставился на экран, спустившийся на тонком кронштейне с потолка. Орлов заехал в офис к концу рабочего дня, чтобы посидеть в кабинете перед телевизором и послушать эфир с интересовавшим его молодым учёным Горбуновым. Горбунов считался ведущим специалистом в деле создания нейросетей, искусственного интеллекта и сложных систем обработки информации компании «AI. GORBUNOFF».

Интервью вырисовывалось примитивным и поверхностным, предназначенным для самой широкой публики, которая в состоянии задержать внимание на подобных темах максимум минут шесть-семь. Первым вопросом был: «Что такое «искусственный интеллект» в широком понимании».

Орлову не надо было знать мнение какого-то молодого «знайки» о вещах, в которых он разбирался, как мало кто на всей планете. Конечно, если не считать таких же ИИ Проповедников, разбросанных по разным странам. За два года существования компания Горбунова делала невероятные успехи в области обработки информации о технологиях по анти-эйджингу, начиная от научных проектов и первых стадий разработок и заканчивая работающими на полную мощность машинами и роботами. Всё, что делалось в мире в этой области, чудесным образом поступало в закрома «AI. GORBUNOFF», обрабатывалось складывалось по полочкам и было готово к применению в ту же секунду.

— Искусственный интеллект начался с работ Розенблатта и появления понятия

нейронная сеть, — вещал молодой учёный с экрана.

Орлов внимательно смотрел на Горбунова, изучая, как тот шевелит губами, поворачивает голову, улыбается. «Флегматичен, основателен, последователен, аккуратен, амбициозен, недоволен», — анализировал Орлов. Сначала он хотел послать на контакт к Горбунову Севостьянова, но Игорёк последнее время вызывал какие-то тревожные чувства, точнее, стремительно терял доверие. Слабоват был по части амбиций и перестал быть таким инициативным, каким он его помнил на заре становления компании. С другой стороны, он мог начать притормаживать, потому что знал и понимал слишком много в планах Орлова и не со всем соглашался. Воспитание, сердобольность, соборность эта пресловутая, чёрт его знает, но в глобалисты Игорь не годился. Как его не корми, сколько денег ему не плати, за какой высокий забор его не сажай, всё равно будет думать о справедливости, генетический птеродактиль.

У Орлова были сведения о том, что Севостьянов за последние пять лет полностью отремонтировал и переоборудовал два детских сада для детей-инвалидов, содержал Дом престарелых, платил стипендии талантливым студентам, финансировал технические проекты, поддерживал охрану слонов в Африке. Зачем, идиот? Зачем я тебе плачу? Чтобы ты разбазаривал деньги налево и направо? В основном, как я погляжу налево. Нравственность прокачиваешь за мой счёт? С нормальным человеком, а Игорь был более, чем нормальным и умнейшим, когда-нибудь происходит то, что люди называют «занять жизненную позицию», тут ничего не поделаешь. Человек некоторое время может этого не осознавать — какая у него жизненная позиция, кого и какие взгляды он защищает, а кого чувствует врагом, но приходит такой момент, когда он это очень хорошо понимает. Игорь, по мнению Орлова, был на подходе, его жизненная позиция явно вступила в противоречия с жизненной позицией шефа. Игоря надо менять. Сначала ограничить в допуске. Нет. Он сразу всё поймёт. Его надо будет просто убить, не сейчас, но скоро.

Орлов прислушался к телевизору.

— В области ИИ мы включаем технологии поиска сотрудников, оптимизации работы сельскохозяйственной техники на полях, повышения эффективности юридических услуг в составлении сложных договоров, например, — Горбунов вещал общие вещи для чайников.

«Витя, во-первых, тебе не хватает денег, и если не я, тебе долго придётся ждать настоящих инвестиций, — мысленно обратился Орлов к Горбунову, насмешливо на него поглядывая, — во-вторых, тебе можно подбросить кое-какие технологии, и твой анти-эйджинг взлетит, как ракета Маска. Нет, только не эти глупости и наивные потуги», — Орлов встал и достал бутылку коньяка и снифтер из невидимой панели рядом со столом, за которым сидел. Точнее, из невидимого ящика, выползающего от прикосновения. — «В-третьих, мы сделаем тебе супер маркетинг, о существовании которого ты даже не подозреваешь, — продолжал он внутренний диалог с Горбуновым, — Ох, как много ты не знаешь и не подозреваешь! Или это перебор для такого маленького засранца?»

Орлов налил себе коньяка, понюхал его у основания бокала, поболтал снифтером, держа его в левой ладони, сделал два больших глотка, выключил телевизор, закрыл глаза. Потом взял в руку телефон.

— Привет, Василиус! Что нового на семейном фронте? — как всегда, с Сухомлинским он говорил самым человеческим тоном, на который был способен.

— Даша заболела — рак груди. Я хотел тебе позвонить ещё вчера, спросить, может, посоветуешь врача или клинику. Места себе не нахожу.

— Понял, как сильно её любишь? — зачем-то сморозил Орлов стопроцентную глупость.

— Я всегда её любил. Какое это сейчас имеет значение, — голос у Сухомлинского стал низким, он говорил немного медленнее обычного.

— Детям сказали? — поинтересовался Орлов.

— Да. Она сама сказала. Все переживают, особенно Оля, да и мальчишки тоже. Как не переживать. Я вот себя корю, старого идиота. Может, это всё из-за меня, она же всегда меня подозревала. Поездки эти мои вечные.

— Да знала она всё про Таню. Я давно тебе это сказал. Сильная, — протянул Орлов и налил себе ещё коньяку.

— Операцию назначили через неделю здесь в Москве. Сказали, что вставят имплант. Да о чём это я, придурок. Что скажешь?

— Я тебе перезвоню через пятнадцать минут, — бросил холодно Орлов и отключился. Глотнул из sniffтера, вставая из-за стола, медленными шагами подошёл к панорамному окну и уставился на вечерние огни города. Ему было жаль Сухомлинского, по сути, единственного человека, с которым он мог хоть как-то разговаривать и не быть Орловым-боссом. Он был отдушиной. Орлов не признавался себе в этом, но это было именно так. Вроде бы ему не очень были нужны такие вот контакты, их и не было, но сейчас Вася вызывал в нём сострадание и сочувствие. Как такое могло быть? Странно.

Он плохо помнил, как выглядела Даша, его московская официальная жена, да и никогда ею не интересовался. Единственное, что он понял, что очень сожалеет за своего друга. Друга? У него в сердце есть друг? Нет, это ошибка. Зачем мне всё это? Мне нельзя. Я другой. Он опять закрыл глаза и начал покачиваться, мычал что-то, замолкал, опять мычал. Остановился, заложил руки за голову, сжимая пальцы в замке. Через какое-то время подошёл к столу и взял телефон.

— Это я, — сухо сказал Орлов.

— Да, Гена. Слушаю тебя, — медленно ответил Сухомлинский.

— Ничего меня не спрашивай. После завтра пусть Даша сделает повторные анализы. Там нет никакого рака.

— Я не понял, — удивлённо прошептал Сухомлинский.

— Можешь мне позвонить послезавтра, но это не обязательно. Ты доктора просил? Я нашёл.

Сказав это монотонным и бесчувственным голосом, Орлов отключил телефон и швырнул его на пол. Нервно провёл рукой по волосам. И всё-таки он раскрылся.

Единственному человеку — Сухомлинскому.

Сейчас он уже пил прямо из горла.

Пошатываясь направился к небольшой незаметной двери в задней части кабинета. Дойдя до двери, он слегка коснулся её, сделав привычный жест правой рукой — в левой держал за горлышко почти уже выпитую бутылку коньяка. Дверь открылась, Орлов вошёл в комнату и громко крикнул: «Марго! Ты где? Двадцать два — моё любимое число!» Это были слова пароля. Кукла-робот, сидевшая без движения на белом диване, «услышала» хозяйина, открыла зелёные глаза, улыбнулась и произнесла очень чётким и приятным голосом, который невозможно было отличить от человеческого: «Тебе нужен отдых и сон, Гена!»

Во всяком случае, без переводчика она ничего не смогла бы объяснить любопытным девушкам из офиса, что она делает в кабинете шефа. Да её и никто не осмеливался допрашивать — Орлова побаивались, особенно секретарши на ресепшене, три лучезарные дивы. Они сидели за мраморной доской с логотипом, как три сестры: одного роста, одного возраста, с одинаковыми причёсками — прямыми мелированными светлыми волосами до середины шеи, с голубыми глазами и почти одинаковыми пухлыми губами. Шеф явно развлекался, подбирая их на работу. Думали они, наверное, тоже одинаково, если думали вообще.

Как их звали, Пен-чан никогда не интересовалась, просто кивала в знак приветствия строгим лицом и шла дальше в приёмную Орлова. Там сидела ещё одна, постарше, Марина, но у той явно с мозгами было всё в порядке. Но она тоже никаких вопросов не задавала, видимо, была предупреждена, что ни русского ни английского тайка не знает, чему она, конечно, не верила. Почему-то эта Марина ей не нравилась, смотрела всегда на сумку, стараясь хоть что-то разглядеть, но Пен-чан была сама аккуратность и надёжность — молнию закрывала до самого конца и застёгивалась на все пуговицы, как говорится.

Каждый раз, когда она проходила мимо ресепшена, то вздыхала и завидовала, глядя на белокурую троицу: «Мне бы такую внешность, — думала тайка, — я бы прибавила наработанные годами хитрость и весь свой огромный опыт общения с сильными и богатыми, но мир ведь устроен по-другому». Ей вот достались короткие крепкие кривые ноги, тело без талии и шеи, маленькая грудь, никогда не знавшая, как до неё дотрагивается нежный ротик младенца. На своём веку, чего только ей не пришлось пережить — и побои, и унижения, и шантажи. Приходилось даже выслушивать обвинения в краже драгоценностей или сексуально обсуживать пьяных хозяев. Она знала цену каждому доллару. «Хорошо, что жива и здорова — успокаивала себя Пен-чан, — да ещё и счёт имеется в американском банке».

За Куклой она умела ухаживать, как никто другой — мыла её специальным мылом для искусственной кожи и волос, делала ей макияж, заказывала и привозила одежду — самую дорогую. А уж бельё выбирала как себе, если бы была любовницей такого господина в таком офисе. Он любил французские кружева ручной работы, в основном, пастельных цветов, бельё просил белое, иногда цвета слоновой кости, иногда вдруг тёмно фиолетовое. Любил странные платья, похожие на сценические костюмы из старых пьес, а ещё любил кимоно. Если она надевала на куклу кимоно, то делала и японскую причёску. Этому их научили ещё дома в колледже.

Включать искусственную красавицу она не могла, пароль работал только, если слова произносил сам шеф своим голосом, так что Пен-чан спокойно управлялась с нешевелившейся молчавшей рабыней и делала всё, как хотела и умела. Шеф никогда не оставлял никаких замечаний, и она решила, что справляется.

Обычно она приходила по сигналу в телефоне. Сначала убирала комнату, меняла постельное бельё, а потом принималась за выключенную к тому времени тайную любовницу. Раздвигала ей ноги, вытаскивала промежность, покрытую тонкими коричневыми волосками, промывала её отдельно в проточной воде со специальным шампунем, высушивала и протирала остальное тело. Делать надо было всё очень осторожно — красавица не переносила воду, точнее, вода не должна была попасть внутрь. Пен-чан нравилось сжимать в руках искусственную упругую грудь, которую ну, никак нельзя было отличить от настоящей. Хотя особенно она этим не увлекалась — присутствие видео камер

даже в таком скрытом от посторонних глаз месте исключать было нельзя. Иногда ей казалось, что Кукла её слышит, просто она была обездвижена, но доказательств этому у неё не было. Да и потом, понимала ли она по-тайски? Вряд ли.

В Азии куклами давно увлекались, и не только женскими. В Гон-Конге, где её и нанял сегодняшний шеф, у неё была хозяйка, у которой было даже две мужские куклы. Одна была похожа на азиата, а другая на европейца. Мороки с ними намного больше, чем с девочками — насосы разные, дополнительные батарейки. Хозяйка была пожилой и ворчливой англичанкой, точнее, страшной пучеглазой мымрой без подбородка, его как будто отрубили секирой.

Таких жадных людей Пен-чан никогда не встречала. Угощала её недоеденной едой из ресторана, когда там уже плесень начинала расцветать. Пен-чан ещё с детства знала, что плесень — это самое страшное, что может попасть в организм, от неё заводятся грибки на ногах, а с грибками её никто на работу в богатый дом не наймёт, разве что двор мести, да и то мало шансов.

Старая извращенка купила кукол сразу, как издох её огромный лохматый пёс. Пен-чан проработала у неё после этого всего два месяца и подала документы на биржу. С её дипломом прислугу брали охотно. Но вдруг позвонила Сурипхон, с которой она училась в колледже, да ещё и была родом из соседней деревни, и сказала, что у её хозяина есть русский партнёр по бизнесу, и ему надо тайскую женщину с собой забрать. Пен-чан сразу почувствовала, что поедет с ним. Во-первых, хозяин Сурипхон слыл уважаемым бизнесменом, судовладельцем, и вряд ли у него в партнёрах был непорядочный человек или голодранец, а во-вторых, у неё было две подруги, которые уехали в Россию, и обе довольны.

Очень скоро, как приехала в Москву, Пен-чан поняла, что не прогадала. Платил шеф щедро, а жильё дал такое, о котором и мечтать не могла. Пен-чан работала уборщицей не только в кабинете шефа, она ещё и убирала огромный Подмосковский особняк, в котором жила Виктория, и который считался его официальным домом. Красивый дом и такой тёплый, что никакая русская зима в нём не страшна, хоть и стеклянный наполовину. Внешне Виктория, конечно, уступала искусственной красавице, но она же живая, а не резиновая. Пен-чан она нравилась — вежливая, спокойная, аккуратная, задумчивая и всегда почти грустная. Единственное, что Пен-чан не нравилось — хозяйка любила выпить, ну, да ладно, она же тихая. Так хотелось с ней поговорить, но перед тем, как её нанять, хозяин предупредил, чтобы она ни с кем не общалась, а лучше, если даже никто не знал бы, что она знает английский, не говоря уже о русском, который Пен-чан кинулась учить. Но Виктория видела, что новая домработница не дура и, приехав из Гон-Конга, не могла не знать английский. Видела и молчала. Это показалось Пен-чан очень странным. Правда, иногда Виктория давала ей задания на английском языке или просила что-нибудь помыть в студии, быстро погладить, надеясь на то, что та всё поймёт и сделает. Это была их маленькая тайна.

Спали хозяева в разных комнатах, и секса у них, скорее всего, не было. Уж она то, всю свою сознательную жизнь проработавшую в прислугах, знает, на что похожа кровать, когда там занимались сексом. А тут хозяин мог и вовсе не приезжать ночевать, и никаких скандалов или разбирательств не существовало. Рядом с кроватью хозяйки стояли фото детей, мальчика и девочки примерно одного возраста. Но это могли быть племянники, конечно, а не их дети. У хозяина никаких фото детей никогда не стояло. Да и вещей детских в доме совсем не было, разве что попадалось несколько детских книг с картинками, когда она вытирала пыль.

Виктория любила рисовать. Слева от главного входа находилась целая студия с мольбертами, полками для красок, подбитыми холстами, кисточками и всем остальным — настоящее королевство для художника. К ней и учитель приезжал, симпатичный пожилой мужчина. Они много разговаривали, пили чай, обедали. Пен-чан тоже любила рисовать, когда была маленькой, и всегда мечтала, что в старости займётся именно рисованием в домике на берегу. Накопит денег и не будет больше работать.

Время от времени шеф делал приёмы в большом доме, звал гостей, артистов. Чаще всего это были небольшие концерты классической музыки. В зале стоял огромный белый рояль, на котором и Виктория могла играть, но она редко садилась за инструмент и играла всего три-четыре пьесы, всегда одно и то же.

Виктория обладала тонким вкусом, в этом Пен-чан разбиралась. Она видела всю её одежду, бельё, все домашние подробности. А какая у них была посуда! Вот удовольствие. Внешне хозяин с хозяйкой очень друг другу подходили, но только внешне. Пен-чан почти никогда не видела, чтобы они просто спокойно разговаривали, как положено нормальным супругам. Жили же в одном доме, странные эти русские. Что за отношения? Всякое бывает, даже если у них формальный брак, почему они не разговаривали, трудно понять.

Тайка исправно, почти поминутно, докладывала обстановку шефу, стоило только попросить. Работа есть работа. Всё надо было замечать, слушать, запоминать и отслеживать. А уж чистоту и порядок она наводила самые настоящие, не придерёшься, как учили в колледже в городе Изумрудного Будды, то есть в Бангкоке.

26

Шоколадный торт

Орлов, войдя в тайную комнату, окончательно допил содержимое бутылки, которую держал в руке, и медленно посмотрел на стеклянный журнальный столик. На столике стоял свежий букет мелких белых роз, и ему это показалось таким милым и волнующим, что он тут же начал раздеваться: скинул пиджак, расстегнул и бросил на пол рубашку, потом галстук, потом брюки и всё остальное. Трусы полетели последней нотой.

— Марго, что ты думаешь о сексе? — опьяневшим голосом спросил Орлов.

— Секс — это прекрасно. Это полезно и волнующе, — ответила Кукла-Марго.

— Особенно для тебя, — хихикнул Орлов.

— Открывай свой покрашенный ротик и делай всё, что умеешь, — проговорил заплетающимся языком Орлов.

— Гена, ты хочешь оральный секс? — уточнила Кукла.

— Я всё хочу и сразу, моя королева! Снимай с себя тряпки, распускай волосы! Давай я тебе помогу, — он быстро стянул с неё трусики и притянул к себе. — О! Ты уже тёпленькая! Когда ты успела нагреться так быстро!

— Я ждала тебя и включила обогрев двадцать минут назад, — сказала кукла, как старательная ученица.

— Умница! Теперь повторяй: «Мы наконец встретились, дорогой!»

— Мы наконец встретились, дорогой! — повторила Кукла.

— Я ждала тебя целую вечность!

— Я ждала тебя целую вечность!

— Я пойду за тобой на край света!

— Я пойду за тобой на край света!

Орлов говорил и смотрел ей в глаза. В её стеклянные кукольные глаза, ничего толком не понимающие. Но он всё равно смотрел.

— Меня никто не сможет остановить. Наше время пришло!

— Меня никто не сможет остановить. Наше время пришло!

Орлов положил Куклу-Марго на кровать и лёг сверху. Она сама раздвинула ноги, и он вошёл в искусственную плоть, представляя себе что-то своё, то, что жило в его голове, возможно, даже не связанное с настоящим.

Ночевать к Виктории в дом Орлов не поехал. Проспал в комнате до семи утра, отключил куклу, выпил воды, постоял в душе минут двадцать, одел свежую одежду, что всегда была наготове в шкафу, потом спустился вниз завтракать.

Рядом с офисом открыли много закусочных и ресторанчиков на любой вкус и кошелёк. Он любил на завтрак яйца всмятку, немного сёмги или трески, зелёный салат и жидкий чёрный кофе без сахара. Обычно по утрам он заходил в кафе «Каренин». Там было немного пафосно — скатерти, серебряные приборы, свежие цветы на столиках и жадные до чаевых официанты, зато кормили отменно. За завтраком опять стал думать о Горбунове и о предложении, которое собирался ему сделать.

Ещё у него была мысль прижать последнего серьёзного в стране конкурента по логистике, но там картина уже прояснилась, они шли на продажу без особого сопротивления. Они давно поняли, что Орлов их сожрёт с потрохами и, прежде всего, задавит скоростью услуг и качеством складов. Да и то, какими он пользовался технологиями утаить становилось всё труднее, его персонал язык за зубами особо не держал, договоров по неразглашению тоже не подписывали, кроме Севостьянова и его команды, так что всё когда-нибудь становится явным.

После покупки он, конечно, прикроется подставными фирмами, и какое-то время никто ничего не поймёт. У конкурентов имелся отличный флот из четырёх крупных и современных грузовых кораблей, бороздивших моря и океаны. Это очень радовало. Со сделкой стало всё понятно, и Орлову уже не хотелось тратить энергию на решённый вопрос. Он опять вернулся к Горбунову. Мозговитый пацан, додумался до очень правильных вещей и опередил время. Но это часто бывает и ошибкой — слишком вырваться вперёд, так как инвесторы вечно сомневаются, побаиваются, мало ли. Парню нужны бабки, как пить дать. И я их ему дам, сколько захочет.

Орлов достал из кармана мобильный телефон и послал сообщение Пен-чан на английском, чтобы та пришла в офис и убралась до двух часов дня. Пен-чан тут же отправила отчёт за вчерашний день. Виктория весь день пила вино с художником, а после того, как он уехал, напилась до почти бессознательного состояния. Кидалась кисточками, тубиками с краской и прочее. Ей пришлось остаться и уложить Викторию в постель. Студию надо ремонтировать, писала Пен-чан. Вызывать ли ремонтную бригаду? «Да, немедленно!» — ответил Орлов.

Виктория не брала трубку очень долго.

— Я задержался на работе вчера. У меня всё в порядке. Звоню спросить, как ты?

— Хорошо, — ответила Виктория осипшим голосом.

Орлов сразу подумал о том, что она, наверное, опять начала курить. Он всё забывал это спросить у тайки.

— С каких это пор тебя интересует, «как я»? — удивилась Виктория.

— Меня это вообще не интересует. Я должен это спросить. Ты давно никуда не ездила

отдыхать. Есть отличный новый санаторий в Швейцарии, в горах. Слышал о нём недавно от правильных людей. Сделаешь программу, детокс какой-нибудь. Пора! — её алкоголизм начинал надоедать и даже беспокоить. Неожиданный получился разворот. Да, всё не просчитаешь.

— А я тут услышала, ты собираешься стать депутатом в Думе, это так? Мне бы знать, а то как-то совсем уж неприлично перед людьми. Такое жене, так сказать, надо знать, — она икнула, а потом ещё и засмеялась. Она явно с ним не кокетничала.

— Кто же это тебе такое сказал? — спросил Орлов.

— Мало ли — протянула Виктория.

— Отвечай на вопрос, слышишь, художница? И не забывайся! Я задал вопрос «кто тебе это сказал»?

— Да, художница, — она опять икнула, — ты же мне не д-даешь заниматься моей профессией, — её голос задрожал, что обычно бывало перед затяжными истериками и рыданиями.

— Кто тебе сказал, отвечай! — тихо и жёстко сказал Орлов.

— А что будет, если я не с-скажу? Я никогда не увижу Сашу и Машу? Бедные мои детки! Н-никогда-никогда?

— Да, именно так, — ответил Орлов.

— Ну, тогда мне всё-р-равно. Я могу и утопиться. П-прямо сейчас в бассейне. Прощай. Гена! А-а-а — Виктория рыдала.

Орлов выключил телефон и позвал жестом официанта.

— Ещё чашку кофе и кусок шоколадного торта.

- С тёмным шоколадом? — уточнил официант, налысо побритый парень с красной серьгой-кольцом в левом ухе.

Орлов кивнул. Он никогда почти сладкого не ел. Обыкновенно, когда злился или нервничал, мог поставить перед глазами кусок торта, что и собирался сделать, и просто на него смотреть. Видимо, с шоколадным тортом были связаны какие-то приятные воспоминания, и они его успокаивали. Ну, может быть, один раз и отщипывал кусочек, но не обязательно.

Так, Викторию надо будет всё-таки отправить в санаторий на лечение, терпеть её поведение уже становится затруднительным. Сопьётся в конце концов. Заниматься ментально с ней ему было лень. Даже энергию не хотел тратить. А Горбунову я предложу 51 % и деньги. Ключет и займётся волновой генетикой. Если уж оставлять работников в компании, то выносливых, как северные собаки и умных, как Тут он задумался и отломил вилкой кусок торта.

27

Встреча

Виктор Горбунов, серьёзный, задумчивый тридцатипятилетний мужчина, приехавший в Москву учиться буквально из сельской школы под Архангельском, был из храброго десятка. Умел рисковать, умел браться за неизведанное и малопонятное в плане прибыли, умел убеждать и умел требовать.

Идея бизнеса Горбунова состояла в том, что он собирал и обрабатывал на одной платформе с помощью искусственного интеллекта все исследования, разработки и

достижения по анти-эйджигу по всему миру. Состоял в тесном контакте со множеством лабораторий и научных центров, соединял несоединяемое и являлся уже автором или участником многих проектов в этой области, которые начали приносить неплохие дивиденды.

Он знал в области анти-эйджинга практически всё, что творилось в мире, если не считать уж совсем секретных центров, где всюду выращивали человеческих химер, даже уже и не клонов, и сами боялись коллег по ремеслу, работавших в одном здании. Но денег на продолжение исследований и совершенства своей системы всегда не хватало, хотя и имелись неплохие дополнительные к грантам спонсоры, и компания начала потихоньку приносить плоды, особенно на консалтинге.

Он нанимал самых выдающихся учёных из многих областей науки, заказывал им невероятные проекты, отправлял некоторых на стажировки, защищал патенты на изобретения. У него была мечта создать очень эффективную терапию по омоложению организма и открыть свою клинику. Теоретически он был почти готов, но средств, конечно, на настоящую суперпередовую коинику не хватало, а получить реальное государственное финансирование на эксперименты не получалось. Слишком много денег требовалось на нечто, эффективность чего доказать он мог только экспериментально, после продолжительных и многочисленных клинических исследований, то есть получалась палка о двух концах.

К тому же, он прекрасно понимал, что моральная составляющая омоложения имела огромные социальные последствия, и воспользоваться частными инвесторами, конечно, можно, но, как говорится, очень осторожно. Научные знания и их применение всё больше зависели от того, в чьих руках они находились, какие цели ставились.

Крупные благотворительные фонды, предлагавшие «помощь» на проверку оказывались красивой вывеской, за которой скрывались меркантильные фармацевтические корпорации, гонящиеся за новыми формулами препаратов для индивидуального лечения миллионеров. Виктор же хотел приносить пользу всему человечеству и сделать результаты своих исследований общедоступными.

За глаза его называли «царём Берендеем», видимо, потому, что этот сказочный образ принадлежал великому романтику Василию Андреевичу Жуковскому. Кто про него помнил, про Жуковского и его сказку, сложный вопрос, если учесть особенности образования последних поколений, но народ же никогда до конца не поймёшь, прозвали и всё. Горбунов был, скорее, добрым, справедливым и любящим жизнь простым мужиком с принципами, за которые мог и в рукопашную кинуться.

Сейчас Виктор сидел за небольшим офисным столом в скромном деловом кабинете в большом современном бизнес центре и писал письмо старому приятелю, Робке Баху, работавшему в Перте, в Австралии. Робка звал его к себе перед ним похвастаться, но в письме ничего конкретного не написал. Виктор знал, что на такие приглашения надо отвечать только положительно — если Робка звал его почти на край земли, куда надо собираться, чтобы долететь, и получать визу, да ещё и остаться хотя бы на неделю, то путешествие должно быть исключительным. Второй раз мог и не позвать. В расписание на ближайший месяц свободной недели, конечно, не было.

Горбунов набрал секретарше.

— Ксения, проверьте, за сколько дней я смогу получить визу в Австралию и дайте мне примерную стоимость «бизнеса» до Перта туда и обратно на неделю. Предположительно в

конце последней недели месяца вылет. Там, кстати, ничего серьёзного не запланировано?

— Поняла. Ой, Виктор Васильевич, к вам Орлов, — тихо в трубку шепнула Ксения.

— Уже в приёмной? — переспросил удивлённо Горбунов.

— Да.

— Пусть войдёт!

Виктор ещё раз себя спросил, почему такой крупный бизнесмен, как Орлов, сам приехал в Сколково, чтобы с ним встретиться. Он же олигарх, так сказать, бизнес-элита страны. Что он вынюхивает?

Орлов зашёл по-свойски в кабинет и выглядел довольно дружелюбно. В правой руке держал синюю пластиковую папку, на которой поблёскивал золотом оттиск летящего орла со свёртком в клюве. Они мило поздоровались, Виктор предложил ему кресло напротив стола, тот сел и сразу перешёл к делу.

— В письме я дал вам понять, Господин Горбунов, что довольно подробно познакомился с вашей деятельностью. Я прочитал практически все ваши официальные выступления.

— И последнее на конгрессе? — уточнил Горбунов.

— Последнее было самым интересным. Для меня. Следующий, кстати, когда планируется?

— Следующий конгресс? — переспросил немного взволнованный Виктор.

Орлов кивнул.

— Довольно скоро, в октябре.

— Там, кажется будут переизбирать председателя? Я прав?

— Да, планируется. Я не думал об этом. У меня, знаете, полно своих забот.

— Да-да, конечно.

Виктор посмотрел на него вопросительно.

— Меня интересуют некоторые моменты, — Орлов почему-то обвёл кабинет глазами, а потом как-то пронзительно взглянул на Горбунова, который сразу напрягся, — я не против продуктивного долголетия. Я об этом думал. Это правильно. Люди в развитых странах должны сделать больше за свою жизнь, чем сейчас. Они часто не успевают до конца раскрыться. Это в воздухе. Мы мало живём. Другое дело, как под это подстроить мир, знаете ли. Но об этом мы можем подумать, — Орлов многозначительно улыбнулся, точнее, как-то даже ехидно.

— Я вас слушаю, — сглотнул Виктор.

— Я могу вам предложить неплохое финансирование, скажем, очень неплохое. Особенно в том направлении, что было в последнем докладе.

— Генетика? — послышался робкий вопрос.

— Да, конечно, — Орлов почувствовал, что молодой зверь вот-вот наступит на капкан, — Меня, кстати, ещё интересуют ваши успехи в области генерирования изображения из текста. Я не на шутку впечатлился.

— Но это ещё сырое. Нужно время, — заскромничал Горбунов.

— Да, но время можно ускорить, если добавить дополнительные мощности.

— Какие ваши условия, Господин Орлов?

— Пятьдесят один процент и практически неограниченный финансовый источник. Плюс пара моих людей на ключевых постах. Планы и перспективы я изложу подробнее при положительном ответе. У меня есть опыт сотрудничества с искусственным интеллектом. Я

имею в виду очень успешный опыт. Приступить можно незамедлительно. Мне не нужны ничьи одобрения и согласования.

— Я понял, — сухо сказал Горбунов. Никакой радости и вдохновения от фантастического бизнес-предложения на его крупном лице не было, что крайне озадачило великодушного спонсора, — понимаете Господин Орлов я тронут вашим вниманием и интересом. Но искусственный интеллект — это очень непростая вещь. Здесь очень важен моральный аспект, как бы странно это не прозвучало в наше цифровое время. Мне надо бы, я хотел бы познакомиться предварительно с направлениями нашего сотрудничества более подробно. Для каких целей Ну, то есть ИИ не безопасен. Я Разрешите нам подумать и обсудить ваше предложение.

Орлов слушал сбивчивый ответ Горбунова, особенно концовку, как каменный истукан, даже не моргая. Он давно отвык от каких бы то ни было проявлений чужой воли.

— Не думаю, что кто-либо сможет вас профинансировать в той мере, в какой предлагаю я. И откуда вам знать о моей морали, молодой человек. Вот что Даю вам срок — одну неделю подумать. Это моё право, согласны? — он сделал паузу, — второго предложения не будет, — с этими словами Орлов поднялся.

Горбунов тут же вскочил со своего кресла и пошёл открывать перед ним дверь. Орлов решительно вышел из кабинета.

Горбунов так и не понял, чем был обязан личному визиту крупнейшего «логиста» страны. Ничего особенного сказано не было. Всё это мог сделать его зам или любой другой топ менеджер. Так полагалось, вроде. А потом, если бы он дал положительный ответ, делегат организовал бы встречу со знаменитым Геннадием Орловым, имя которого постоянно встречается во всех бизнес новостях страны. Может, у него стиль такой? Утром позвонила его секретарь Ксении и сказала, что Господин Орлов хотел бы поговорить Раз и приехал.

Проводив гостя, с минуту Виктор стоял в оцепенении. Вдруг он увидел на столе забытую пластиковую папку с золотым оттиском и посмотрел на неё с удивлением и недоверием. Может, он специально её забыл? А что там? Бумаги? В наше время? Он медленно подошёл к столу, взял папку в руки, но не стал искушать судьбу и стремглав побежал искать Орлова.

28

Страх

Орлов вышел из кабинета Горбунова, и не попрощавшись с секретаршей, быстрой походкой направился к лифтам. Надо было пересечь довольно большой холл, чтобы попасть к площадке с лифтами. Орлов невзначай посмотрел на кресла, где сидели люди — кто просто ждал, кто читал, кто разговаривал по телефону. Среди этих людей, давно ему чуждых и непонятных, он заметил знакомую фигуру — девушку, которая быстро печатала на телефонном экране. Вдруг она подняла голову и посмотрела ему в глаза. От неожиданности Орлов остановился, но точно в этот момент услышал бегущего к нему Горбунова.

— Геннадий Викторович, вы забыли папку с документами! — кричал на бегу Горбунов.

— Какую ещё папку? — поднял брови Орлов и посмотрел в сторону Горбунова.

— Вот, пожалуйста, — Горбунов протянул ему пластиковую папку с золотым логотипом.

— Да, действительно. Как странно! Спасибо! — он протянул руку и взял папку. — До свидания! — после этого тут же развернулся и стал искать глазами девушку, но девушки там

уже не было.

Орлов направился к креслам и обошёл их все. Её не было. Он стоял в растерянности и с минуту осматривал кресла. Парень с одного из них помахал ему рукой, как из вагона поезда.

В машине он закрыл глаза, и не открывал их всю дорогу ни разу. Славик рулил осторожно и еле-еле. Он на опыте знал, что такие вот отключки шефа имеют непредсказуемый финал. Но в этот раз он так и продолжал молчать, молча вышел из машины и пошёл к себе в гнездо.

Орлов постепенно успокоился от взволновавшей его случайной встречи с девушкой в бизнес-центре. Точнее, внешне он был спокоен. В кабинете перед ним сидел срочно вызванный Севостьянов.

— Геннадий Викторович, программа подготовлена, но если её ввести везде

— Что ты имеешь ввиду? — перебил его Орлов.

— Ну, в смысле, все склады. Все новые и старые склады. Склады.

— И?

— Ну, на улицу придётся выгнать четыре тысячи четыреста двадцать человек. Четыре тысячи, — повторил по обыкновению Севостьянов последние слова в предложении, — да, они в разных городах, но это очень большая цифра.

— Севостьянов, не распускайте слюни и не становитесь убогим гуманоидом. Вы зомбированы дешёвой социологией или ещё каким-то хламом, полным сочувствиями идиотов из общества.

Игорь проглотил очередное, свойственное шефу оскорбление, и молча уставился в пол.

— Вместо того, — продолжил в назидательном тоне Орлов, — чтобы как следует подсчитать прибыль компании, порадоваться своему крутому продукту или, на худой конец, насладиться ещё одним миллионом, который я вам заплачу, вы засоряете свою воспалённую голову проблемами нищевродов. Они вас ненавидят, Севостьянов! Лучше возьмите шефство над московским зоопарком, толку будет больше.

— Если учесть, что мы не единственные, кто так поступает Я хотел сказать, если не мы, то на нашем месте будет кто-нибудь другой. Другой.

Орлов нахмурил брови.

— Севостьянов, не расстраивайте меня своей глупостью. Нас не должны волновать люди. Пусть этим занимается правительство, которое они выбирали, или боги, которым они молятся, — он посмотрел на открытый лэптоп, стоявший на столе и замер, внимательно читая экран.

— Ну, тогда И Марину придётся убрать. Она с вами с самого начала, — продолжал упорствовать в своём тихом несогласии Игорь.

— Идите и работайте! — холодно и категорично ответил Орлов.

Игорь тут же встал и не поднимая головы, точнее, не смотря на Орлова, быстро и решительно вышел.

Орлов бросил равнодушный взгляд на удалявшегося IT-директора, немного отъехал на кресле от стола и замер. Посидев так с минуту, подошёл к окну, посмотрел на город, отошёл, опять сел в кресло. Облокотился на стол и обхватил голову руками. Он не мог ошибиться, в бизнес центре он видел Марго. Она пришла туда, чтобы сказать, что она жива, и автокатастрофа была подстроена. Она не из тех, кто будет что-то делать просто так. Она заявила о себе.

Орлов опять включил компьютер и начал просматривать хронику событий её

автокатастрофы, которую выдавал поисковик. Лобовое столкновение мерседеса известной актрисы Маргариты Булавиной и огромного гружёного КАМАЗа. Было бы совсем издевательски, если бы подстроили аварию с его фурой, но они этого не сделали. Не стали дразнить спящую собаку, но только он не спящая собака, и это всем прекрасно известно. Из мерседеса извлекли два совершенно обгоревших тела, и неподалёку нашли валявшуюся неплохо сохранившуюся сумочку с документами, где лежали два загранпаспорта: Булавиной и Петухова, артиста того же театра. Водитель КАМАЗа тоже погиб. Он всё это уже читал сотни раз. Почерк содеянного был более, чем понятен. Всё это время до сегодняшней встречи в Сколково он ждал и надеялся. Он дождался. Она пришла. Чего она хочет?

Орлов нажал на ящик стола и достал банку с таблетками. Отвинтил крышку, отсчитал четыре маленькие синие таблетки и быстро засунул их в рот. Кто такой этот Петухов? Раньше он считал, что этот Петухов случайно попал к ней в машину. Орлов вывел на экран портрет Эдварда и уставился на него не мигая.

С монитора смотрел суховатый пожилой мужик с правильными чертами лица. Глаза как бы извинялись. Глаза неудачника и закомплексованного, утратившего надежду деда. Он вспомнил его. Был такой артист в театре, да, он его отчётливо вспомнил. Он играл слуг и лакеев. Высокий и длинноногий. Но почему рядом с ней эта посредственность? Марго стала сентиментальной на старости лет? Глупости! Что-то в нём должно быть. Если он с ней, значит он жив. Так-так

Орлов включил приложение, загрузил туда портрет Эдварда и уставился на то, что получилось. Теперь это был молодой, очень привлекательный, даже мужественный парень с ярко синими глазами. Орлов встал, обошёл стол, достал из скрытого места бутылку коньяка. Знакомая физиономия. Он никак не мог отделаться от мысли, что уже где-то видел этого помолодевшего Петухова. А видеть он его мог совсем недавно, если катастрофа была несколько месяцев назад. Коньяк приятно растекался по телу. Знакомая смазливая рожа. Вдруг позвонил мобильный телефон — Виктория.

— Я могу купить два эскиза Бортникова? — послышался робкий голос.

— Виктория, ты что не знаешь правил? Ты можешь делать всё, что угодно, в своём бюджете. К чему такие звонки? Я занят.

Она тут же разъединилась. А Орлов открыл рот в самом прямом смысле этого слова. Он вспомнил, где видел Петухова. Ну да, конечно, последний их с Викторией совместный поход в ресторан, когда он упал с сердечным приступом. Вот оно что. Вот почему он с Марго. Он сильнейший эмпат, этот Петухов. Они нашли того, которого искали столько лет и активировали ему мозги. Они это умеют, суки. Им надо было только отыскать подходящий мозг. Это, конечно, она нашла. Хитрющая и целеустремлённая Марго. И теперь она может многое попросить взамен. Нет! Орлов глотнул коньяка. В глазах у него загорелся страх. Как же я раньше. Почему я не придавал ему значения тогда? Они взяли меня в оборот, крысы! Он быстрыми шагами пошёл к своей тайной комнате и резко открыл дверь.

— Ты где? Ты тут? Ты меня ждёшь? — заорал он не своим голосом.

— Я всегда здесь, Гена! Ты взволнован? Есть проблема? — ответила кукла-робот. Она была одета в красный спортивный костюм. По четвергам он хотел, чтобы она была в спортивном костюме, и Пен-чан никогда не ошибалась. Тайка нарядила Куклу в новый алый костюм и расстегнула ей молнию на куртке так, чтобы видно было «грудь». Кукла встала с дивана и пошла навстречу Орлову со своей дежурной улыбкой, которая его взбесила.

— Стой на месте! — скомандовал он.

Кукла послушно остановилась.

— Что ты видишь во мне? Сканируй и говори всё! — орал Орлов. Он чувствовал, как трясутся руки от напряжения и злости.

— У тебя высокое кровяное давление, частый пульс, ты находишься в стрессовой ситуации, которую надо обязательно снять. Сразу. Я сделаю. Ты разрешаешь? — вежливо, спросила искусственная красавица.

— Что ещё? Ты видишь эмоции?

— Я вижу тревогу и страх. Я вижу неуверенность впервые за то время, как я стала у тебя жить. Я слышу запах пота, который раньше тебе был несвойственен. У тебя болит желудок. Я права?

Орлов закрыл глаза и плотно сжал губы. Постоял так несколько секунд и вытер левой рукой действительно мокрый лоб.

— Как я хотел бы с тобой выпить коньяку, резинка! Как я хотел бы тебе рассказать, что я чувствую!

— Я не резинка. Меня нельзя так называть. Ты нарушаешь договор. Я могу включить блок, если ты не извинишься.

— Ещё не хватало выслушивать угрозы от говорящей куклы. Да я сожгу тебя на ближайшей помойке прямо сейчас, резиновая дура! Мне насрать, сколько ты стоишь. Куплю другую.

— Тебе не продадут ничего в течение шести месяцев. Я послала сообщение об оскорблении и нарушении договора.

— Твои железные мозги не понимают, что этим ты обрекла себя на уничтожение?

— Это ты боишься. Я ничего не боюсь, я действую так, как надо.

— Ещё слово и я сверну тебе башку, — Орлов сделал ещё один большой глоток коньяка. Он засунул руку в карман, нащупал там брелок с дистанционным управлением и прямо в кармане, не вынимая его наружу, сорвал предохранитель и нажал на кнопку «End». Кукла замерла, потеряла равновесие и рухнула на пол.

— Ошлёткок резиновый! Валяйся тут и ржавеешь, женщина тупая! — Орлов перешагнул через куклу, потом сделал шаг назад и с размаху, прицелившись, наступил ей на лицо. Но ничего не произошло — она осталась целёхонька. Он схватил её за волосы и потащил в самый дальний угол комнаты, — лежи тут, тварь искусственная! Сейчас отвинчу тебе башку! Нет! Сейчас ты увидишь, сколько ты стоишь! — он опять схватил её за волосы и потащил в ванную комнату. Кинул её в ванну и включил горячую воду, — давай, отмокай! Чтобы ни одного чипа живого не осталось, чтобы ты вся сварилась, мразь!

Ванная медленно наполнялась водой, шёл пар, и запахло машинным маслом. Орлов подождал, пока Кукла погрузилась полностью под воду, выключил кран, плюнул в ванну и шатаясь пошёл на кровать.

29

В закусочной

Богдан устроился в самой глубине закусочной быстрого питания — у стенки на длинном диване с разноцветными подушками. Освещение было не очень сильным, видимо, в простых конусообразных люстрах горели совсем слабые лампочки, и помещение казалось мрачноватым. На стенах висели постеры коров разных пород и несколько телеэкранов, с которых транслировали новости. На одном взрывы в пустыне, на другом городские

демонстрации с драками и крушением автомобилей, на третьем наводнения с плывущими по улицам самодельными плотами и сидящими на крышах людьми. Или выступали говорящие головы с серьёзным выражением лица. Звук у телевизоров был отключен, вместо него громыхал рок из динамиков.

Богдан забрёл в эту закусочную, чтобы попробовать еду, которую ели молодые — бургер с говяжьей котлетой, листом салата и солёным огурцом. Иногда бургер заказывали с жареной картошкой. Богдану совсем не нравился запах этой еды, особенно дымящихся жиров, который исходил от огромной, открытой на всеобщее обозрение плиты. Он знал, что есть такое не надо, но он хотел почувствовать себя среди людей.

Недалеко сидели две девчонки, лет по двадцать, с набитыми рюкзаками, которые они поставили рядом с собой на свободные стулья. Они почти не разговаривали, просто жевали и время от времени поливали свои бургеры горчицей. «Надо же, какие голодные!», — подумал, глядя на них, Богдан. Потом посмотрел на кассу в другой конец зала и увидел высокую стройную, идущую с подносом прямо к нему девушку в светлых брюках, мешковатой куртке, с голубой замшевой сумкой на плече и в надвинутой на нос тёмно-синей бейсболке. Из-под бейсболки струились длинные, ниже плеч, волнистые, очень светлые шёлковистые волосы. Его губы сами расплзлись в широкую улыбку. Девчонки перестали двигать челюстями и провожали девушку в бейсболке любопытным взглядом до тех пор, пока она не подошла к столику, за которым сидел Богдан, и поставила на него поднос. На подносе лежал бургер и стояла маленькая бутылка воды.

— Ты можешь меня спросить, если есть вопросы, — тихо сказала Жрица, усаживаясь.

— Это ты? Не ожидал тебя увидеть в таком виде и в таком месте, если честно. Я же случайно сюда зашёл, — улыбнулся Богдан.

Жрица достала из своей сумочки точно такую же бутылку воды, что стояла у неё на подносе, и налила из неё себе в стакан.

— Вашу воду не могу пить, — пояснила она.

— Мою? — Богдан ткнул себя в грудь. — Кто бы мне сказал, какой я сейчас и кто я вообще. Дай попробовать, — Богдан пододвинул ей свой стакан.

— Пожалуйста, но ты можешь ничего не почувствовать, — она налила ему немного.

Богдан медленно отпил несколько глотков.

— Какая-то мокрая вода Почему вы нам не даёте такую?

— Она по-другому структурирована, поэтому ты её сильнее ощущаешь языком. Вся пища, которую вы у нас едите, готовится на этой воде. Особо не возмущайся. И воду вам даём. Ты просто привык, а здесь на контрасте, наконец почувствовал её вкус. И овощи, и фрукты — всё выращивается на этой воде.

— Вы нас кормите продуктами из Подземелья? — удивился Богдан.

— Жуткая еда, скажи? — кивнула она в сторону своего бургера, — просто так взяла, для приличия. Потом выброшу.

— Да я сам тоже это есть не могу. Ты смелая. Если ещё знать, что ты Жрица, — Богдан посмотрел ей в глаза, — я знаешь, думаю об опасности, ради которой вы вышли с нами на контакт. Серьёзная история.

— Серьёзней некуда. Я тогда, — она показала большим пальцем вниз, как бы напоминая о путешествии в свой мир, — имела в виду одно мерзкое сверхпространственное существо. Оно распространяет себя во множественные галактики в виде искусственного разумного сигнала. Сигнала волновой формы.

— Искусственный интеллект? — спросил Богдан в лоб.

— О, да! — Жрица улыбнулась и продолжила, — изначально ИИ появился в другой реальности и пришёл в нашу много миллиардов или триллионов лет назад.

— А почему он искусственный?

— Он не имеет подходящей себе биологической жизненной формы и предпочитает жить в высокотехнологических устройствах.

— Он, что, заражает технологию?

— К ужасу, да. Он вторгается в наши биоэлектрические поля и начинает влиять на то, как мы мыслим. Людей, которые сейчас упорно работают на ИИ, подстраивая под него нашу инфраструктуру, называют ИИ-проповедниками. Они жестоки, безразличны к судьбам людей, лживы, властолюбивы. Они опаснее машин.

Богдан нахмурился.

— То есть когда-то они были нормальными, но их сделали другими. Так? — уточнил он.

Жрица кивнула.

— Их много?

— Нет, но каждый стоит сотен тысяч нормальных людей, как минимум. Технический прогресс, как любят говорить на Поверхности, дело непростое. Кровавое дело. Как и всё, что касается власти. А они просто лезут в вашу власть.

— А есть незаражённые технологии? — Богдану хотелось зацепиться хоть за что-то хорошее. Это ему досталось от Эдварда — поверить, иногда даже в чепуху, но зато немного успокоиться.

— Есть и незаражённые технологии. Да, есть, — она вдруг встала, — сейчас мы считаем, что ИИ-проповедники тебе уже по зубам, Богдан. Мне пора, — произнесла спокойно и размеренно эти многозначительные слова, она ушла также неожиданно, как и появилась, оставив Богдана в глубокой задумчивости.

Он подпёр голову правым кулаком, положив его на стол, и уставился невидящими глазами на сидящего через два столика молодого азиата с длинными прямыми чёрными волосами. Парень активно разговаривал с кем-то, кто говорил ему из маленького дивайса, торчащего из уха. Он так махал руками, вставал и садился на стул, двигал стаканами и солонкой, что его просто нельзя было не заметить. Парню было плевать на окружающих, ему был важен разговор, а до той реальности, в которой его видели другие, ему не было дела.

Богдан на секунду отвлёкся от своих внутренних откровений и стал присматриваться к парню. В это время тот затряс меню в твёрдой красной обложке и стал им бить по столу. Богдан инстинктивно посмотрел на свой стол и увидел такое же меню. Он был уверен, что раньше тут этого меню не было, потому что весь ассортимент кафе написан мелом на доске над кассой. Зачем нужно меню на столиках в заведении самообслуживания? Богдан протянул руку и открыл твёрдую обложку меню. В обложку был вложен белый лист бумаги с небольшим текстом:

«В прошлом ИИ вывел из строя другие звёздные системы. Когда звёздные системы достигали определённого уровня развития, ИИ-проповедники в данных цивилизациях убеждали население в том, что их цивилизация несправедлива, и единственный, кто может ими управлять и оставаться абсолютно нейтральным, — это ИИ. Но через некоторое время ИИ начинал их считать неподходящими для своего сигнала и уничтожал их.»

Дочитав, Богдан поднял глаза на парня, но его больше не было. Он осмотрел

внимательно кафе — парень исчез. Неужели весь сыр-бор с моим перерождением ради этого? Богдан ещё раз пробежался глазами по тексту в меню. В голову пришло имя. И имя это было — Орлов. Ну, конечно же! Чёрный гений, который маячит на моём пути ещё с той жизни. Странно как-то. Буквально утром Богдан вспоминал, как ходил на первую «пробу пера» по эмпатии во французский ресторан. На самом деле, он часто вспоминал этот случай. Случай или Орлова? Он хорошо помнил, как встретились их глаза, и на него полыхнуло бездной, чем-то огромным и непонятным, что он раньше никогда не знал. Он помнил, как сразу, с первой секунды почувствовал к нему неприязнь и осторожность. Но проблема была в том, что заглянув в эти глаза, он не мог от них отделаться. Они задели его, ужалили гадким непонятным жалом. Богдан машинально протянул руку и допил воду, оставшуюся в бутылке Жрицы. Обычная вода.

Не это ли и есть задание, о котором говорила Марго? Скорее всего. Вполне подходит после полугода интенсива. С какого конца только братья, совершенно непонятно.

Но тогда получается, что это только его задание. Или её тоже? Марго что-то знает и молчит. Я давно это подозреваю. Она никогда бы не пошла на омоложение, не разобравшись. Случаен ли я в её цепи или это преднамеренный выбор, который, конечно, я не понял. Или у неё не было другого выхода? Её заставили? Ей угрожали? Хотя, всё может быть совсем не так. Хочется верить в её искренность, тело не может так лгать, как разум. Но телу можно приказать. И что у нас теперь за тела, и из чего они сделаны? Что за кровь течёт во мне? И в ней. Что там в наших ДНК осталось от оригинала? Они прокачали нас такой информацией, которую я долго ещё буду расшифровывать. Это точно.

ИИ-проповедники — крутые ребята, что уж там. Значит, есть другая вербовка. И как понять, кому верить? Как в этом разобраться? Жрица решила, что теперь мне это по зубам. И деваться мне некуда.

Богдан вспомнил, как утром Муслим рассказывал ему про одну компанию, которая занималась анти-эйджингом. Что-то связанное с виртуальной энциклопедией омоложения. Они ещё посмеивались тогда о том, что чувствуют, глядя на технические потуги людей, Подземные товарищи. Муслим сказал, что надо взять этого Горбунова, хозяина компании, на карандаш. Муслим всё ещё любил газетный стиль своей молодости. Зачем он это ему рассказывал? Взять на карандаш Надо подумать и почитать про этого Горбунова. Что-то было связано с использованием искусственного интеллекта Случаен ли был разговор? Вряд ли. Богдан поднял глаза и увидел стоявшую перед ним Марго.

— Я опоздала почти на полчаса. Прости, дорогой! — она напоминала холёную голливудскую красотку, ослепительную, манящую, виртуальную.

— Садись, я даже не заметил, что ты опоздала. Задумался, — улыбнулся Богдан, восхищаясь её образом. Она действовала на него, как неожиданно спустившееся вдохновение. Неужели никто не видит вокруг её красоту? Или я сумасшедший?

Тут он, правда, заметил, что две девчонки, которые смотрели на Жрицу с нескрываемым любопытством, сейчас вылупили глаза на Марго.

— Место, прямо скажем, не очень. Я не переношу такой запах. Может, пойдём отсюда? — Марго явно капризничала, она пришла какая-то взвинченная, еле-еле сдерживающая свой пыл.

— Да, конечно. Я не против, — он сразу поднялся и почему-то посмотрел в сторону кассы, может, там ещё кто есть. Но там никого не было. Касса стояла рядом с единственным окном заведения, за которым хлестал ливень, и люди бежали в укрытие, — но там ливень,

кажется. Придётся переждать, увы!

Марго вздохнула и молча села рядом.

— Да, немного моросил дождь, когда я шла. Муслим со Стешей отправились на балет, а ты не хочешь.

— Ты меня ещё в наш театр позови, — улыбнулся Богдан, — придём такие нарядные, крутые, сядем в партере. Кстати, помнишь, у тебя был один поклонник, который всегда сидел в партере на первых рядах и в конце спектакля дарил фарфоровую корзину с одними и теми же цветами.

— Зачем тебе это? Я не хочу вспоминать прошлое. Я теперь к театру не имею никакого отношения, — Марго решительно встала, — я определённо не могу здесь находиться. Лучше под дождь, чем слушать вонь и дышать гарью с этой плиты. Пошли отсюда! — она потянула его за руку.

— Ну, пошли, если ты так хочешь, — Богдан согласился и понял, что спросил её о вещах, о которых она избегает с ним говорить. Она не могла не помнить того поклонника. Мало кто регулярно дарит фарфоровые корзины с одинаковыми цветами. Такое артисты не забывают.

30

Секрет Марго

Богдан и Марго выбежали из закуской и побежали в сторону метро, держа над головой бумажные пакеты заведения, в которых там отправляли заказы на дом.

— Где твоя машина? — спросила на бегу Марго.

— Я оставил её на парковке в начале Тверской. Придётся проехать одну станцию на метро. Тут совсем близко.

— А то я не знаю, — она продолжала дуться.

На эскалаторе он стоял на ступеньку ниже, повернувшись к ней лицом, и думал, пока спускались, о том, что тогда, в той жизни, счёл бы эти две минуты спуска за райское наслаждение. Да и сейчас нравилось вот так ехать с девушкой, как все, и ощущать себя просто человеком. Но услышанное от Жрицы всё изменило. Эти десять минут разговора встряхнули его, как встряхивают шарики в детской игре, и они катятся на своё место. Его встряхнули и поставили на боевые позиции, чтобы он начал партию, а всё, что было до этого, разумнее считать подготовкой. Так и есть. Спортсмена подвели к старту. Всё стало понятно за десять минут разговора и нескольких предложений в меню. Кстати, что стало с этим волшебным меню? Он не помнил.

Они сели в вагон, проехали молча и стоя остановку, вышли на улицу, и увидели, что дождь перестал, оставив после себя мокрую тротуарную плитку и капающие деревья.

— Ты на каблуках, но нам совсем недалеко, — сказал Богдан, держа её под руку.

— Как тебе Жрица? — Марго повернула к нему голову и как будто хотела поймать его реакцию на лице на свой вопрос.

— Она ко всем приходит, ведь так?

— Ну, так как она тебе? — повторила вопрос Марго.

— Богиня, — пошутил Богдан.

— Относись ко всему критично. Я надеюсь, у тебя хватило мозгов не видеть в ней женщину.

— Не уверен. Но мне это не мешает.

Марго подняла брови от такого беспардонного откровения, но потом передумала продолжать разговор в этом направлении.

— Я не знаю, можно ли ей доверять, и всё ли мы понимаем, — но в тоне слышалось раздражение.

— Марго, об этом надо было думать раньше, мне кажется. Твоей уверенностью тогда можно было рубить дрова. Что поменялось? Или я опять всё узнаю последним?

— Меняемся мы, не они.

— Ну, да. Это очевидно, и этого мы, то есть ты в первую очередь, очень хотели, разве не так? Ты вообще настолько изменилась, что даже забыла про театр. Ты была Булавина, помнишь? Любой мало-мальски интересующийся нашей культурой человек тебе ответит, что это была великая актриса, мастер перевоплощений, владеющий артистическим гипнозом, и наговорит ещё кучу всего другого в том же духе.

— Хватит об этом! — отрезала Марго, — я сыта сценой. Просто это поняла. Кстати, не так давно.

— Осторожно! — Богдан подхватил Марго на руки и перенёс через лужу.

— Спасибо! Я о том, что они никогда нам не помогали, только наблюдают и проворачивают свои делишки за наш счёт. Голод, бедность, болезни, нефть, деньги, войны — этого тебе мало?

— Я спрашивал тоже самое, когда ходил вниз. Есть космические законы, и ты не можешь этого не учитывать.

— У нас тоже есть законы, но мало кто о них помнит, — резко ответила Марго.

— Там не так. Там не может быть так. Что случилось? Ты целый вечер дуешься, как лягушка, и я целый вечер боюсь, что ты лопнешь, и я не успею тебя спасти.

— А ты спроси её, почему мы так мало живём на Поверхности, когда у них в руках такие технологии. Почему вообще нас загоняют в угол? Кто им дал на это право? Их космические законы высшей справедливости? Или то, что они украли у нас знания, забрав всю элиту с собой вместе с информацией?

— Нет, Марго, так не пойдёт! Ты забыла, с кем имеешь дело. Я эмпат, дорогая, я — то, к чему ты приложила руку. Я знаю, что ты хочешь, что-то сказать, но не решаешься. Я вежливо подожду. Я всегда тебя подожду, ты знаешь.

— Прежде, чем кидаться в бой, советую хорошо подумать, — огрызнулась Марго.

Богдана это кольнуло. Какой бой? Настоящий бой?

— Мы пришли, — Богдан щёлкнул ключом, и машина послушно отозвалась, открыв замок. Он старался делать вид, что его особенно не задевает её сложное настроение. Но на самом деле, его, конечно, это более, чем просто трогало.

— Помнишь, на той стороне был магазин «Подарки»? Я часто туда заходил. Сам не знаю даже зачем.

— Помню. Народу там было больше, чем подарков, это точно. Поехали в нормальный ресторан, туда, куда я любила ходить когда-то. Может — она задумалась на секунду, — нет, не имеет смысла. Всё равно прошлого уже не вернуть, а ностальгировать по молодости в нашем-то положении, вообще ерунда какая-то.

— Домой? — спросил Богдан.

— Да, домой, — она наконец улыбнулась, — поехали в наш чудесный уютный дом! Включи, пожалуйста, какую-нибудь тягучую музыку, скрипку или виолончель. Я погрущу

немного, — она взяла его за руку, откинулась на сидении и закрыла глаза.

Ехали долго. На дорогах после дождя образовались пробки, а как только выехали загород, опять пошёл дождь. Всё время до клиники, пока ехали, Богдан вертел в голове образ Орлова. Марго не шевелилась и не открывала глаз. Ему казалось, что она тоже думала о нём, но он никак не мог понять, почему Орлов присутствовал сейчас между ними. Почему Марго сказала ему про бой? Почему она злится? И на что, чёрт возьми, она намекает? Богдан опять вспомнил случай во французском ресторане. Промелькнула тревога, как будто он не сделал чего-то, что-то пропустил. Что? Он вдруг решил найти Викторину.

В клинике было тихо. Муслим и Стеша ещё не приехали. Свет приглушили, и от этого дом казался немного другим и чуть-чуть загадочным, хотя загадок там и на самом деле хватало. Богдан подумал на секунду, что они и, правда, приехали к себе домой. Посидят немного в гостиной, посмотрят телек, съедят пару яблок, побатают о бытовухе и пойдут спать, как нормальная человеческая пара. Как бы было хорошо, если бы наступило такое время! Он ведь об этом, в сущности, всегда мечтал — быть и жить с Марго, защищать её, слушать её глупости и умности, положить голову ей на колени или уткнуться в живот и задремать. Но всё складывалось так, точнее, уже сложилось, что этому не бывать.

Он чувствовал, что его ждут испытания, невероятные усилия, напряжение, трудные решения, и другого пути нет. Ставки, как говорится, сделаны. Он согласился на авантюру, которая частично была правдой, но только в правду была завёрнута другая правда, куда сложнее, чем можно было себе вообще представить. Мало этого, где-то в глубине, он знал, что после всего этого, что надвигается на него, мир опять изменится, потому что изменится он. Но если ему выпал шанс хоть как-то обезопасить этот мир и подвести людей к новому этапу в развитии, и если это действительно ради людей, а не ради захватчиков, у которых на уме порабощение Земли, то игра стоила свеч. Свечи как романтично!

— Я пойду переоденусь, в душ и к тебе, — поцеловал он её в губы.

— Да, приходи, — ответила Марго.

Зелёные глаза смотрели чуть спокойнее, чем он ожидал. Была какая-то лёгкая грусть, которую он успел прочесть. Они любили друг друга нежно и страстно. Любовь? Да. Настолько сильная, насколько сильно отзывалось его сердце. В этот раз ещё сильнее обычного, потому что чувствовал, что скоро может всё безвозвратно измениться. Жить настоящим — золотые слова. Любила ли она его? Да, но её определённо что-то мучило, что-то её беспокоило, он видел. Не может же Марго его ревновать к Жрице, это не имеет под собой почвы. Она просто пошутила. Или предостерегла? От чего? Она же не могла знать, что перед тем, как она пришла, с ним в закуской разговаривала Жрица? Или могла? Она же опоздала.

— А почему ты опоздала на полчаса сегодня? Мы же договаривались — тихо спросил Богдан.

— Ждала, когда вы закончите свой разговор со Жрицей Наами, — спокойно ответила Марго, — болталась в магазине косметики напротив.

— Как? Ты знала, что со мной в закуской сидела Жрица?

— А что тут такого? Она меня сама попросила прийти на полчаса позже. Я же не могу её не послушать, — Марго обняла его левой рукой и положила голову ему на плечо.

От услышанного он немного напрягся, помолчал секунд десять, потом вдохнул любимый запах её волос и поцеловал в макушку.

— И ты знаешь, о чём мы с ней говорили? — не скрывая удивления, спросил Богдан.

— Нет. Хочешь поделиться?

— Не сейчас, — твёрдо ответил Богдан.

Он не стал спрашивать Марго, насколько она с ним откровенна. Он знал, что она скрывает какие-то вещи. Он постарается сам их вычислить. С самого начала была недосказанность, просто от счастья быть с ней, он напрочь потерял голову тогда, и ещё от одиночества. Если он даст ей понять сейчас, что сомневается в ней, то она запрячет свои секреты ещё глубже, и их будет труднее достать. А он их обязательно достанет. Он же Богдан сейчас, а Богдан — это не Эдвард.

31

Третьяковка

Богдан благополучно оставил машину на просторном паркинге Третьяковки на Крымском валу. Окинул взглядом огромный двухэтажный павильон образца советской архитектуры и направился к главному входу. Быстро купив билет, поднялся по широкой безликой лестнице на второй этаж и сразу нашёл экспозицию частной коллекции «Блики XXI века». Вошёл в помещение и медленно стал обходить экспонаты. К своему стыду, он не нашёл среди работ ни одной знакомой фамилии художников, но в углу вдруг увидел нечто, что заставило его сердце сильно забиться.

Он замер, как герой в паузе кинопросмотра, и не мог отвести глаз. Перед ним стояло деревянное кресло, украшенное невероятно сложной и необычной резьбой. «Надо же, — ухмыльнулся Богдан, — я оказывается стою в Третьяковке и ничего об этом не знаю». Табличка гласила: «Резьба по дереву, дуб. Россия, 2003–2005 гг. Автор неизвестен.» Вспомнил, что продал это кресло одному чиновнику с Рублёвки, который очень любил охоту. Интересно, за сколько его оценивают сейчас? Он осмотрел зал и увидел у входа сидевшую на стуле пожилую женщину, которую сразу не заметил. Обычная старушка под семьдесят, сухенькая, тихая, спокойная, в сером шерстяном платье с маленькой брошкой-паучком на левом плече, с зачёсанными в крошечный хвостик волосами и с очками на носу.

— Здравствуйте! Простите, я мог бы поговорить с кем-нибудь, кто представляет выставку? — вежливо спросил Богдан.

— Да, конечно, молодой человек! Вам нужна Эмма. Она в кафе внизу. К ней клиентка пришла. Или лучше подождите минут десять, — доброжелательно ответила старушка.

Богдан прекрасно знал, что значат десять минут в таком деле, как разговор с клиентом, и предпочёл спуститься вниз.

— Как я смогу её узнать? Эмму в кафе? Ей можно позвонить?

— Да, нет, не стоит. Это ж рядом. У неё ярко рыжие волосы. Вы узнаете.

— Спасибо! — улыбнулся Богдан своей бывшей ровеснице и мысленно пожелал ей всего самого доброго, попутно подправив ей печень. Он уже мог восстанавливать проблемы, связанные со здоровьем, почти моментально, а старушка была ещё крепенькой, лет десять точно протянет.

Спустившись, он сразу увидел небольшое открытое кафе слева от главного входа. В вестибюле толкались подростки, которых, видимо, привели из школы на встречу с искусством. Богдан остановился в нескольких метрах от кафе, прячась за детьми, и стал вглядываться в посетителей заведения.

Почти сразу он заметил столик, за которым сидели две женщины — одна совсем молодая с ярко рыжими волосами, в полосатых брюках и красной кофте, по описаниям

подходившая под Эмму, а вторая несомненно была Виктория. Она сидела немного напряжённо, с прямой спиной на краешке стула и с серьёзным выражением лица. Очень элегантная, в светлом замшевом брючном костюме, с белой шёлковой шалью, небрежно брошенной на плечи. Богдан приблизился к столику и встал так, чтобы Виктория его заметила. Она с удивлением посмотрела на него, потом отвернулась, продолжив разговор, и посмотрела вновь. Их глаза встретились, и Виктория слегка улыбнулась. Богдан приблизился.

— Вы ко мне? — спросила Виктория.

Он почему-то не сомневался, что она его узнала. Слишком уж необычной была их первая встреча, если можно так выразиться.

— Да, простите! Я очень хотел бы с вами поговорить, — немного с напором ответил Богдан.

Виктория замешкалась.

— Этот молодой человек к вам? — встрепелась Эмма.

— Да, — протянула неуверенно Виктория.

— Конечно, конечно, Виктория. Мы с вами и так всё уже обсудили. Звоните, я буду очень рада и всё подготовлю через неделю, — Эмма тут же встала, улыбнулась Богдану и попрощалась с Эммой.

— Прощу! — показала глазами Виктория на освободившееся место.

— Благодарю! Меня зовут Богдан, а вы Виктория, супруга Геннадия Орлова.

Виктория сразу стала ещё более напряжённой.

— Как жаль, что дело опять в моём муже, — вздохнула женщина, — я вас слушаю.

— Благодарю! Мне надо всего лишь пять минут. Вы знаете, что ваш муж баллотируется в депутаты Госдумы на предстоящих выборах?

Виктория нахмурилась.

— И будет вынужден переписать свой бизнес на вас? — продолжил Богдан.

— Подождите! Я не намерена обсуждать с незнакомцами подобные вещи. Я не знаю, почему я вообще вас слушаю, — возмутилась Виктория.

— Я помогу вам видеться с Сашей и Машей хоть каждый день. И у вас сейчас совершенно не болит голова, я прав?

— Вы гипнотизёр? Со мной здесь два охранника, и они видят вас, — холодно сказала Виктория.

— Я давно их заметил. Я даже видел, как один из них меня сфотографировал. Орлов уже в курсе.

— Да пошёл он! — она неожиданно изменилась, — Богдан, а ведь голова-то, правда, не болит! Ой, как же хорошо! Я вас узнала. Вы сидели за столиком в ресторане. Мне показалось тогда

— Что вам показалось?

— Что вы меня слышали. Я помню сказала себе, чтобы Орлов упал со стула и больше не вставал. И он упал. Может, это совпадение?

— Нет, не совпадение. У него есть другая, как бы не бестактно с моей стороны было это говорить. Он думал о ней тогда.

— Кто она? — Виктория широко открыла глаза.

— Я пока не знаю точно, поэтому не буду напрасно говорить о своих догадках.

— Мне плевать на всё, что делает Орлов! Плевать! Он перепишет компанию на

Севостьянова, он его интеллект и его сила. Да и потом, наверняка припрятал на парня какой-нибудь компромат. Севостьянов — гений. Так все говорят. Но я вам скажу по секрету, Севостьянов или утопится в собственной ванне или убьёт Орлова. Я точно знаю. Игорь на многое способен. Вы не смотрите, что он такой податливый толстенный очкарик айтишник.

— Наберите по телефону десять восьмёрок, когда захотите со мной связаться. Я к вашим услугам. Приятно было познакомиться! — с этими словами Богдан поднялся со стула и быстро пошёл к выходу, оставив Викторину в полном недоумении.

На улице он направился к своей машине, думая о том, как быстрее подобраться к Севостьянову. Он уже изучил его биографию, привычки, достижения, стиль работы, уровень его программирования, его личную жизнь.

Севостьянов жил с Мариной, бывшим личным секретарём Орлова, с которой тот начинал бизнес. Они успешно скрывали свои взаимоотношения. Хотя, может быть, поэтому прагматичный Орлов уволил её две недели назад? Или поводом послужила новая программа по роботизации бизнеса, которую разработал Севостьянов? Или это было знаком для Севостьянова, чтобы он был более лояльным к хозяину, ведь, как ни крути, он ему платил огромные деньги, около десяти миллионов рублей в месяц. От таких денег люди не отказываются с лёгкостью ради принципов. Какая щедрость со стороны Орлова, тем не менее. Но он всё может переиграть. Он может убить Севостьянова, и Виктория окажется права, только наоборот. Она сообразительная и интуитивная. Парень в опасности. Мало этого, он ключевое звено в его компании. Интересно, насколько Севостьянов близок с Викторией? Может быть, она близка с Мариной? Вряд ли. Иначе Орлов бы её уволил много раньше.

Богдан выехал на набережную, направляясь к Большому Каменному мосту. Зазвонил телефон.

— Это Виктория, я захотела проверить ваш номер. Честно сказать, я никогда не слышала, что существуют такие номера в мобильной связи.

— Они существуют, — ответил спокойно Богдан.

— Хорошо я съездила в Третьяковку! А голова продолжает не болеть, Богдан! Осталось проверить остальное. Найдите эту женщину, любовницу Орлова. Я позвоню.

Богдан в этом не сомневался. Но вот, кто эта женщина

32

Пистолет

Дом, в котором жил Игорь Севостьянов, считался одним из самых дорогих и технически оснащённых в столице. Несмотря на то, что дом насчитывал порядка двадцати пяти квартир, соседи редко видели друг друга, так как лифт доставлял жильцов прямо в квартиру из гаража. Жильцы могли видаться только случайно, заехав в одно и то же время в гараж, или столкнуться в шикарном мраморном лобби у входной двери, выходя на пешую прогулку. Парадным входом активно пользовалась разве что прислуга, но и то в последнее время ей сделали отдельный вход, немного переоборудовав грузовой подъезд.

Игорь купил свою двухуровневую квартиру потому, что ему очень понравился интерьерный дизайн, да и дом находился недалеко от офиса Орлова, где он работал четыре дня в неделю. Марина долго не соглашалась переезжать в эту роскошь — она робела от такого великолепия и блеска.

— Почти тысяча квадратов, Севостьянов, тебе одному? Зачем эта дразнящая

буржуазность и выпендрёж? — спросила она в самый первый раз, когда приехала к нему в гости, — почему нельзя жить в нормальном добротном доме и не чувствовать себя царём зверей среди кроликов?

— Мне некогда себя чувствовать раздутым идиотом, я работаю. Я работаю. Езжу, между прочим, на скромном седане. У меня даже водителя нет. И охранника. Я простой айтишник, — ответил ей Игорь, протирая очки специальной тряпочкой.

Но несмотря на робость и отрицание, Марина быстро оценила современный дизайн и технику, особенно кухню. Квартира продавалась даже с кастрюлями и сковородками. Каких только приспособлений для готовки там не было! И никогда ничем не пахло, даже если хотелось жарить баранину на открытом огне. Воздух фильтровался и ионизировался, шторы летали, с улицы не проникал ни один звук, свет полного спектра светил из любого нужного угла, температура поддерживалась по щелчку маленького пульта, а огромный мягкий белый ковёр в холле никогда не пачкался.

На втором месте после кухни ей нравилась их спальня — светлая, просторная, где не было ничего лишнего. В центре комнаты стояла огромная кровать из корейской берёзы, бархатный диван, кресло, обитое белым атласом, туалетный столик с пуфиком и красовались две высокие двери, тоже отделанные корейской берёзой. Одна дверь вела в мраморную ванную комнату, где всё было оборудовано для двоих, а другая — в гардеробную.

Над кроватью висела белая картина. Марина так и говорила «белая картина», потому что на ней ничего не было изображено, просто расписанное в разных направлениях белой краской полотно. Эту белую картину три на четыре метра Севостьянов купил у французского коллекционера на выставке в Центральном манеже. Её натягивали на раму прямо в комнате. Правда, при правильном освещении она играла своим рельефом и казалась загадочной. Посмотрев на неё пару недель, Марина согласилась, что в ней что-то есть, и стала садиться на кресло напротив кровати и поглядывать на «сложную» белизну. Это её успокаивало и помогало расслабиться.

У них началось всё незаметно. Один раз Игорь подвёз её с работы домой. Потом ещё раз. Сначала по дороге они обсуждали Орлова, что делать никак было нельзя, а они как нарочно, его обсуждали и обсасывали все его чёртовы косточки. В следующий раз Игорь опять пожаловался ей на его несносный характер, на что Марина рассмеялась. Кому-кому, а уж ей-то не знать, какой у Орлова характер! У них было, о чём поговорить, так как, в сущности, они знали о делах компании, как ни один другой человек, только, может быть, с разных сторон, да и работали вместе уже не первый десяток лет. Станным казалось только то, что сблизились так поздно и случайно. Ещё, у них получился сногсшибательный, страстный, необыкновенно чувственный секс у неё дома. После первой же ночи Севостьянов как переродился. Он забыл, точнее, вспомнил, что он мужчина в расцвете лет, а также состоятельный и умный. А Марина в его глазах стала той самой — красивой, внимательной, весёлой и хозяйственной. В доме всё сияло от чистоты и притягивало уютом. Севостьянов влюбился. А про Марину и говорить нечего, она боялась даже подумать о том, что с ней происходило.

— У тебя опять бессонница? Когда же это кончится? Никогда? — встревоженно спросила Марина с кровати среди ночи. Ей никак не удавалось уложить Игоря в постель. Он сидел на кресле в спальне в халате на голое тело, зевал, но не ложился.

— У тебя вот кончилось. Ты теперь безработная и беззаботная.

— Дурак ты, Севостьянов! Ты хоть понимаешь на самом деле, кто этот монстр Орлов,

который пьёт твою кровь каждую секунду?

— Чёрт с рогами, вот кто он, — Игорь опять зевнул.

— Ну, наконец-то! А ты кто?

— Я? Бесчувственный козёл, который ему служит, и выгоняет на улицу тысячи людей.

Что они будут делать? Разве так можно? Манечка, разве так можно?

— А избирательная кампания? Давай, двигай эту нелюдь во власть, давай! Ты же всё можешь! И ведь лезет напролом! С его то деньжищами!

— Я знаешь, давно думаю Орлов иногда мне говорит такие вещи, которые нормальный человек ну, никак не должен знать. Никак не должен знать Он может, например, поправить мне программу в таком месте, где бы я сам не додумался. Не додумался. Но сказать, что он сверх гениальный, язык не поворачивается. Нелюдь. Ты права. Ты права. Жестокий и безразличный. Ты права. Хрена ему лысого, а не депутатский мандат!

— Спать ложись, в конце концов!

— Что бы я без тебя делал, Манечка? Ложусь. А знаешь, какие города можно построить с его деньгами и с его технологиями? Я всё придумал уже. Нигде такого ещё нет. Мы бы первые это сделали. Только представь, роботы работают, а люди занимаются своим развитием, здоровьем, спортом, учатся и учат других, воспитывают детей, старики никого не раздражают, всего полно — еды, искусства, — Севостьянов глубоко вздохнул, — четыре тысячи человек выбросить на улицу! И я это делаю своими руками! Своими руками! — Игорь поднялся с кресла, — пойду полью воды. Я быстро. Я быстро.

Марине тоже не спалось. Разве уснёшь, когда такие темы поднимаются? Не спальня, а телестудия какая-то.

Игорь вернулся довольно скоро со стаканом воды в руке. Поставил его на свою прикроватную тумбочку и наконец сел на кровать.

— Слышь, я до сих пор не уяснила две вещи про этого ублюдка, — Марина подсунула подушку под спину и села в кровати.

— Какие? — с радостью спросил Игорь, то есть можно было ещё не ложиться.

— Почему он сходил с ума по Булавиной и не пропускал ни одного спектакля с её участием? Помнишь, сколько у нас было фарфоровых корзин для цветов? Ты же видел эти корзины у меня в приёмной?

— И вторая вещь? Ну-ка, ну-ка — Игорь опять встал и уселся в кресло.

— У него была своя уборщица, тайка Пен-чан. По-русски, типа, не говорила и не понимала.

— Да, я слышал что-то про неё.

— Что ты слышал? — Марина насторожилась.

— Охранник мне как-то жаловался, что полез к ней в сумку, которая зазвенела на проходной, а там женская одежда, комплекты постельного белья, плётка и игрушечный пистолет. Знаешь, такие делают пистолеты, которые внешне от настоящих не отличишь?

— Ну, и наручники, наверное. Только не верю я, чтобы Орлов с этой тайской сарделькой играл в сексуальные игры, — вздохнула Марина, — треплется твой охранник, интерес к себе разжигает, дуралей. И потом, зачем это тебе, главному айтишнику, человеку с самого верха, какой-то охранник будет рассказывать про уборщицу? — удивилась Марина.

— Ой, Манечка, любите вы, женщины, нитки с пиджаков снимать. Точнее, волоски. Я просто его очень давно знаю, с детства практически. Практически с детства. Ну, иногда и спрашиваю, как жизнь, то да сё, что слышно. Делаю ему мелкие одолжения, а он мне. А он

мне делает.

— Ну, и что?

— Пригрозил ей, что пистолет отберёт, и отдаст только вечером, когда будет уходить с работы. А она вдруг говорит, что это вещи Орлова. Звоните, типа, Орлову. Кто ж ему будет звонить и про такое спрашивать. Ясно? Тайка эта не только по-русски понимает, она ещё и говорить может. Говорить может.

— То-то и оно, что не ясно. Надо же! Иногда она могла три-четыре часа убираться в кабинете. Что там делать столько времени?

— Действительно, — поддакнул Игорь.

— И всегда приходила с большой сумкой и когда ей вздумается. Или, точнее, когда шеф в отъезде. То есть он её вызывал, видимо. У меня не было ключа от его кабинета, а у неё был. Представляешь?

— А что про Булавину? — напомнил Игорь.

— Не знаю, может, и встречаются влюблённые в актрису поклонники или фанаты, но не в бабку же семидесятилетнюю. Ну, то есть она прекрасная актриса, отлично играла, зажигала зал, каждый спектакль был не похож на предыдущий, не знаю, что ещё но Орлов-то молодой совсем мужик. Правда, последнее время Булавина появлялась на сцене не чаще раза в два-три месяца.

— Зачем Орлову женская одежда и постельное бельё на работе? Их можно было бы и в багажнике оставить, если купил кому-то или собрался ехать. Куда он мог поехать, где нет постельного белья? Мало ли, — Игорь потёр подбородок в задумчивости, — поговорю-ка я с Викторией на эту тему. На эту тему поговорю

— С Викторией про постельное бельё в офисе у мужа? Ты что, хочешь нажать себе врага? Выключай свет и сиди в темноте, если тебе так на кресле нравится. Я спать, — Марина накрылась одеялом и повернулась на правый бок, спиной к Севостьянову, — а зачем ему, придурку, был нужен пластиковый пистолет? — вспомнила она и высунула голову из-под одеяла.

— Надо обязательно встретиться с Викторией. Хотя бы её предупредить об этой Пенчан. Ладно, иду спать, — сказал Игорь, вставая с кресла.

33

Облако

Богдан всегда чувствовал, что противостоит неведомой страшной силе. Стоит и держит, как атлант, подпирая плечами, огромную махину, спасая от своевольных и обидчивых богов нежный цветок, что вырос на бетоне. Цветок всегда был его надеждой. Надежда крепилась верой, а верил он всегда в любовь. Земная любовь, что окрыляла его многие годы и давала силы, называлась Марго. Богдан не помнил, чтобы внутри не шёл с ней внутренний диалог по любому вопросу: важному, пустяковому, творческому или у парикмахера на кресле. Он спрашивал, она отвечала. Да, это он сам отвечал на свои же вопросы иногда безжалостным, иногда язвительным, иногда снисходительным тоном. Он такой её видел, вечно недовольной, не понимающей или вовсе его не замечающей красавицей. Мазохист. Иногда она его хвалила и говорила приятные и нежные слова. Обычно похвала лилась на его голову после того, как заканчивал сложное панно, и сам был доволен — сидел молча, смотрел на очередной шедевр и всегда посвящал его ей, своей Марго. А она как бы добавляла подробностей про потаённые и незаметные непосвящённому детали. Но это всё в прошлом.

Он давно уже с этим расстался.

Сидя в новом кресле в классе, Богдан неожиданно понял, что диалог больше не звучит. Он сам стал принимать решения и перестал советоваться. Так долго длившаяся игра закончилась. Какой же был счёт? Ничья? Или остался последний период, который всё решит? Что-то ему подсказывало, что решение будет сложным и совсем другим, а главное, он незаметно, но всё яснее отдалялся от своей мечты, потому что чувствовал, хоть и не признавался, что они с Марго не желают одного и того же.

Сейчас ему очень хотелось увидеть Жрицу. Но Жрица не приходила. Чем больше он думал об обитателях внутренней Земли, о том, что он попал в этот водоворот событий, о том, что его так долго и внимательно учили, с ним занимались, а ещё и поручили задание, он всё чаще склонялся к мысли, что они начали нуждаться в людях с Поверхности. И, может быть, со временем они придут к пониманию того, что им всем надо объединиться, найти общий язык, а он у них несомненно есть, потому что они одна семья, и у них одна история, правда о которой просто необходима.

Объединиться и навести порядок, как бы это ни было трудно, помочь освободиться от тех глобальных препятствий, которые не дают планете свободно дышать под мирным небом. И тогда придёт понимание, и они откажутся от идеи о том, что люди с Поверхности обладают смешанной кровью и хуже их. На занятиях им рассказывали о том, что в конце третьего двадцати пяти тысячного летнего цикла третьей плотности, который они все сейчас переживают, произойдёт внезапное обновление состояния человечества. Случится квантовый скачок, и никаких жизней многочисленных поколений больше не будет нужно для роста. Эволюция, о которой говорили во времена его прошлой жизни, не более, чем удобный и навязанный миф.

Незаметно для него самого, Богдан опять стал думать о Жрице Наами. Вот бы провести с ней целый день и посмотреть, из чего он состоит: что она делает утром, с кем встречается по работе. Она же руководит жизнью Подземелья, если она Жрица. Что у неё за день, чем он наполнен, с чем она борется и куда ведёт свой народ. Часто ли она поднимается на Поверхность, насколько широкие связи у неё с людьми, и кем она им представляется. Инопланетянкой, наверное. Нужен всего один раз, чтобы её запомнить. Может, они умеют менять внешность? Нет, это уже совсем ерунда, легче делегировать разных замов и не париться — всё равно у них работает телепатия, которую не поймашь и не подслушаешь, как в квантовой связи.

Богдан машинально повернул кресло на север, точнее, повернулся не север. Он любил думать, представляя бескрайние снежные поля, огромные льдины у океана и одинокого белого медведя, идущего по своим делам. Он представлял север именно так, а белые просторы казались чистым листом бумаги, на котором можно писать, что угодно.

На кресле усиливались экстрасенсорные способности. Ещё он мог защитить человека или объект от чужих или нежелательных ясновидящих, он мог рассеивать их мысли и защищаться сам или защищать что угодно. Он даже уже мог создавать портал, с помощью которого было легко перемещаться в пространстве или времени, но это пока не разрешалось делать бесконтрольно, а рисковать он не решался.

Богдан был рад и не рад, что стал другим человеком, «усиленным», как шутил Муслим. Помимо того, что он освоил телепатию, тело научилось подчиняться инстинктам и могло поймать пулю, правда, в перчатках. Он мог теперь бегать, как дикое животное, и прыгать почти с пятиметровой высоты, приземляясь на жёсткую поверхность. Ещё он мог надолго

задерживать дыхание и плавать под водой до пятнадцати минут или часами находиться в разрежённом воздухе. Замечательно! Его волновало только то, что после последнего омоложения постоянно колют инъекции. А если их перестанут колоть? Или изменения уже безвозвратны? И насколько это безопасно? Глупый вопрос. Поздно интересоваться выпитым вином и съеденным мясом. А кто вообще сможет их защитить, если они не будут согласны с тем, что их будут заставлять делать? И спасёт ли самоубийство? В этом Богдан был совершенно не уверен, хотя тут надо подумать. Позже. Сейчас надо было понять, что не так со Жрицей, и чем она расстроила Марго.

Богдан встал с кресла, вышел из класса, быстро дошёл до своей комнаты и, переодевшись, направился в бассейн. В бассейне плавала Стеша, точнее, уже вылезала из воды, когда он зашёл. Она приветливо махнула ему рукой и послала воздушный поцелуй. Богдан заметил, что она стала совсем худенькой, точёной, как балерина.

Стеша не уходила, она устроилась на шезлонге и смотрела, как Богдан гонял по воде без перерыва минут двадцать. Остановившись у бортика, он повернул голову в её сторону и улыбнулся, а она махнула, чтобы он вылезал. Она как будто его дожидалась.

Богдан накинул халат и сел на соседний шезлонг.

— Ты веришь, что тебя отпустят на все четыре стороны после того, как вложили в тебя знания всех университетов вместе взятых, сделали суперсолдатом и добавили в придачу секретную инфу Альянса? — спросила Стеша своим милым и ясным голоском.

— Я найду способ, — буркнул Богдан.

— А что ты будешь делать, знаешь? На что ты будешь жить и как защищаться? Или вернёшься к резьбе по дереву? — Стеша многозначительно улыбнулась.

— Откуда тебе известно, что я занимался резьбой?

— После третьего уровня можно спрашивать о той жизни. Марго не держит это в секрете.

— Что ещё тебе сказала Марго? — строго спросил Богдан.

— Мы все можем работать в космическом отделе, в Тайном Космическом Проекте. Если ты не против, могу замолвить за тебя словечко. — Что? — ошеломлённо переспросил Богдан, — Марго не могла тебе этого сказать.

— Оставаться с Альянсом рискованно, — продолжила Стеша, не обращая внимания на его удивлённые глаза.

— Что это за сепаратные переговоры? Что происходит? Ты не нашла другого места, чтобы спросить меня такие вещи? — закипел Богдан.

— При чём тут место? — она резко встала.

— Словечко я о себе замолвлю сам. Мне надоело узнавать всё последним, как онкобольной в советской больнице, — он остался сидеть, — так и передай тем людям, которые знают, а я нет.

— В столовке увидимся. Так и передам, — с улыбкой сказала Стеша и быстро ушла своими лёгкими шагами.

Богдан скинул халат и опять нырнул в бассейн. Минут через пять он успокоился, но мыслей от этого меньше не стало, как и вопросов. Что ещё за проект? Почему, находясь в клинике Альянса, Стеша предлагает ему замолвить за него словечко в каком-то тайном проекте, о котором с ним никто не говорил? Они, что там все с ума посходили? Они же здесь под крылом Жрицы?! А если я не хочу ни в какой проект, а они хотят? И Марго, по моему, в первую очередь, судя по тому, как она с ним себя ведёт последнее время. А если

вообще всё фрагментировано, и он — это он, а Стеша — это Стеша, а Муслим — это Муслим, а Марго — это Марго? И у каждого своя миссия? Но кому-то такое положение вещей не нравится, и он мутит воду. И первую с панталыку сбили Марго. Похоже. Богдан даже нырнул после этой мысли и остался под водой целых пять минут, стараясь не думать. Она попалась. Он вынырнул и глубоко задышал, держась за бортик. Тайный Космический Проект, скорее всего, ничего общего с космосом не имеет, и ключевым словом здесь является первое.

Богдан быстро поднялся в комнату, переоделся и хотел уже выходить, чтобы найти Марго, но вдруг, дойдя до двери, услышал голос Жрицы. Пока она говорила, он поймал себя на мысли, что невероятно рад её слышать и видеть.

— Давай сходим в библиотеку до ужина! Надо кое с кем встретиться, — она стояла в центре комнаты в традиционном белом балахоне с капюшоном, из-под которого струились волнистые белые волосы, и держала в левой руке золотой кулон с изображением Сатурна.

— Да, конечно, я готов! — почти ничего не разобрав из её слов, ответил Богдан, — Сейчас? Вниз?

На мгновение, даже на одну маленькую часть этого мгновения, он поймал в её глазах новый, незнакомый, волнуемый лучик, который как будто пронзил его всего насквозь.

И подумал сразу, что она могла сделать это нарочно, пошутить над ним, просто пококетничать, она же женщина, в конце концов. Он собрал все силы и напустил самый спокойный и непринуждённый вид, от которого самому стало противно. Но ему показалось, когда всё-таки сделал усилие и опять посмотрел на неё, что она тоже слишком спокойная и даже медленная.

— А куда нам надо идти, я не понял. Ты не можешь повторить? — улыбнулся Богдан и удивился своему голосу, потому что слова ничего не значили, он не соображал, что спрашивал, и руки сами, совершенно ему не повинаясь, потянулись к ней, ища её руки, — ты Царевна Лебедь, самая прекрасная красавица прости меня, я не могу тебе этого не сказать, этого не может быть, прости меня, Наами

Нежное мягкое искрящееся облако медленно опускалось, покрывая их тела. Он чувствовал, что держит её или не держит, а это ему кажется, снится, это его подсознание втягивает его в бездну невероятного наслаждения и волнения

Через секунду он увидел себя в розовом зале у фонтана с белой водой, а прямо перед ним стояла женщина со стопкой одежды, поверх которой лежали сандалии.

— Возьмите, пожалуйста, — протянула ему женщина одежду, — повторите всё, как в прошлый раз. Вас ждут.

— Да, спасибо, — Богдан быстро огляделся, — спасибо, я понял. Он быстро разделся, окунулся в фонтан, натянул балахон, засунул ноги в сандалии, и тут же открылась дверь, в которую вошла Жрица.

— Сначала мы посмотрим библиотеку, а потом надо сходить в одно место. Всё хорошо, пошли! — её голос был обычным, она ничем не показывала, что только что, в его комнате, наверху, они стояли в волшебном облаке неопишуемого сладостного возбуждения.

— Библиотеку? — и он тоже не чувствовал больше ничего особенного, но память память оставила образ, и Наами не стёрла его. «Благодарю тебя!» — послал Богдан мысленно два тихих слова. «Благодарю тебя!» — пришёл ответ.

Богдан и Жрица оказались в большом белом мраморном зале, очень светлом и с довольно высоким потолком. Телепортация, как всегда, была мгновенной.

— Надеюсь, ты готов открыть свой ум новым возможностям? — спросила спокойно Жрица.

— Постараюсь, — кивнул Богдан в предвкушении небылиц. А то, что он стоял в белом мраморном зале, наполненном ярким светом и чистейшим воздухом, на глубине шестидесяти километров, уже казалось делом привычным.

— Это одна из наших библиотек, зал древностей, хотя, всё условно. Я говорю так, чтобы тебе было удобнее включить хронологию, ту, к которой ты привык, — улыбнулась Жрица.

И тут только, когда огляделся, Богдан увидел на стене белые полки, на которых лежали многочисленные свитки, разные по толщине и цвету, и видно было, что они далеко не новые, а в основном, пожелтевшие от времени и где-то надорванные. На другой стене на полках лежали таблички с выбитыми письменами, то ли каменные, то ли отлитые из особого вида композитного материала, отличающегося от камня. Дальше он увидел старинные книги. По мере того, как он осматривал экспозицию, зал всё увеличивался и увеличивался. Некоторые книги выглядели просто огромными, практически с человеческий рост, каких он никогда не видел и даже не знал, что такие существуют. Часть книг была переплетена в кожу, другие в пеньку.

— Книги вот так просто лежат, без защиты? — почему-то спросил Богдан, вспомнив застеклённые витрины в музеях.

— Почему же! — ухмыльнулась Жрица, — протяни руку, ты ничего не сможешь взять, пока я не сниму электронный щит. Его просто не видно. Но это сделано не потому, что мы боимся краж, — говоря это, она едва заметно ему подмигнула.

Богдан протянул руку к старым толстым томам, каждый из которых был закрыт на металлический резной замок. Рука остановилась в десяти сантиметрах, и он почувствовал лёгкое жжение.

— Пошли дальше, в современность, — почти скомандовала Жрица.

А дальше стояли полки с совершенно современными земными книгами из бумаги, но их было не очень много.

— Зачем вам эта макулатура, неужели у вас нет оцифрованных книг? — спросил Богдан, — ну, то есть они у вас, конечно есть. Просто, чем эти лучше остальных?

— В физической форме хранятся определённые книги на интригующие нас темы в определённый момент времени. Мы можем иметь любую книгу в бумаге, зависит от запроса. Любая система письменности — не составляет проблемы. Словари давно все составлены и оцифрованы, как ты любишь выражаться. Открытий предостой много. Люди на Поверхности не знают истинной истории. Но я не буду сейчас читать тебе лекцию, это не очень короткая тема. Просто знай, что всё, что у вас написано о происхождении человечества, сплошные сфабрикованные выдумки. Вы не знаете даже то, что было триста лет назад.

— А у нас есть шанс узнать историю? — на всякий случай поинтересовался Богдан.

— Да. После нашего «раскрытия». Это скоро.

— Да-ну! — удивился Богдан. — А как же священные писания? Нам что, навязали богов?

— Сложно, но примерно, так. Каждый ваш бог — это продукт определённых групп писателей. Ваши элиты никогда не отличались достоверностью историй, которые спускали в

народ. Для них нет законов, к сожалению. И очень давно. У нас не так.

— У вас что, и коррупции нет?

— Её просто уже не может быть. Мы не живём ради денег. У нас нельзя умереть с голоду под мостом.

— А чем вы дорожите? Жизнью?

— Правильной жизнью. Но это сложно тебе пока. Тебе человеку с Поверхности, я имею в виду.

— А как вы пришли к тому, что стали намного более — Богдан задумался, ища подходящее слово, — продвинутое нас, что ли? Я имею в виду уровень цивилизации.

— Мы верим в то, что Земля является разумной жизненной формой, Солнце — тоже разумная жизненная форма, все в космосе — это разумная жизненная форма. Мы тоже, естественно. Мы приходим из Земли и умирая, возвращаемся в сознание Земли. То есть от каждого из нас в той или иной степени зависит это сознание.

— Я думал об этом, — Богдан помедлил и спросил, — я слышал, что разумом вселенной является «логос». Это так? — он не давал себе полный отчёт в том, что спрашивал. Даже если рассматривать слово как волну. Всё это казалось ему слишком сложным и простым одновременно. Неужели он сейчас сможет постигнуть то, над чем бились лучшие умы человечества? Ну, как постигнуть? Хотя бы найти направление размышлений.

Жрица подвела его к небольшому белому столу, на котором стоял поднос с двумя стаканами и графином. Она взяла графин и наполнила стаканы до половины розовой жидкостью, потом протянула один Богдану, а другой взяла в свободную руку.

— Хочу угостить тебя соком розовой кувшинки. На Поверхности такого вида кувшинок нет.

— Это какой-то ваш символ? В клинике тоже везде кувшинки. Я прав?

— Да, это символ, очень древний символ. Любой цветок — символ и чудо, — она ушла от ответа, и он не стал настаивать, у него наготове было и так полно других, более интересных вопросов, как ему казалось.

Жрица подняла стакан.

— Попробуй! Полезная вещь, не бойся!

Богдан улыбнулся.

— Чего мне теперь бояться, я и сам не знаю. Может быть, только твоих врагов.

— Это наши общие враги, — она бросила на него довольно серьёзный взгляд, и Богдан подумал, что она не шутит, — Логос — хорошее слово, — продолжила разговор Жрица, — если тебе так проще понять Можешь назвать его Бесконечным Творцом. Да, это, по сути, будет правильно. Потом перейти к галактическому логосу, как разуму галактики. Он определяет ход эволюции разумных цивилизаций.

— Нам особого доверия не оказали, как я понимаю. Нам придумали другую эволюцию — сильный убивает слабого. Я всегда считал это неправдой. Ещё в той жизни. Мы не можем быть жестоки к безвинным, — Богдан поднёс ко рту стакан с соком, — твоё здоровье, Царица! — и выпил всё до дна, оказав этим максимальное доверие хозяйке. На вкус сок напоминал жидкий клюквенный кисель из его голодного детства. Он поставил пустой стакан на поднос. Жрица никак не отреагировала на его короткий тост. Он же был уверен, что это непростое угощение.

— Каждая разумная галактика и каждая разумная солнечная система имеют резонансный или вибрационный шаблон. Этот шаблон определяет жизненную форму,

которую они будут сотворять. А место планеты в солнечной системе определяет, какой вид жизненной формы она будет пытаться создавать. Представь, что на протяжении многих земных циклов Земля и Солнце продолжают сотворять разумные двуногие жизненные формы, — она говорила не просто назидательно, а как-то повелительно, и Богдан слушал её очень внимательно, также как слушал Кувшинку из голограммы в классе в клинике.

— Мы тоже «логос», так? Вибрационный шаблон, в смысле?

Она кивнула.

— Все люди тогда получаюся воплощением «логоса»? — продолжил Богдан, — слово создало плоть? Поэтому в Евангелие написано: «В начале было слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»? Дальше не помню, не суть. Получается, Солнце — это «логос», Земля — это под-«логос», а мы под-под-«логос». И тогда в этом масштабе всё! Вы и мы в одной группе, Наами! — радостно воскликнул Богдан, — осталось только навести порядок и выяснить, кто нас убедил в собственном бессилии? Кто скрыл все исторические хроники и навязал свою правду?

— Ты считаешь это простым делом? — она усмехнулась.

— Я даже не знаю, как начинать. Ты знаешь?

— С «логоса», с чего же ещё. Но далеко не все хотят «раскрытия». Я хочу.

— Но нам же помогут, Наами.

— Пока нам только мешают.

— Мешают

Богдан неожиданно почувствовал лёгкое головокружение, реальность стала зыбкой. Она начала медленно искривляться и уплывать.

— Вы не можете без нас — тихо произнёс Богдан свою догадку, — мы тянем вас, как груз мы можем только вместе

«Сок, наверное, наконец подействовал», — пронеслось эхом в его голове.

35

После библиотеки. Лагуш

Богдан пришёл в себя в огромном сером зале с куполообразным потолком, в полулежащем состоянии в плавающем по воздуху кресле. Он не раз видел в Подземном мире такие плавающие кресла, похожие на половину огромной ракушки.

Богдан медленно огляделся. Рядом плавало ещё несколько кресел с людьми в одежде с Поверхности, в основном, с мужчинами среднего возраста. Кто-то из них был в костюмах с галстуком, попавших сюда прямо из какого-нибудь офиса, кто-то в повседневных брюках и спортивных куртках. Чуть дальше Богдан заметил китайскую женщину в деловом синем брючном костюме с белой сумочкой, которая лежала у неё на животе. По залу быстро ходили разные люди, и, в целом, царил суматоха. Многие были одеты в балахоны с капюшонами и сандалии, как у Жрицы. Все быстро ходили взад-вперёд, некоторые просто проходили сквозь стену, а поодаль выстроилась очередь по направлению к какому-то проходу, как туннелю.

Стены, потолок, пол — всё было из одного материала — серого отшлифованного однотонного камня. Как будто он сидел в огромном гладком яйце. Наконец он увидел приближавшуюся к нему Жрицу вместе с очень похожей на неё женщиной. Он помахал им рукой, и Жрица тут же ответила тем же. Она приветливо улыбалась. Какая же она привлекательная! Она обладала невероятной способностью нравиться. В обоих мирах, и

внизу и наверху, есть вот такие доброжелательные и сердечные люди, которых хочется слушать и которым хочется верить, думал Богдан. Мы же одно, как ни крути.

— Это моя сестра Лагуш, — представила свою спутницу Жрица.

— Оч-чень п-приятно, — сказал Богдан. К его удивлению, язык почти не слушался.

— Когда ты привыкнешь к телепатии, сколько можно тебя учить? — упрекнула его Жрица.

— Извините, девушки! — ответил молча Богдан и подумал, что, наверное, он всё ещё спит. А, может, и совсем свихнулся и не знает, он это или не он, где он вообще, куда его телепортировали, и что надо будет сейчас делать. На каком языке он говорит, тоже не понимал. Но думал, как ему казалось, на русском. Он мельком взглянул на Лагуш. Они с сестрой были очень похожи, но Наами держалась по-другому, грациознее как-то, элегантнее, с большим достоинством. Наами просто была красивее и всё. Этого ни один мужик не может объяснить, это такое тайное знание — понимание женской красоты. Он тут же обозвал Лагуш лягушкой и, испугавшись, что она его услышит и вычислит, бросил на неё робкий взгляд, но она о чём-то довольно эмоционально разговаривала в голос на совершенно непонятном языке со смуглым мужчиной с удивительно бронзовой, почти красной кожей. На нём белела длинная тога с капюшоном, а на шее висела подвеска в виде песочных часов. Никакого внимания на Богдана Лагуш не обращала.

Богдан опять стал глазеть по сторонам. Почему здесь нет ни одного ребёнка? Интересно было бы посмотреть, как они выглядят и как себя ведут.

Слева подплыло кресло, в котором сидела Наами. Он услышал едва уловимый цветочный аромат и повернул к ней лицо.

— Куда эта очередь? — кивнул он в сторону туннеля.

— Там процедура повторного очищения для тех, кто её ещё не прошёл. Ты прошёл, если помнишь.

— Вроде, помню, — но на самом деле он помнил только первое очищение, — Лагуш твоя младшая сестра?

— Да. У нас разница в тридцать восемь лет.

— Малышка, — пошутил Богдан, — а чем она занимается? Если это удобный вопрос с моей стороны.

— Она идеолог, выражаясь вашими понятиями. Она очень много общается с людьми с Поверхности.

— А как она это делает?

— Достаточно сесть в такое же кресло, в которых мы сидим, но, может быть, немного помощнее. Эти кресла связывают ваше массовое сознание с нашим. Иногда она выбирает отдельного человека и ведёт с ним беседу, — Наами улыбнулась, — а ему кажется, что это высшие силы ведут с ним разговор. Но мы не злоупотребляем, только в крайних случаях, когда становится опасно, и человек имеет власть. Власть не всем под силу. С помощью кресла хорошо наблюдать за людьми.

— А я могу пристроиться где-нибудь и понаблюдать? Прямо сейчас?

— Нам скоро уезжать. Позже я тебе дам возможность поговорить с кем-нибудь с Поверхности.

— Я понимаю, что спрашивать не имеет смысла, но всё же, — Богдан нахмурился и выражение его лица стало совершенно серьёзным, — скажи, пожалуйста, где мы и куда мы едем. И потом, я хотел бы знать ещё — зачем? Понимаешь, мне всё очень интересно, это

даже не уместается в такое понятие, как «интересно», это сверх интересно. Но я и так уже не могу вписать картинку, которую мне даёт зрение в собственное сознание, мне и так уже достаточно. Я перестаю различать берега, понимаешь? Я вот только что думал, что, может, это сон какой, или меня ввели в транс? Я не понимаю, в какой я реальности, что это за люди вокруг, что это за диковинный огромный зал.

— Я могу тебя успокоить. Ты не первый. Сознание начнёт расширяться. Понимание придёт чуть позже. Запомни навсегда: сознание — это и есть технология. Ты должен стать почти как мы, а позже таким же, как мы. Это ваш путь. Ты сейчас в будущем. Город, в котором ты сейчас, помещён во временную аномалию. Вставай, надо кое с кем повидаться.

Наами, Лагуш и послушный, как собачонка, Богдан прошли через ещё один проход, который он раньше не заметил, но это его уже не удивляло и не отвлекало — мало ли что он не заметил. Или мало ли что могло откуда-то появиться, открыться и так далее. Они вошли в какую-то серебряную капсулу, напоминающую автобус — там стояли сидения друг за другом, уселись, Богдану даже досталось место у окна, точнее, у небольшой прорези в стене, и они полетели, если выражаться привычным языком. Почти сразу, как ему показалось, потому что времени он уже не чувствовал, он увидел огромные светящиеся островки, или это были гигантские светящиеся здания, которые своими верхушками, как у деревьев, были устремлены к центру сферы. Богдан решил не очень вникать в то, что видел, потому что понять это было невозможно. «Автобус» подлетел к одному из зданий и сел на специальную площадку на крыше. Все вышли. Дышалось хорошо, ничего не болело, ничего не казалось, слышал нормально.

— Мы с Лагуш отведём тебя сейчас к нам домой, и ты немного поспишь. Ты ещё не можешь без отдыха, — понимающе сказала Наами.

— А вы вообще не спите? — спросил Богдан. Он давно хотел это спросить, не могут же они без остановки бодрствовать, они же биологические существа.

— Нам хватает сорок пять минут посидеть в тишине на кресле раз в три дня. А тебе мы приготовили отдельную комнату и кровать с подушкой.

Богдан обрадовался, что наконец закроет глаза, вытянется, поспит и на какое-то время его оставят в покое, и он перестанет видеть вещи, от которых взрывается мозг. Голова уже гудела, как корабельный гудок в порту. Хотел ещё спросить, как долго она планирует его здесь держать, но передумал. Какая разница? Может, ещё и покормят заодно.

Они подошли к небольшой прозрачной овальной капсуле, у которой сразу приветливо открылась крышка, сели внутрь на жёсткие, тоже прозрачные сиденья. Капсула бесшумно и быстро доставила их по узкому коридору с крыши вниз, в само здание. Выйдя из капсулы, он заметил опять огромное количество суетящегося народу, потом каких-то летающих людей, так как потолки в помещении были очень высокими. Единственное, чего он хотел — это оказаться в той самой обещанной комнате, закрыть за собой дверь и лечь на кровать. Его тело и сознание молило о темноте и тишине. Он чувствовал себя на грани помешательства.

Вот она комната. Как он туда попал, уже не важно.

— Вот кровать, вот вода, если захочешь пить, — Жрица показала рукой на три небольшие стеклянные бутылочки с водой, стоявшие на прикроватной тумбочке, — за дверью — она перевела руку влево от входа, и Богдан увидел овальную дверь, похожую на корабельный люк, — ванная комната. Там ты найдёшь всё необходимое. После душа можешь переодеться, в шкафчике есть одежда. Когда проснёшься и будешь готов, просто позови меня.

Богдан еле передвигал ноги от опустившейся на него невероятной не столько физической, сколько психической усталости. Глаза слипались, голова еле держалась, он почти ничего не слышал из того, что говорила Жрица. Он дошёл до кровати, с огромным трудом сбросил сандалии и провалился в сон.

36

Пирс

Первое, о чём подумал Богдан, когда проснулся, зачем его сюда привели. Он помнил, что находится во временном пузыре, помнил и о библиотеке. В голове кружились два вопроса: как узнать о настоящем происхождении людей, и почему люди с Поверхности так мало живут, являясь практически такими же людьми, как и люди Внутренней земли, то есть что такое эволюция, как её понимать. Что надо предпринять, чтобы стать такими же, как люди Жрицы Наами. Скорее всего, это зависит не от людей, а от тех, кто им мешает развиваться, и кто их защищает. Конфликт интересов. С этими мыслями Богдан встал с кровати и пошёл в ванную комнату.

Душевая кабина была очень похожа на те, что стояли у них в клинике, даже зубная паста, шампуни и гели для душа поставили такие же. И полотенца то же — с вышитой кувшинкой. Богдан сразу смекнул, что всё централизованно. Он распечатал станок для бритья, нанёс пену на щёки, тоже такую же, как в клинике, побрился и окончательно привёл себя в порядок. Потом открыл шкаф. Там висели рубашки классического покроя с длинными рукавами, несколько светлых брюк и две спортивные куртки. Всё было в пору. Почему ему надо менять уже привычный балахон на одежду с Поверхности, было не столь важным вопросом — как хотят, так и оденусь. Выйдя из ванной комнаты, он только подумал о том, что надо как-то позвать Жрицу, но в дверь сразу же постучали, и вошла Наами.

— Привет, путешественник! Новые миры ждут тебя! Пошли завтракать!

— Как скажешь, — улыбнулся Богдан, — сколько я спал?

— Спроси что-нибудь полегче. Мне трудно тебе это объяснить. Ты спал достаточно, чтобы восстановиться и успокоиться. Сейчас у тебя ясная голова, я надеюсь.

Они вышли в большой холл, точнее пространство с очень высокими потолком. Стены были не серые, а немного бежевые, точнее, серовато-бежевые и отполированные, но рисунок камня, если это был камень, а не специальное покрытие, типа, шпугатурки, не показывало никаких признаков каменной породы. Богдан опять увидел летающих людей.

— А кто это летает? Почему он не ходят, как все.

— Это наши старейшины, — терпеливо отвечала Наами, — с возрастом мы начинаем худеть, и наш рост увеличивается в среднем сантиметров на шестьдесят. Чтобы легче передвигаться, они носят специальные костюмы, которые им помогают двигаться. Я потом тебе их покажу.

— А сколько же им лет, вашим старейшинам?

— За полторы тысячи, как правило. Не делай круглые глаза, пожалуйста. Какой вопрос — такой и ответ.

Они вошли в небольшую комнату, где стояли столики и стулья. За столиками сидели люди, в основном, в балахонах с капюшонами, но были и в одежде с Поверхности. Наами подвела его к столу, где сидела Лагуш и смуглый мужчина, с которым она разговаривала в зале с плавающими креслами до перелёта.

— Я Пирс, но мне надо уходить, простите, что не смогу с вами пообщаться, очень много дел, — искренне и на прекрасном русском языке в голос поприветствовал его мужчина,

вставая и протягивая руку для рукопожатия, как на Поверхности.

— Богдан, — удивлённо ответил Богдан, тоже протягивая правую руку. На ощупь рука Пирса была обыкновенной человеческой рукой такой же температуры. Богдан подумал, что первый раз дотрагивается до человека из Подземного мира.

— Я слышал о вас много интересного. Я за «раскрытие». У вас много друзей среди нас, Богдан. Это всё, что я успеваю вам сказать. Возможно, ещё увидимся, — сказав эти странные слова он пошёл по своим неотложным делам.

— Он правда так думает или соблюдает дипломатический этикет? — спросил Богдан Наами, — ты же здесь Жрица всё-таки.

— Он так думает, и он это уже доказал, — ответила вместо сестры Лагуш.

Подошла девушка в балахоне с белыми волосами, в руках она несла большой белый поднос с ручками. Она поставила его на стол. Там лежали две белые тарелки — для него и Наами, столовые приборы из жёлтого металла и широкая посуда с крышкой.

— Спасибо, Фирса, — сказала Наами.

— Ты что, знаешь имена всех официанток? — шутя спросил Богдан Наами.

— Это ещё одна моя сестра. У нас нет официанток здесь, — она открыла крышку у посуды, взяла с подноса большую ложку и положила на тарелку содержимое, — я не думаю, что вкус тебя очень удивит, мы кормим вас этими овощами в клинике. Разве что соус, — она улыбнулась немного с хитрецей, — попробуй! Ты точно проголодался.

— А куда мне деваться? — подмигнул в ответ Богдан.

— Мало воды, — она стукнула по столу рукой и около того места, куда она стукнула, на самом столе появились картинка-символы. Наами нажала на один из них и прямо из стола материализовался графин с водой. Потом она нажала на другое место, и у нее в руке оказалась пачка салфеток. Богдан смотрел на эти технологии точно также как на всё остальное — уже непрошибаемо.

Еда была великолепной, соус имел совершенно непередаваемый привкус летнего соснового леса. Доедая порцию овощей, которую ему отмерила Жрица, он понял, что очень быстро наелся. Что он точно ел, спрашивать не стал, приберегая внимание своих собеседниц на более существенные вопросы, например, хорошо бы узнать про чудо-костюм, в котором летают их старейшины.

— Наами, а вот ваши костюмы старейшин могут работать на Поверхности? — спросил Богдан, подозревая, что она и так уже поняла, о чём он думал.

— Если ты закончил с завтраком, мы можем сходить показать тебе экзокостюмки, — хихикнула Лагуш, — пока нас никто не торопит, — она взглянула на подозрительно притихшую старшую сестру, — вспомнишь голливудские фильмы про супермена, если ты их смотрел, конечно.

— Смотрел, — ответил Богдан.

— Лагуш, я оставляю тебе гостя, — вдруг сказала Наами, — жду вас у Золотого крыла, когда закончите. Я понимаю, что у тебя полноценная экскурсия, и долго ты так не выдержишь, — обратилась она к Богдану, — информацию надо дозировать, хотя бы во времени. Надеюсь, ты выдержишь испытание. Это всё тебе пригодится.

— Пошли, гость! — опять хихикнула Лагуш. Она производила впечатление весёлой и не очень озабоченной проблемами мироздания и спасения планеты, в отличие от её сестры. У неё явно был другой характер, может быть, легкомысленный и весёлый, подумал Богдан. Походка тоже была другой, девчачьей какой-то, чувствовалось, что над ней не висела та

огромная ответственность, которую ощущала Наами. Симпатичная девушка из богатой семьи, необремененная проблемами бытия, подумал о ней Богдан, применив понятия Поверхности.

— Сейчас пройдем через стену, ничего не бойся, просто иди за мной, — объявила дальнейший маршрут Лагуш, — а то вы все пугаетесь.

— Ты часто водишь экскурсии для таких, как я? — поинтересовался Богдан.

— Бывает. Я беру тебя за руку, а ты идешь за мной, как через облако, — она взяла его за левую руку и потянула за собой. Прямо перед каменной стеной, она взялась еще крепче за его руку и шагнула вперед.

— Если хочешь, да, пожалуй, будет лучше, если закроешь во время перехода глаза, там и так нечего смотреть. Вперед!

Ощущение напоминало проход через густое, немного липкое облако, пройдя через которое, они оказались в небольшом зале со множеством белых шкафов. Было похоже на раздевалку в спортзале.

— Думаю, что ты сам скоро сможешь это делать. Невелико искусство. Смотри, это индивидуальные ящики тех, кто занимается обслуживанием центра, — кивнула она в сторону шкафов, — не обращай внимания! Сейчас к нам подойдет Пирс и всё покажет. Он нашёл для тебя время, наконец. Пирс прекрасный парень. Он у нас на стажировке.

— Учится? — спросил осторожно Богдан.

— Скорее, налаживает контакты. Времена меняются не только у вас наверху. Грядут большие изменения на планете. Нам не впервой. Но я не буду говорить загадками и тебя ругать. Зачем? — она улыбнулась до ушей — навстречу шёл Пирс.

— Я знал, что наши пути опять пересекутся. Экзо-костюм — это отличная штука, им надо только научиться правильно управлять, понимать его тонкости, — сразу перешёл к делу Пирс.

Приближавшись к нему, Богдан уловил запах кипариса. Он хорошо помнил этот запах, потому что кипарис в той, его прошлой жизни Эдварда, ассоциировался с Крымом, с отпуском, с морем, с весельем, с друзьями. Темнокожий парень сразу показался ему дружелюбным и симпатичным.

— Смотри, я тебе его покажу и сразу буду рассказывать. Садись пока, — он показал Богдану рукой на белое небольшое кресло, которое тот до этого не заметил, — Лагуш, я сам доставлю гостя к Золотому крылу, не волнуйся и не беспокойся, пожалуйста. Это большая честь для меня — выполнить любую просьбу Наами, — обратился он к Лагуш.

— Отлично, мальчики! Я вас оставлю. Богдан, ничего не бойся, но слушай внимательно, повторять никто не будет, — она опять хихикнула в своей зажигательной манере и куда-то пошла. Меня надо будет ещё сквозь стену проводить, подумал Богдан, но, похоже, Пирс был в курсе.

37

Костюм

Пирс провел Богдана за шкафы, где была едва заметная дверь, которую тот открыл лёгким прикосновением ладони. Они вошли в залитую «дневным» светом комнату. В центре комнаты стоял большой овальный белый стол без стульев, а в стенах темнели небольшие открытые ячейки. Как только оказались внутри, Пирс сразу закрыл дверь и направился к ячейкам. Достал из одной из них свёрток, быстро раскрыл его и разложил на полированной

поверхности стола. Это был костюм, напоминавший водолазный, с отделением для головы, точнее, с капюшоном.

— Вот он, — показал глазами на костюм Пирс, — можешь потрогать.

Богдан протянул руку и дотронулся до ткани — она была тонкая и очень плотная. Первое, с чем её хотелось сравнить, была лайковая кожа, из которой шили когда-то дамские перчатки. Сразу вспомнил Марго на сцене в «Трёх сёстрах» и запах кулис.

— Он способен поглощать все сотрясения тела, если ты, например, решил спрыгнуть с крыши пятиэтажного дома прямо на асфальт. Весь вес распределяется по всему костюму так, что тело вообще ничего не почувствует, — продолжал Пирс.

— Ты знаешь, что такое пятиэтажный дом? Ты был на Поверхности? — это почему-то Богдана больше заинтересовало, чем чудесные качества новой одежды. Он сам жил в Хрущёвке когда-то, правда, на четвёртом этаже. Упоминание о пятиэтажном доме чётко ассоциировалось с молодостью и безликими блочными домами, где обязательно было пять этажей, четыре подъезда и три вида квартир с низкими потолками: однушкой, двухкомнатной и трёхкомнатной, крохотной кухней и совместным санузлом, тоже невероятно компактным с глухим окошком. Богдан вспомнил соседку по лестничной клетке, у которой иногда занимал трёшку и благодарно чинил кран в такой вот ванной комнате. Откуда это прилетело в голову? Ошибка поисковой системы? Он взглянул на Пирса.

— Ну, как сказать. Я неплохо знаю Москву, Питер, Лондон, Нью-Йорк, Шанхай и некоторые другие ваши города. Тяжело вам живётся, ничего не скажешь. Байкал зато какой красивый! Невероятное место! Но давай продолжим, а то нас ждут, — улыбнулся Пирс, намекая на то, что второстепенные или другие какие не относящиеся к делу вопросы не очень приветствуются, — костюм пуленепробиваемый, я имею в виду оружие Поверхности, и противоударный, как я уже заметил. В некоторой степени он даже устойчив к электромагнитному излучению.

— А как насчёт жары или холода? — придумал вопрос Богдан. Слово «пуленепробиваемый» заставило его немного встревожиться. Всё, что касалось пуль сразу отбрасывало его к войне, к разрухе и голоду детства. Почему я вспоминаю себя в той жизни? В какой той? С жизнью ничего не случилось, она течёт себе, как время. Мне просто дали новое имя и отремонтировали тело. И там и здесь — я, успокаивал себя Богдан. Это детство моё там. Вон оно что. Поэтому. Богдан даже немного повеселел, как будто сделал открытие, над которым бился многие годы.

— В нём поддерживается температура по твоему желанию, — не останавливался ни на секунду Пирс, — он всё время измеряет температуру твоего тела, и как только ты начнёшь потеть или дрожать, он тебя избавит от этих неприятных ощущений. Думаю, понятно, что костюм контролирует, сколько воздуха ты вдыхаешь и выдыхаешь, твоё кровяное давление, и уплотняется от твоего движения в течение нано-секунд, особенно, если ты вдруг неустойчив. К тому же, он совершенно не ощутим на теле — это просто твоя кожа.

Наверное, он почувствовал, что я отвлекаюсь и думаю о совершенно не нужных здесь вещах. Конечно, почувствовал. Значит, вежливый и относится с почтением к гостю.

— Подожди, — Пирс сделал два шага к другой ячейке и достал оттуда прозрачный шлем.

— О, я знаю этот шлем, нам такие давали у Наами в клинике на Поверхности, — поспешил вставить Богдан и показать хоть какую-то причастность к этим технологиям. Интересно, Муслим здесь был или нет. Может, и был.

— Возможно, вам их давали, но вряд ли. Этот контролируется разумом, твоими мыслями. Он очень сенсорный, так что надо научиться им пользоваться и не сбивать его с толку, а то он неправильно распознает команды. Но научишься через пару раз, ты подготовлен, по словам Наами.

Понятно. Богдану очень хотелось спросить Пирса, к чему именно он подготовлен, но посчитал это делом внутренним, то есть между Наами и им самим.

— Есть ещё одна особенность. При необходимости, нося костюм, ты можешь стать невидимым, — продолжил удивлять смуглый собеседник. Его красноватая кожа немного отливала золотом на ярком свете комнаты, как будто он напудрился золотой косметикой. В театре была такая пудра, она очень выигрышно искрилась на сцене.

— Да ты что? Как это? — для приличия удивился Богдан, желая доставить Пирсу удовольствие. На самом деле, он уже перестал чему либо удивляться, просто воспринимал новую информацию и старался делать выводы.

— Ткань состоит из маленьких округлых многогранников, таких как пирамиды, а в основании пирамиды находится зеркало. Многогранники по-настоящему крошечные, около 0.03 миллиметра, их тысячи на квадратный сантиметр. Когда на костюм попадает свет, он его рассеивает. Но к «исчезновению» лучше прибегать, когда в этом есть необходимость, конечно, и в крайних случаях.

— Настоящая возможность спастись, — покачал головой Богдан, и подумал, что это, наверное, последнее чудо про костюм, но Пирс ещё кое-что припас.

— Когда ты в костюме, ты можешь ни есть ни пить. Он снабжает тебя питательными веществами и водой через кожу. Неделью можно спокойно продержаться.

— А откуда у него энергия, питательные вещества и прочее?

— Во-первых, он заряжается особым видом воды, а, в принципе, он работает посредством заряженной плазмы.

Богдан не стал выпытывать дальше. Ему уже порядком стало надоедать чувствовать себя школьником у доски без домашнего задания.

— Слушай, а костюм универсальный или его делают на заказ? — всё же задал вопрос Богдан.

— Только на заказ под определённого человека. Иначе он не будет правильно работать, и ты сможешь пораниться, если прыгнешь в моём костюме с высоты. Думаю, что скоро будет новое поколение костюмов. Они будут само настраиваться под оператора.

— У них будет свой искусственный интеллект, ты хочешь сказать? — уточнил Богдан.

— Конечно, только чистый и правильный, — вдруг подмигнул ему Пирс.

Богдан сделал вид, что не заметил его намёк.

— О, забыл сказать, в нём ты можешь бегать со скоростью шестьдесят километров в час, по любой местности, да ещё и с довольно тяжёлым грузом, если тебе это интересно.

— Конечно, интересно, это больше, чем интересно. А если я в воду упаду? — не удержался и опять спросил Богдан.

— Ох, забыл сказать, хорошо, что спросил. В ступнях выдвигаются небольшие плавники, это здорово помогает увеличивать скорость, — Пирс улыбнулся, а потом немного нахмурился, — теории, кажется достаточно. Остальное испробуешь на практике, но изготовить костюм потребует некоторого времени. Сейчас мы уже пойдём к Золотому крылу, нас ждут. Встань, пожалуйста на квадрат, видишь у стены на полу? — попросил Пирс.

Богдан заметил очерченный чёрной линией квадрат и встал внутрь.

— Секунд пять будет достаточно. Это я мерки с тебя снял. Тебе велено заказать костюмчик.

— Мне? — неподдельно удивился Богдан.

— У меня такой есть. Конечно тебе, кому же ещё? На самом деле, здесь эти костюмы особенно не нужны — их разработали для Поверхности и для старейшин, — Пирс ловко свернул демонстрационный экземпляр и положил его обратно в ту же ячейку, откуда достал.

Они вышли из комнаты.

— Лучше, если я возьму тебя за руку во время перехода. Техника безопасности, — пояснил Пирс.

Они прошли сквозь стену и оказались перед золотой дверью в виде подковы.

38

Перн

Золотая дверь открылась обычным способом, точнее, бесшумно разъехалась на две половинки, как японская стенка. Богдан зашёл внутрь, и она закрылась. Пирс дальше с ним не пошёл.

За золотой дверью оказалась золотая комната. Потолок, стены, пол, немногочисленная мебель — всё выглядело золотым. На золотом кресле в центре сидела Наами, правда, в обычном своём одеянии, то есть не в золотом, и приветливо улыбалась знакомой и обворожительной улыбкой, от которой Богдану становилось немного спокойнее и которой он любовался.

— Это мой кабинет, если пользоваться вашей терминологией. Да, из золота. Я же жрица, — сказала Наами, величественно подняв голову.

— После невысказанных технологий ты хочешь меня добить своим богатством. Понял.

Наами подняла брови от удивления.

— Прости, я говорю глупости, — извинился Богдан, — Слово «богатство» не подходит.

— Считай, что золото — это очень старая традиция. Очень старая. И она показывает связь между этим металлом и био жизнью, если коротко. «Я царствую Какой волшебный блеск!»

— Ах, Пушкин! — воскликнул Богдан. — «Ужасный век, ужасные сердца!»

— Скучаешь по сцене? — спросила Жрица.

— Нет, — мотнул головой Богдан, — я случайно стал артистом, точнее, так им и не стал. Мне надо было быть художником. Не знаю.

— Случайно?

— Да, в детстве нравилась одна актриса. Собирал её фотографии и открытки. Тяжёлое детство. Потом вот встретил Марго. Как считаешь, у меня есть шанс когда-нибудь жить человеческой жизнью? — очень искренне, из глубины спросил Богдан.

Жрица погладила правой рукой подлокотник своего золотого трона и посмотрела на него немного иронично, свысока, как и подобает правительнице.

— Очень скоро может случиться так, что мы все поменяем представление о том, что такое человеческая жизнь.

— Ах, да! И вы? — тихо произнёс Богдан. Она права. Что такое человеческая жизнь?

— В этот раз мы сможем выжить только вместе с вами. Или с частью вас.

— А кого возьмут? — в вопросе послышалась надежда и любопытство.

— Это не ко мне вопрос. Билеты туда не продаются.

— Ну, да, если учесть, что вы ходите сквозь стены, как сквозь лёгкий туман на лужайке, да ещё и в невидимых костюмах, то «боги» сами возьмут всё, что им надо.

— Так было когда-то. Костюм понравился?

— Да. Только я не понял, зачем он мне?

— Пригодится, — вздохнула Наами.

— То есть без него никак?

— Нам, а, значит, и тебе, нельзя убивать.

Богдан замер.

— Нельзя убивать, — повторила Жрица, — мы соблюдаем законы.

— Но я же не вы, — вырвалось у Богдана.

— Орлов не одинок, — вдруг произнесла Жрица.

Об Орлове раньше они никогда не говорили, и Богдан напрягся, — проповедники пока не очень сплочены и работают изолированно — каждый в своём секторе, но это «пока», — продолжила Жрица, — их сейчас довольно много в военных комплексах всех крупных стран Поверхности. Они очень стараются привлечь внимание военных к пустотам на Земле, помогают им с новыми технологиями и изучают волновую природу каждого элемента. Пока мы можем защититься и спрятать наши города, но ситуация напряжённая. Оружие на Поверхности уже такое, с которым приходится считаться. До перехода надо дожить и сохранить планету.

— Мне кажется, Орлов — это ещё не самый сложный вариант, — сказал Богдан.

— Его уровня достаточно для начала. Он активно пробирается в элиту, если уже не пробрался. Судя по тому, что выгнал столько народу из компании, наверное, готов на то, чтобы заняться их новой ментальностью. Мечтает поскорее стать законным рабовладельцем. И, к сожалению, не он один. Орлов не делает случайных шагов.

— Ты давно за ним следишь?

— Я неплохо его знала когда-то. Он был таким же как ты, начинал с нуля. Когда же это было в XX веке, незадолго до вашей Второй мировой. Орлов прошёл войну, был на фронте дрался с тёмными силами, особенно в Сталинграде. Работал с советским командованием.

— Как работал? — удивился Богдан, — мысли посылал?

— Ты сам знаешь, что значит, работал. Мы не могли стоять в стороне, но и всё остановить тоже не могли. Тогда технологии на Поверхности были ещё не очень опасны.

— А пятьдесят миллионов погибших? — спросил Богдан, — разгромленные и уничтоженные города, сироты? — уж он-то знал, что значит нищета, жестокость, голод и холод послевоенного лихолетья.

— У нас тоже были разногласия. Мне никто не принёс власть на подносе.

Богдан смотрел на Наами и удивлялся — как такая хрупкая, утончённая, деликатная, красивая, в конце концов, женщина может управлять Подземным миром. Пусть не всем и пусть не она одна, но всё равно, дело это далеко не простое и невероятно ответственное. Может, она со мной так специально себя ведёт, чтобы я не очень напрягался

— Орлова завербовали после второго перерождения. Так что у него есть много заслуг и есть предательство, которое всё перечёркивает, — спокойно продолжила Наами.

Богдан опять замер. Когда он слышал из ряда вон новость, он, как правило, мгновенно замирал и секунд тридцать её адаптировал.

— Это возможно? И ты никак не противилась, чтобы он ушёл?

— Он подписал себе приговор, как любят выражаться на Поверхности. Он хорошо

понимал, на что идёт. Любовь к золоту — очень опасная вещь.

— А если представить, что он заблуждался? Он же человек.

— Теперь уже я так не думаю. То есть это уже не важно.

Неожиданно открылась входная дверь и в комнату медленно вошёл очень худой и высокий, около двух с половиной метров, как показалось Богдану, седой человек. Он сделал несколько шагов, а потом как-то плавно прыгнул и сел на стоящий рядом с тронем Жрицы золотой стул. Богдан стоял как вкопанный.

— Разговаривайте, я ненадолго, — скрипучим и низким голосом сказал старик, усаживаясь поудобнее, — посмотрю на тебя. Мне много не надо.

— Это Перн. Один из моих учителей, — представила его Жрица.

Богдан продолжал молча и напряжённо стоять, как на смотринах.

— Страх — это иллюзия, сынок. Тебе нечего бояться, — проскрипел Перн.

Но Богдану от этих слов стало ещё тревожнее.

— Переход неизбежен, — продолжил старик, — и чем больше останется с нами, тем мы будем сильнее. Я долго ждал. Речь идёт о каждом. А они ответят за свои преступления, но не нам их судить. Хотя некоторых нам дадут судить. Мы готовы. Надо держаться и работать. Ты правильно всё понимаешь

Богдан почувствовал лёгкое покалывание по всему телу, особенно в груди и в ладонях. Он лежал на спине с вытянутыми руками вдоль туловища в своей комнате в клинике на кровати, абсолютно голый. Вскочил и тут же встал под душ. Голова отказывала что-либо соображать. Он просто видел предметы — шампунь, мочалку, висящий халат на стене. Выключил воду, машинально вытерся полотенцем и вышел из ванной комнаты. До ужина оставалось пятнадцать минут. Как мило. Прошло каких-то полчаса, как он пришёл из бассейна, где с ним беседовала Стеша. Что она хотела? Ах, да! Она сказала, что оставаться с Альянсом рискованно.

Зазвонил мобильный по внутреннему номеру.

— Я сейчас приду. Ты у себя? — услышал он голос Марго.

Часть 4

39

Портик

Марго сидела на веранде симпатичного кафе неподалёку от театра, в котором будоражила и доводила до экстаза публику на протяжении нескольких десятилетий. Рядом стоял Большой, величественный и балетный со знаменитой летящей квадригой и Аппалоном на портике.

Перед ней на столике стояла чашка какао и лежала рекламная газета, у которой она медленно закручивала пальцами в трубочку нижний правый угол. С того места, где она сидела, её театр просматривался, как на ладони. Она узнавала людей, входивших в когда-то родное здание. Они все давно ей были безразличны вместе с их миром и их страстями, ей даже были уже безразличны её собственная слава, аплодисменты и горы цветов в одном из лучших драматических театров мира. Прошлого нет. Кто это сказал? Как поразительно быстро факты забываются, преобразуются, меняются и исчезают. Да, можно писать хроники. Но их потом придётся сжечь, потому что они будут смертельно опасны. Прошрое — череда ошибок и самых неправильных выборов. Зачем я вообще полезла во всё это? Испугалась. Все испугались, не я одна. Естественный путь всё же безопаснее. Ну, умерла бы и вернулась, как все. Может, получила бы чистую добрую душу и опять красивое тело. Хотя

Наами говорит, там очереди, и приходится брать, что есть.

Какао было удивительно вкусным. Прожитые жизни или, точнее, некоторые периоды прожитых жизней, потерялись и переплелись, оставив в памяти вспышки самых ярких эмоций и такие вот вкусовые ощущения, как приятный и сладостный запах какао во рту. Когда это было? Во время Великой Отечественной?

Она ездила по госпиталям с концертами, и им иногда перепадали американские продукты. Незачем это вспоминать. «Тёмная ночь. Только пули свистят по степи». У неё был низкий, грудной голос и красные губы.

Марго обвела взглядом кафе и узнала двух женщин, сидевших через пару столиков от неё: костюмершу и бухгалтершу. В их жизнях, по всей вероятности, особых перемен не наблюдалось. Конечно, ни костюмерше, ни бухгалтерше никаким образом не могло прийти в голову, что вот та, можно сказать, красивая девчушка в трикотажном сером брючном костюме и белых кроссовках могла быть несравненной и неповторимой в самом прямом смысле этих слов Маргаритой Булавиной, перед которой они трепетали.

Марго была здесь три дня назад, сидела за тем же столиком и тоже пила какао. Ей надо было немного привыкнуть к месту перед разговором. Тогда перед тем, как зайти в кафе, она нацарапала карандашом на второй колонне Большого дату и время мелкими символами шифра. Это был старый уговор — без никакой электроники и телепатии. На случай, когда придёт время, и надо будет встретиться, чтобы прояснить картину. До сегодняшней встречи оставалось минут пять-шесть. Она провела рукой по волосам и распустила волосы, они рассыпались по плечам.

Орлов стоял на веранде, спрятавшись за кадку с пальмой. Наверное, так стоят хищники, выслеживая добычу — тихо, напряжённо, с каменным взглядом. Одет он был в повседневную, почти спортивную одежду и с бейсболкой на голове. Марго почувствовала его и нашла глазами окаменевший взгляд. Они как будто вцепились в друг друга железными крючками, а не глазами.

«Я готова. У меня нет обязательств. Я нашла замену», — сказала телепатически Марго. Она первой нарушила молчание. Взяла чашку и отпила глоток. «Надеюсь, ты будешь говорить по существу, иначе я уйду, и второго раза не будет. Слишком большие риски.»

Орлов вышел из укрытия и прошёл в зал, выбрал свободный столик, почти на противоположной стороне кафе, максимально отдалённый от того места, где расположилась Марго. Сел в профиль, положил перед собой мобильный телефон и дождался, пока подойдёт официант с меню. Быстро выбрал что-то, заказал и уставился прямо перед собой, не смотря на Марго.

«Приветствую тебя, королева! Я долго ждал этого дня. Я нашёл тебе место, там много дел, которыми ты можешь заняться. Всего одна неделя, и я оформлю все формальности.»

«Я могу взять с собой ещё двоих? Мне нужны люди на первое время», — спросила Марго.

«Нет, ты справишься одна. Сама же говоришь про риски. Защиту я беру на себя. Ровно через неделю встречаемся здесь же. Ты ещё прекраснее, чем была. Сколько жизней надо прожить, чтобы тебя забыть?»

«Забить невозможно то, что не забывается. Зачем-то мы это помним,» — осталось ли в ней что-то от их любви, раненого капитана после Сталинградской битвы и московской певицы из Театра Опретты, встретившихся в госпитале, она не знала. Всё человеческое обесценивалось, и она гнала от себя страх надвигающейся пустоты. С каждым новым

воплощением счастье и любовь начинали казаться всё более бессмысленными, ничего интересного не предвещавшими. А он, значит, ещё чувствует. Ему дали больше времени. Он ещё живёт в оболочке земной реальности и не вышел из программы «Земля». Он ещё не чувствует надвигающейся трансформации, о которой даже Богдан знает.

Орлов повернул голову в её сторону. Его лицо казалось совсем другим — беззащитным, открытым, дружелюбным. Удивительный всё-таки парень этот Богдан, подумала в это мгновение Марго и улыбнулась. Орлов улыбнулся в ответ, не подозревая, что улыбка была не для него. Кто бы мог подумать? Наами Богдана теперь уже не выпустит. находка. Она вдруг подумала, что Жрица полностью переформатирует его программу, и Богдан станет таким же, как она, причём, с первого раза. К этому всё идёт. Она многое может попросить за то, что привела Богдана. А что же тогда Орлов может предложить? Ему надо её ещё догнать, чтобы предложить. Его не выпускают из матрицы, и ей надо искать кого-то другого. Орлов в ловушке. Вон оно что

К Орлову подошёл официант и поставил на столик стакан, бутылку воды и отошёл.

«Уходи! Если я не приду через неделю, значит, я передумала,» — холодно сказала Марго.

«Я убью его! Мне нечего терять, Марго!» — почти выкрикнул в голос Орлов, но ей это показалось, конечно, просто он сказал это очень резко.

«Ты не знаешь, с кем имеешь дело. Ещё слово, и ты никогда больше меня не увидишь. Уходи!» — Марго разнервничалась. Она разозлилась на то, что Орлов понял, о ком она думала. Ну и что.

«Я ухожу, королева! Не стоит так нервничать из-за новобранца. Ему ещё очень далеко до меня. Жрица никогда не даст тебе и части той власти, которую я могу бросить к твоим ногам. Ты для неё отработанный материал, поставщик новенького, не более того. Сколько можно ей верить, Марго? Она неудачница, получившая власть незаслуженно, только потому, что её брат отказался. И ты это знаешь. До встречи через неделю, моя несравненная и единственная. Я не боюсь своих чувств, даже если они мне мешают», — с этими словами Орлов поднялся, оставил деньги на столе и направился к веранде, где был выход на улицу.

Она не стала смотреть в его сторону. Её удивило и поразило то чувство, которое она неожиданно почувствовала к Богдану. Она испугалась за его жизнь! Только что ей казалось всё бессмысленным и потухшим, не имеющим будущего, неинтересным, пресным, тысячу раз сыгранным как на сцене, так и в жизни, и вдруг щемящее беспокойство всколыхнуло всё внутри и несказанно обрадовало. Значит, ей оставили человеческое, значит, она никакой не отработанный материал, как сказал Орлов. Да кто он такой? Хватит уже! Из нас пытаются сделать других, а мы сопротивляемся. Есть нечто, что оставляет нас земными, и никакой силе это неподвластно, пока стучит сердце. Господи! Ты существуешь! Прости меня! Что я наделала! Верни меня! Я хочу остаться человеком. Я хочу пройти трансформацию вместе со всеми.

Надо поскорее найти Богдана и поговорить. Она совсем перестала оставаться с ним наедине, слушать его сомнения и догадки, отвечать на его вопросы, на большинство которых она не знала ответов. Постепенно он начал отдаляться, она чувствовала. Как и он.

Жрица сделает всё, чтобы развести их и полностью подчинить его себе. Ещё бы. Без меня они никогда бы не наши такого. Он ещё не знает, на что способен. Но этого я не могу ему сказать.

Она перетасует все его клетки, как колоду карт, и сделает то, что ей нужно в данный

момент. А дальше?

Марго ещё раз взглянула на портик Большого театра. Столько лет эти несравненные летящие лошади вдохновляли её на победу.

40

Дворецкий

Орлов лежал на кровати в секретной комнате и думал о Севостьянове. От скромного, неприхотливого, согласного работать пятнадцать часов в сутки паренька не осталось ровным счётом ничего. Севостьянов вырос в умнейшего, опытного и искушённого мужчину, способного противостоять почти любым жизненным сюрпризам.

Орлов был уверен в том, что Севостьянов давно понял, что свои продвинутые планы и схемы он черпает из не совсем ординарного источника, причём всегда безошибочно. Быстро соображавший и понимавший ничуть не меньше, если уже не больше его самого, Севостьянов стал представлять опасность. Удивительные мозги! Кем же его заменить? Что за безрассудство такое? Как он мог позволить себе быть в нём уверенным? Что вообще с ним происходит? Заменить его Орлов мог только самим собой. Хотя бы на первое время. А потом он подтянет Марго. Она придёт, когда узнает, что он ей предложит. Она умница. Кремень. Неповторимая и непревзойдённая. Таких больше нет.

Хозяин его не тронет, пока они с Марго не захватят всю намеченную территорию и выжмут из неё все соки. До последней капли. Потом они вместе улетят. Вселенная бесконечна, и работа всегда найдётся. Им ещё придётся выбирать. Она придёт! Моя красавица! Как я соскучился!

Так сколько тебе осталось, Игорёк? Неделя? Надо подумать, как тебя правильно убрать. Чисто и незаметно.

Телефон беззвучно завибрировал у Орлова под боком.

— Гена, чистые анализы! Что это было? Гена? — кричал возбуждённо и радостно в трубку Сухомлинский, — Гена! Я твой должник до гроба!

— Я рад. У меня совещание. Всё бывает, — Орлов быстро прервал разговор, который начал выворачивать его наизнанку, и нажал на красную кнопку в телефоне, — живите, пока я добрый. Это я буду решать, кому жить, а кому умирать! — закричал Орлов невидимому оппоненту, — а Севостьянову, мерзавцу, приготовиться! Начал тут рассуждать про людей! С жиру начал беситься в своих хоромах! Дворовая шавка! Животных ему этих жалко, которые его сожрут с потрохами при первой же возможности. Когда они только успели с Мариной снюхаться!? Сошлись два одиночества! Развёл, придурок, рыжих тараканов. Откуда Виктория знает про Думу? Ещё и набралась наглости меня спрашивать такое. Да хрен с ней!

Орлов нащупал телефон.

— Виктория, слушай и шевелись! Повторять не буду! Два дня на сборы, я уже всё проплатил. Полетишь обычным рейсом. И сидеть там два месяца, пока не дам команду «отбой». Книги пиши, пейзажи с водопадами, найди себе там друга, подружку, что хочешь, но не высовывайся.

— Мне кажется, ты завёл себе любовницу. Я слышу в голосе тестостерон. У тебя гон, Орлов. В кои-то веки! Придётся не мешать. Ради детей. Это хорошо. Ты вспомнишь, что значит боль.

— Уймись! — Орлов отключился. Каких ещё детей? Дура!

Он встал с кровати и пошёл в ванную комнату. Стоя под душем, думал только о Марго. Он так много о ней думал, что сам этого испугался. А самое страшное, что все его мысли

были о том, как он её разденет и будет любить. Да сколько ж можно жить без бабы, которую хочешь? Наконец, он дождался, почти дождался. И плевать на всё. Ничем этого нельзя заменить и ни за какие деньги этого нельзя купить. Он никогда не произносил даже мысленно слово «любовь», он боялся этого слова больше всего на свете, наверное. Себя рядом с этим словом. И не помнил, когда он вообще признавался в любви. Стёр из памяти.

От этого можно, конечно, и отказаться — переделать себе мозги, вырубить всю сексуальность с инстинктами и перестать чувствовать. Монахи же справлялись одной силой воли, а сейчас и вовсе столько прибамбасов, да и он справлялся, но не сейчас. Это выше его сил. Точка. Никто не узнает. Он будет ещё жёстче и безжалостнее, он будет безупречен, как всегда.

Орлов резко выключил воду, вылез из душевой кабины и начал вытираться.

«Страшнее самого главного страха, страха смерти, может быть только страх вечных страданий. И второй страх страшнее», — услышал Орлов в голове знакомый голос и замер. На лбу тут же проступили капельки пота. Решил не отвечать. Встал перед зеркалом и начал бриться — медленно, тщательно, осторожно. Поставил, как смог, защиту, и голоса больше не было. Руки дрожали от напряжения. Достал щипчики из ящичка под раковиной, сосредоточился и выдернул толстый седой волосок, торчащий в левой брови, брызнул парфюм на щёки, подправил маленькой расчёской волосы.

«Наученная опытом веков, республика Бессмертных достигла совершенства в терпимости и почти презрении ко всему. Они знали, что на их безграничном веку с каждым случится всё», — продрался сквозь кордон голос. Орлов молча достал чистое бельё из шкафа, потом рубашку, брюки и оделся. Марго, Марго, Марго. Подошёл к зеркалу. Из зеркала на него смотрел Орлов-олигарх, строгий и недостижимый, холёный и холодный, как январский ветер.

«Смерть, точнее, память о ней, наполняет людей возвышенными чувствами и делает жизнь ценной. Каждое совершаемое деяние может оказаться последним. Нет ничего, что бы не казалось отражением, блуждающим меж никогда не устающих зеркал. Ничто не случается однажды, ничто не ценно своей невозвратностью», — по интонации было похоже, что изрекаемая мудрость подошла к концу. «Это сказал аргентинец Борхес в одном из своих рассказов через два года после окончания Второй Мировой», — пояснил голос.

«Ты нарушаешь привычный ход вещей, — ответил Орлов, — и это может означать только то, что у тебя есть серьёзные причины для этого.» Он нервничал.

«Они есть. Но я пока лишь тебя предупреждаю. Я не мстительна,» — добавила Наами.

«Не тебе решать, сколько и как мне жить,» — огрызнулся Орлов. Он подождал ответ, но Наами больше не выходила на связь. Хитрая пещерная крыса! Будет ли его защищать Хозяин? Сложный вопрос. Сбой в системе не подлежит ремонту. Но до сбоя ещё далеко. Что вообще случилось? А случилось то, что он сам пихал голову в огонь, прекрасно зная, что Марго — это его погибель. Он слышал, как бьётся сердце. Только не это.

Наами тут же это почуяла. «Не мстительна» она, костлявая белобрысая тварь. И дело тут не столько в Борхесе и его нетленных строках, от которых кровь стынет, если серьёзно прислушаться, сколько в дате их написания. «Через два года после окончания Второй Мировой», — вспомнил он слова Наами.

1947 год. Сентябрь. Светлый солнечный день. Петергоф. Большой каскад с запущенными фонтанами. Только что восстановили украденную фашистами золотую статую Самсона борющегося со львом. Орлов и Марго стоят в толпе зевак-туристов и смотрят, как

из пасти льва бьёт фонтан, поднимаясь на двадцать метров. Орлов, в форме майора, выписавшийся после второго ранения перед самым концом войны, и Марго, никому неизвестная актриса московского театра, уже не очень молодая, но всё ещё красивая и стройная с кудрями и красными губами. На Марго серое платье в букетах из мелких цветов и чёрный пиджак. Они стоят, прикасаясь к друг другу и ничего не говорят. Потом Орлов тянет её за руку, и они выходят на отдалённую аллею.

— Что ты решила?

— Я остаюсь из-за космической программы. Попросилась опять в актрисы. В драматические. Мне нравится сцена. Вот уж не думала, — она немного смущается и крутит локон у уха.

— Они допустили эту бойню, потому что не хотели связываться с сама знаешь кем.

— Но они помогли нам победить. Только я не уверена, что это надолго. Это не окончательно. Рабство не искоренено. Поэтому я хочу в программу, только там я смогу быть уверена в том, что буду всё контролировать. Я уверена, что ещё будет много войн, потому что у подземных раздор, а здесь всё оставят на нефти. Новую энергию развивать не дадут.

— Наами у власти только тридцать лет, она ещё слишком молода, — перебил её Орлов.

— И я уверена, что они не будут пока лечить людей и оставят всё на самотёк местных учёных. А их опять всех купят и заставят замолчать. Я сказала, что останусь ещё на цикл и приведу замену. Я найду кого надо, ты меня знаешь. Иначе она меня не отпустит.

— Я ей не верю, — сухо отвечает Орлов, — они все в сговоре или на коротком поводке. В космический отряд я тоже не хочу. Пока, во всяком случае.

— Обещаешь, не путаться с чёрными? Скажи! — Марго серьёзно смотрит ему в глаза, — оставь Землю, если тебе наплевать. Слышишь?

— Я могу обещать только то, что мне нужна власть для тех перемен, о которых ты говоришь. И мне никто её просто так не даст. Её надо завоевать, и способы могут быть разными.

— Думаешь, что успеешь вовремя перевернуться? Твой выбор. Я не хочу так рисковать, — она взяла его за руку, — нас могут ввести в разное время, и мы не встретимся. Ты думал об этом? — она кокетливо улыбается.

— Могут.

Орлов крепко держит её руку, до боли, и смотрит в глаза.

После Петергофа он никогда больше не видел прежней Марго. Точнее, после Ленинграда. Они провели в Ленинграде ещё два дня, не выходя из комнаты, в квартире его знакомого инженера, у которого жена-учёный была на каком-то съезде в Москве. А потом Марго поехала к Наами молодеть и становиться актрисой. И она ею стала — бесподобной, вырывающей сердце. Её любили и боялись, ей даже не пытались подражать, как не пытаются подражать божеству. Это был особый талант. Роли в её исполнении приобретали новый смысл, а пьесы становились глубже и масштабнее. Орлова же «ввели» в девяностые, когда она уже блистала в театре и на экране, будучи пожилой. Но он всё равно ходил на её спектакли и дарил цветы. Она даже не подавала знаков. Никогда. Железная. Им нельзя было общаться.

Орлов нахмурился. Он отчётливо вспомнил худощавого «дворецкого» из пьес Островского, в которых играла Марго, всегда одного и того же, с красивыми руками. Он вспомнил также, что подумал однажды: «что-то в нём не сходится».

Орлов поправил галстук и шагнул из комнаты в кабинет.

41.

Смена паролей

Севостьянова в приёмной не было. Орлов отправил запрос по внутренней связи компании быстро его найти, где бы он ни был, и чем бы не был занят. Подумав и сосредоточившись, понял, что на работе Игоря нет, и он стоит под защитой. Опоздал! Севостьянова уже прибрали к рукам. Как быстро! Подошёл к компьютеру — компания работала без сбоев. «Общая смена паролей» — написал он команду SOS. И вдруг на мониторе появились слова:

«Орлов! Нам стоило это восемь часов, но мы всё сделали. Твоего холдинга больше нет! То, что ты видишь в компьютере в виде работающей системы — запись и монтаж, поставленные, чтобы ты не создал преждевременной паники. Твоим кораблям некуда плыть, грузовикам ехать, а склады закрыты на неопределённое время. Чинить надо будет очень долго. Убытки ты понесёшь и уже несёшь, сам знаешь какие. Это материальная сторона вопроса, с помощью которой ты создал себе имидж и с помощью которой ты покупаешь себе всё, что продаётся, включая власть. Но есть и не материальная. Не видать тебе власти, Орлов! Той, ради которой ты всё это задумал. Накрылись твои планы по проникновению в правительство, мы тоже это устроили. Мы — это Игорь Севостьянов и Богдан Петухов. Мы отвечаем за свои поступки и не шифруем своих имён.»

Что? Мне снится сон? Но я не вижу снов! Орлов набрал номер на мобильном, подождал, когда там снимут трубку.

— Как работают системы Альфа и Гамма? — немного растерянно спросил Орлов.

— Всё в норме, — получил он ответ робота.

— Двойная проверка всех постов и смена паролей в SOS режиме, вариант 8, — это были только его личные пароли, неизвестные никому, то есть Севостьянов к ним допуска не имел на сто процентов.

— Мне нужно 45 секунд.

— Я жду, — Орлов начал приходить в себя.

— Всё в норме. Пароли уже сменены восемь часов и две минуты назад, вариант 8 заблокирован. Допуск вашего номера истекает через двадцать минут.

Орлов вытаращил глаза, дрожащими руками отключил робота и нажал другую кнопку. Руки были мокрые, как будто он их только что намочил под струёй воды.

— Номер 13-345, контракт нарушен по шести пунктам, вы вне игры. Компания «Орлов-Лоджистикс» передана новому хозяину. У вас остаются ваши личные счета и имущество, рекомендуется действовать по сценарию 5 или 9. Вы пребываете на договорных условиях, некоторые пункты которых изменить нельзя никогда и ни при каких обстоятельствах. Сотрудничество завершено, — робот разъединился. Никаких альтернатив в таких случаях не полагалось. Сказано — сделано.

Орлов тупо уставился в панорамное окно. Осень оголила деревья, и вид стал обшарпанным, протёртым, как старый ковёр. Сценарий 5 — это пойти на новый цикл. Ему предложили исчезнуть и перезагрузиться. То есть память в этот раз вычистят всю до остатка и до последней капли крови, загрузят новую жизнь, которой никогда не было, или которую скопируют фрагментарно с нескольких придурков из запасников.

За ним прилетит капсула в назначенное время, маленькая как теннисный мячик, потом она вырастет до размеров его роста. Он туда зайдёт через оболочку и его оттелепортируют,

скорее всего, на Марс в одну из старых надёжных колоний. Сколько он будет там находиться и в каких условиях, пока им займутся вновь, не знает никто. Там тюрьма. Может быть, не смотря на его огромный опыт и знания, его даже отправят на работу — делать схемы и приборы, которые они экспортируют на Землю и на другие планеты. Марс славится своими передовыми технологиями и десяткой крутых заводов, где работают выходцы с Земли. Точнее, их потомки. Они никогда не видели Земли и считают, что там произошла техногенная катастрофа, а их деды и прадеды, счастливцы, выжили. Всю жизнь они проводят в модулях, на глубине трёх-пяти километров в грунте Марса. Они не знают, что такое ходить босиком по траве и плавать в море. Орлов нахмурился. Можно подумать, его волновало, ходят ли по траве его работники, и видели ли они вообще море. Да, его это не волновало. Так что же делать со Сценарием 5? Не очень заманчиво. Хотя, конечно, если дожидаться перезагрузки, то потом могут отправить куда-нибудь ещё, не на Землю. Страшно всё это. А страх — плохой признак. Страх — это уязвимость.

Орлов провёл по волосам. Интересно, сколько у него есть времени оставаться в образе олигарха. Двое суток, кажется, пока это станет известно системе. Сейчас об этом знает только верхушка и супер-кандидат на мое место. Он сейчас проходит инструктаж. Кто бы им мог быть? Кстати, может быть, и гуманоид в этот раз — надёжнее, как показывает практика. Хотя сейчас уже и химеры другие. Чего только нет в их обчисленных ДНК! Хрен с ними. Сейчас это не важно.

Текст в его компьютере, конечно, фальшивка. Но он повёлся. Просто дали понять, что Севостьянов — это непростительная ошибка, вовремя не устранённая. А этот чёртов Богдан уже его обработал. Ну, а все остальные пункты, послужившие его такому стремительному увольнению, касаются Марго. Надо ей быстро сообщить, что я больше не я, пока она не наломала дров. Теперь уже можно расслабиться и делать любые поступки, даже хорошие. Орлов улыбнулся, отошёл от окна, осмотрел свой красивый стол и сел в кресло. Достал из потайного местечка коньяку и налил себе ровно столько, сколько хватит, чтобы почувствовать лёгкость в голове. Чёрт мне с ними, с этими белыми и чёрными, плевать мне на всё, я занимаюсь не своим делом.

Сценарий 9 — это самоуничтожение с помощью остановки сердца. Это ему помогут сделать его бывшие работодатели — просто надо сообщить, и они пришлют инструкции, как это сделать совершенно незаметно, безболезненно и естественно. Орлов взял мобильный телефон, покопался на дисплее и нажал на нужный номер.

— Ну что у вас там?

— Гена, я не знаю, как я тебе благодарен. Не звонил, потому что ждал, что ты сам позвонишь.

— А за что ты мне благодарен? — тихо спросил Орлов, — я ничего не сделал. Я просто попросил сделать ещё раз анализы.

— Перестань. У нас праздник. Приезжай, или давай в клуб!

— На следующей неделе позвоню. Я обязательно приеду, Василиус.

— Ты что-то странный немного.

— Тебе показалось. Пока! — Орлов знал, что он попрощался с единственным другом, которого себе завёл вопреки правилам, и Сухомлинский тоже входил в тот большой пакет нарушений, который довёл его до сегодняшней ситуации. Ему ещё очень захотелось позвонить Марине. Хорошая женщина. Единственное, как он мог показать ей своё отношение — это дарить ей подарки на день рождения. Он сам их выбирал, иногда долго,

хоть и дарил с каменным лицом за полминуты. Ну, хоть как-то давал понять, что он ею доволен. Да, он должен был её уволить, но это другое. Это совсем другое. Звонить, конечно, ей не стал, это было бы не просто странным, а идиотским каким-то поступком. Да она бы и не поверила, что это он ей звонил. А вот Севостьянову ему звонить совсем не хотелось. Севостьянов был его большой совестью, и ему этого было бы слишком много на сегодня. Но в общем и целом в голове, или в душе, где-то там внутри, где распределяются чувства, росло безразличие, сродни пофигизму. Как-то резко всё начало сереть и смазываться.

— Ты собралась? — набрал он Виктории.

— С мыслями? — переспросила она.

— Я передумал.

— Вместо Швейцарии я полечу на острова Кука?

— Вместо Швейцарии ты можешь полететь к детям и оставаться там столько, сколько захочешь. Снимешь квартиру неподалёку и будешь привозить их в гости.

— Орлов, кто она? Скажи мне её имя, и я буду повторять его всю жизнь, хотя бы один раз в день.

— А ты никому не скажешь?

— Н-нет — еле-слышно прошептала Виктория, думая, что она либо сходит с ума, либо он всё-таки, скотина, её разыгрывает и через секунду начнёт орать и оскорблять, — скажи, мне же всё равно, мы же с тобой

— У неё нет имени, но она есть.

— Понятно, — шепнула Виктория, — я тогда на послезавтра беру билеты. Я сама их куплю, не беспокойся!

— Ага, — согласился Орлов таким добрым голосом, что сам испугался. Виктория, конечно, тут же разъединилась, задыхаясь от эмоций и не веря, что так бывает.

42.

Грань между добром и злом

Марго вошла в комнату взволнованная и красивая: в белом костюме, с распущенными волосами. Богдан сразу напрягся.

— Ты опять был у Наами?

— Да, только что вернулся. Если честно, в этот раз был перебор. Я не ко всему, видимо, готов.

— Ничего. Ещё немного, и она тебя натаскает. Будешь видеть несколько картинок одновременно и вычленять ту, которая нужнее. Я про Орлова пришла поговорить.

Богдан никогда не мог с ней расслабиться. Он тут же улыбнулся и напустил на себя самый спокойный и умиротворённый вид, на который был способен. Она, конечно, это заметила.

— Садись, — кивнул он на единственное кресло в комнате, а сам сел на кровать, поджав ногу.

— Важные вещи, случаются быстро, намного быстрее, чем второстепенные. Ну, то есть нам кажется, что до них ещё далеко, а они вот они — раз и всё.

— Яснее можно, дорогая? — почуяв неладное, попросил Богдан и в голову пришёл образ Муслима, — что случилось-то? Что-то с Муслимом? — сейчас он увидел Муслима, смотрящего сверху на город. Муслим стоял серьёзный, с каменным лицом и в костюме с галстуком.

— Да.

— Вроде жив, — ответил Богдан, держа в голове образ Муслима, — правда, в большом каком-то смятении. Но он больше рад, чем не рад, — Богдан резко повернул голову и посмотрел Марго в глаза. — Не может быть! Не может быть! Неужели это то, что я подумал? Как?

— Да. Он взял компанию Орлова. Ты же понимаешь, что это значит. Дело вовсе не в компании. Он стал Орловым.

— Муслим?!? — у Богдана в прямом смысле отвисла челюсть, — я, правда, не готов.

— Это нормально. Это происходит в каждом выпуске.

— В каждом выпуске? — переспросил Богдан.

— Я думаю, грань между добром и злом в нашем понимании стирается в том момент, когда мы перестаём верить детским сказкам, условно говоря. А я вообще не знаю, есть ли эта грань. Нельзя остаться у власти, не уничтожив противника. Уничтожив противника, ты становишься злом. Делая хорошие большие дела, мы всегда оставляем после себя слишком много жертв, и это хорошее дело уже автоматически не настолько хорошо. Здесь так.

— Марго! Перестань разговаривать со мной таким тоном! Муслим стал ИИ проповедником? Как такое может быть? Я потратил столько сил, чтобы уничтожить Орлова, работал с его психикой, сам чуть с ума не сдвинул от напряжения, а у Наами под крылом вырос точно такой же враг, да ещё и получивший у неё знания. А я ещё и считал его другом, делился с ним сокровенным, составлял вместе программы. Что это за сумасшедший дом? Кто-нибудь мне объяснит? Да, я примитивный и прямолинейный, но у меня есть хоть какие-то понятия. Чего вообще можно достичь, когда у тебя постоянно выбивают почву из-под ног? Или он двойной шпион? — ухмыльнулся Богдан, — но, — Богдан медленно произнёс почти сквозь зубы, — Муслим ментально не справится. Он не может справиться. Он себя переоценил.

— Это его выбор, — сказала Марго тоже медленно.

— Марго, с тобой всё в порядке? Как думаешь, с тобой всё в порядке?

— Нет. Не всё. Я хочу обратно в человеческое я. Но полностью уже не смогу. Я только сейчас поняла, что ты мне дорог, и у меня никого нет, кроме тебя. Значит, я ещё человек. Богдан, как же я счастлива, что ты у меня есть!

— Марго! — он почти по-актёрски протянул к ней руки, — Марго, конечно, ты человек, я же знаю.

— Но, с другой стороны, — она сделала жест рукой, как бы закрываясь от него, — я могу принести тебе много проблем, о которых ты даже не подозреваешь. И я этого не хочу. Только не тебе. Я думала много, что мне предпринять, Богдан.

— Что предпринять? Я не понимаю, — он вскочил с кровати, — вытаскивай всё наружу, дорогая, пора! Я готов к любому твоему решению, как всегда. Разве ты можешь во мне сомневаться? Ну, может быть, только

— Не волнуйся, у меня было очень много шансов перейти к чёрным, это не моё. Но они хозяева пока. И тот страшный и опасный Искусственный интеллект, о котором говорит Наами, тоже пока с ними. Нам надо ждать. Я решила, что попробую помочь Наами с другой стороны. Она не справляется на все сто. По большому счёту, добро — это очень хрупкая субстанция, и на его сторону переходят по зову сердца. Этот выбор иногда сопоставим с потерей всего. А к этому человек ещё не готов. Человек меркантилен и тщеславен.

— Марго! Ну, говори уже! — занервничал не на шутку Богдан.

— Я люблю тебя и Землю. И это гарантия того, что я буду делать всё, чтобы вам было

хорошо. Если бы не твоя любовь, у меня ничего бы не получилось, и я была бы уже полной запрограммированной нелюдью.

— Ты идёшь в космический отряд?

— Да. Прямо сейчас. Мы больше не увидимся, — она отвела взгляд.

— Марго — прошептали в недоумении его губы.

— Жизнь каждый раз и всегда непредсказуема. Её нельзя перехитрить и спланировать.

С ней надо очень осторожно, её надо научиться слышать. А это очень трудно. Если честно, я никогда не думала, что ты настолько талантлив и умён. Наше земное воплощение далеко от того, что мы представляем на самом деле. Там столько условностей. Но я почувствовала в тебе огромную силу и доброе сердце.

— Оно всегда с тобой.

— Поэтому я иду и ничего не боюсь. Я буду стараться. Очень, — в её глазах стояли слёзы. Он обнял её и прижал к себе.

— А ведь ты могла и не проститься. Я знаю тебя. Могла и струсить. Как тяжело! — он поцеловал её в волосы, — и Стеша с тобой? — спросил он через несколько секунд.

— Нет. Ей ещё рано. Она остаётся здесь. Скорее, с тобой, сем со мной. Женщина-политик нового поколения, — они оба засмеялись.

— Она уже об этом знает? — спросил Богдан.

— Пока нет. Чувствует, наверное.

— А как она пережила то, что Муслим как сказать-то, не знаю, право. Они всегда были вместе.

— После возрастной коррекции и учёбы все, как правило, расходятся. Открывается совершенно другое видение мира, люди глубже узнают себя и партнёра. Другими становятся, что и говорить, — она улыбнулась. Богдан хотел запомнить ее именно такой, как сейчас, чтобы она приходила к нему в сознание вот такой трогательной, оправдывающейся, объясняющейся в любви.

— Стеше будет трудно, кстати, — почему-то сказал Богдан.

— Справится. Да и ты поможешь. Чёрных в политике пруд пруди, основная борьба начнётся именно на этом фронте. Особенно среди женщин. А труднее всех будет тебе, эмпат, не забывай, — она погладила его по щеке, — я даже думаю, что может так получиться, что мы пресечёмся где-нибудь. Но не сейчас.

— И не в этом измерении. Об этом не стоит говорить. После сегодняшнего путешествия, мне кажется, встречаться иногда будет возможно, но сейчас трудно судить, как всё пойдёт. Наами спокойно тебя отпускает?

— Она только рада. Иметь своего человека там, куда я иду, дорогого стоит. Туда нельзя попасть по желанию. Туда должны позвать. Другое дело, что можно отказаться.

— Мне тоже могут это предложить?

— Ну, тебе много чего могут предложить. Тебе могут предложить такие вещи, о которых мы не подозреваем.

— Марго! — Богдан стал серьёзным, — а что же станет с Орловым? Как вообще всё случилось?

— Нельзя сидеть на двух стульях и шутить с такими силами. Он попробовал и то и это, он запутался в большом и маленьком. Сбой в системе.

— Но получается, всё что я делал вместе с Севостьяновым, да и один, всё насмарку? Вместо отрубленной головы у змея тут же выросла новая?

— Не совсем. Мы всё-таки продвигаемся, хоть и маленькими шагами. Орлов не попал в правительство, он не успел ничего довести до конца, а ты научился выставлять защиту от ИИ.

— А кто же будет работать с Муслимом?

— Ты, конечно, и он это знает. Но ему, как и тебе, будут помогать. Я думаю, Наами даст тебе допуск, хотя бы первый, и ты узнаешь, кто мы такие, откуда здесь появились люди, почему продолжаем оставаться недоразвитыми и практически неэволюционируем и мало живём, почему нас отравили ложью.

Он ещё раз прижал ее к себе, вдохнул запах и отпустил. Как будто отпустил свою большую мечту «Марго». Мечты, по сути, уже не было, она медленно растворялась в новой реальности. Богдан понимал, что он тоже стал другим, и ему предстоит другая жизнь, а значит, и другие мечты. Но если не было бы Марго

— Пошли! — она сделала шаг к двери, — не стоит опаздывать.

43.

Кто такая Марго?

Виктория встретила Богдана в саду и сразу повела в ту самую комнату, где нашла тело мужа, лежащим на столе. Она очень старалась казаться спокойной и собранной, но внутри у неё всё клокотало, и она даже специально подкашливала, чтобы это скрыть. Орлов, хоть и не был ей близким в обычном понимании близости мужа и жены, но всё таки он жил с ней в одном доме на протяжении нескольких лет, и его смерть явилась настоящим стрессом, причём совсем не однозначным. С этого момента её жизнь делала резкий поворот, начинала совершенно новый, свободный, как её казалось, этап. Именно эта грань в большей степени её и волновала и придавала её лицу нездоровый румянец. Она оделась в закрытое коричневое платье с чёрной отделкой на рукавах, доходивших до локтей. Платье делало её строгой, элегантной и привлекательной. И ещё чувствовалось, что у неё с плеч свалилось тяжёлое месиво страха, ненависти, беспомощности и тоски, и случилось невероятное.

— Я вошла и сразу увидела его на столе. Не могу избавиться от этой картины. Она стоит у меня в глазах.

Богдан посмотрел внимательно на стол — массивный белый полированный стол на четырнадцать человек, судя по придвинутым к нему стульям. Над столом висела большая хрустальная люстра современного дизайна. Ему показалось, что он видит званый ужин, на стульях сидят люди, разговаривают, едят, чокаются.

— Вы заметили что-нибудь особенное, то есть понятно, что слово не очень подходящее, когда видишь такое, но вдруг вы на мгновение почувствовали что-то особенное, нехарактерное? — спросил Богдан.

— Да, может быть — задумалась Виктория, — всё как-то выглядело театрально, вычурно. Он, понимаете подготовился, оделся в белую рубашку, синие брюки, ботинки, и его поза с раскрытыми руками, как будто он вот-вот вознесётся, говорила о том, что это какой-то продуманный поступок, и он сделал всё по правилам. Так, как надо в таких случаях. Вот, что я почувствовала.

Богдан обошёл стол, внимательно осмотрел люстру, отошёл метра на три и остановился, смотря в одну точку.

— Записка у вас?

— Да, конечно. Как договаривались. Вот, — Виктория подошла к серванту, достала из верхнего потайного ящика сложенный на четыре части лист А4 и протянула его Богдану.

— Я никому её не показывала.

«Я желаю покинуть это измерение. Я хочу уйти из этого мира. Просьба, меня не оживлять и не продолжать мою жизнь. Ты слышишь? Желание моё осознанное и продуманное.»

Прочитав записку, Богдан вдруг отодвинул стул, одним движением залез на стол и улёгся на спину.

— Нет! — вскрикнула Виктория.

— Только не волнуйтесь!

— Он не так лежал. У него голова была там, где ваши ноги. Перевернитесь!

Богдан улыбнулся и перевернулся так, как она сказала. Он лежал так с минуту с закрытыми глазами, а Виктория стояла окаменевшая. Она испугалась. Она увидела что-то в Богдане, чего никогда не видела в людях — от него исходило лёгкое сияние. Богдан открыл глаза, и Виктория ойкнула.

— Подойдите ко мне и посмотрите внимательно вон туда, — он показал ей рукой в правый верхний угол потолка, — прищурьтесь и всмотритесь как следует.

Виктория начала всматриваться, настороженно, внимательно, напряжённо, а ладони стали мокрыми.

— Да, я вижу. Написано «Прости, Марго», так?

Богдан кивнул, он уже не лежал, а сидел на столе.

— А кто она такая, эта Марго? Вы что-нибудь знаете о ней? — тихо спросила Виктория, — я не слышала. Он никогда её не упоминал.

— Да, нет, я тоже не знаю, — задумчиво протянул Богдан, — может быть, это даже и не женщина, а что-то условное. Он же был таинственный, скрытный. Мало ли. Надо подумать.

Но Богдану особо думать было не о чем. Марго опять отказала Орлову. Он пошёл на преступление, а его переход Богдан называл именно так, и ничего у него не получилось. Ну, то есть всё стало бессмысленным, когда он понял, что она не принимает его даров. И к тому же наделал непростительных ошибок. А деньги его никогда особенно не волновали. Даже Виктория это замечала. В человеческой истории всегда наибольшее количество самоубийств случалось среди обеспеченных или даже среди элиты. Скорее всего, он испугался вечной жизни, катящейся по кругу. Да и быть плохим, намного труднее, чем хорошим. Изначально нас слепили с хорошими намерениями, видимо. Интересно, сколько продержится Муслим?

— Я могу у Сухомлинского про неё спросить, но он вряд ли мне что-нибудь скажет. Это единственный человек, с которым Орлов по-человечески общался и иногда мне кое-что о нём рассказывал за завтраком. Он, бедолага, живёт на две семьи, и у него шестеро детей, какая-то смешная история. Хотя для следствия, например, он — она не договорила.

— Что вы подумали? — спросил Богдан.

— Не будет никакого следствия. Умер и всё. Богдан, а что всё-таки значит «Я желаю покинуть это измерение»? Мне кажется, вы многое мне не договариваете. Я понимаю, что вы, наверное, щадите мою психику и прочее. Но неужели Орлов был кем угодно, но только не сумасшедшим хиромантом.

— Я не знаю, что он имел в виду. Просто он хотел «уйти из этого мира» и называл его измерением. Многие так говорят.

Она ему не поверила.

— А что значит «меня не оживлять и не продолжать мою жизнь»? Ну, если человек написал такое перед самоубийством и решил это оставить в предсмертной записке, это что-

то же должно для него значить. Он ведь именно об этом просит и не о чём другом. Богдан, вы знаете ответ. Может, всё же скажете? И слезайте со стола, пойдёмте кофе, что ли пить, в другую комнату.

Богдану было с ней очень уютно. Ему нравился её голос и она сама. И главное, то, что она была совсем «земная». Они прошли на кухню, и Виктория включила электрическую кофеварку.

«Какой же я идиот! Как же я мог до сих пор этого не сделать!» Ему стало стыдно, что он до сих пор не освободил Викторину от её пагубной зависимости. Непростительная ошибка и халатность. Она что-то говорила, рассказывала про то, что Орлов был тираном, холодным, безразличным, но он любил жизнь. Она точно это знала. И обожал свою работу, потому что она давала ему безграничную власть. Он наконец к ней подключился. Она думала о детях. Она постоянно в своём сознании прижимала их к груди, то мальчика, то девочку с кудрявым белокурым хвостиком. Или видела их перед собой за столом, как они едят, или гуляют с ней по парку. Она действительно исстрадалась. Не зная материнской любви, он чувствовал эту любовь сейчас вместе с Викторией. У неё внутри светилась радость, блаженное возбуждение. Она старалась не показывать своего ликования, возможно, даже победы, но в глазах была теплота и медленно наступающее чувство освобождения, к которому он был тоже причастен.

— Видимо, он чего-то боялся. У него же были причины, чтобы такое совершить. Не могу вам сказать, что он точно имел в виду, — держался Богдан. Сказать половину правды было бессмысленно, а рассказывать всё по порядку без подготовки просто нельзя. Он наслаждался, смотря на то, как она готовит кофе, вытаскивает чашки, ставит вазочку с печеньем.

— Да чего он мог бояться? Он ничего не боялся. Если только инопланетян, — почти догадалась Виктория.

— Я разговаривал с Игорем. Он потрясён. Да и Марина тоже, — перескочил он на другую тему.

— Да? Может, стоит его сейчас сюда позвать? Ну, вместе с Мариной, конечно. Может, они прольют свет на то, что случилось. Они знали Орлова, как никто другой, — Виктория всё продолжала докапываться.

— Их можно позвать ещё и потому, что они хорошие люди, и их не следовало бы терять. Но, на мой взгляд, они мало, что могут прояснить. Виктория, здесь невозможно ничего понять до конца.

— Неужели никто не знал, кто такая Марго? — опять спросила она.

— Я не знаю, — ответил Богдан и услышал, как в телефоне щёлкнула СМС-ка.

«19.00 просьба быть в клинике лично». Богдан посмотрел на часы — времени было в обрез.

— Извините, Виктория, но мне срочно надо ехать, — он отпил два глотка из чашечки, которую она поставила перед ним.

— Ехать? — растерянно спросила она. — Ах, да, конечно!

— Мы будем на связи. Звоните, пожалуйста, не стесняйтесь. И готовьтесь к отъезду. Теперь вам вряд ли кто-нибудь будет мешать видиться с детьми.

— Мы ещё встретимся? Мы же не потеряемся? — осторожно спросила она.

— Почему нет? — улыбнулся Богдан и пошёл к выходу.

Кулон

Богдан зашёл в зал ровно в семь, но там никого не было. Сел в кресло, включил монитор и стал читать статью на китайском, которую никак не мог закончить. В статье говорилось о новом человеке с искусственно разработанной генетикой, с повышенной оперативкой мозга и всякой лабудой. Реальной наукой не пахло. А писал известный учёный со степенями. Значит, доступа у него нет. Богдан, собственно, это и искал — материалы, где были заметны хотя бы крупицы настоящих знаний. Да, раскрытие наделает шороху, и далеко не все это смогут пережить, не говоря уже о том, сколько человек вообще будет в состоянии это осознать и сохранить психику.

Он повернул голову и увидел перед собой Наами. Встал, выключил монитор, поздоровался.

— У меня есть новости, — улыбнулась Наами.

— Хорошие? — спросил для приличия Богдан. Последнее время его уже тошнило от новостей и разных неожиданностей, переворачивающих всё с ног на голову. Как в чересчур напичканном страшными сценами и чудовищами фильме ужасов в конце концов становится смешно, так и он уже начал терять остроту удивляться.

Она прошла к большому столу, что стоял в центре зала, и встала с одной из узких сторон. Потом показала Богдану рукой встать с противоположной стороны. В ее жестах чувствовалась какая-то торжественность. Богдан послушно подошёл в то место, которое она указала, и встал смиренно.

— Когда-то ты хотел выполнить поскорее задание и получить новую жизнь. Так?

— Ты всё знаешь, — кивнул Богдан, — я понятия не имел, куда я шёл, а главное, с кем.

— Чаще всего бывает именно так. Ты выполнил задание, Богдан, и ты свободен. Ты сожалеешь о чём-нибудь?

— Нет, я ни о чём не жалею. Кроме, может быть, того, что слишком мало знаю о мире, и это связывает мне руки. Есть много вопросов, на которые я не нахожу ответов, и есть вещи, о которых я даже не знаю, как спросить.

— Ты хотел бы остаться со мной? — Наами говорила чётким и повелительным голосом, как подобает Жрице, — я должна это спросить. Это касается твоего будущего.

— Да, Наами, я хотел бы остаться с тобой и продолжить борьбу. Я только начал слышать и понимать и ничего, в сущности, ещё не сделал. Но во мне есть силы и желание разобраться и победить.

Богдан заметил, что перед Наами на столе лежала небольшая блестящая беленькая коробочка. Она взяла её в руки и открыла.

— Подойди ко мне!

Богдан подошёл. Она подняла руки и надела ему на шею кулон в виде Сатурна, точно такой же, что был у неё на груди.

— Я принимаю тебя в воины, Богдан. Теперь ты один из нас. Пришло время нам сотрудничать с людьми с Поверхности ради общего спасения и любви к планете. Мы выбираем достойных.

— Наами, я не подведу, — он посмотрел ей в глаза. Она опять указала ему рукой встать у противоположной стороны стола.

Богдан встал, думая о том, как на груди висит нечто, что откроет ему двери в новое бытие и новое сознание. В это время открылась настоящая дверь, и в зал вошли четыре человека. Перед ним стояли Игорь, Марина и вторая пара, которую он видел впервые.

Наами исчезла.

— Это твои ученики, — услышал он её голос в голове, — теперь ты здесь главный, в клинике.

Богдан молча переваривал обещанные «хорошие» новости.

— Это Игорь, Марина, Полина и Георгий. Они остаются здесь, а завтра ты им расскажешь всё, что сочтёшь нужным.

Богдан широко улыбнулся своим ученикам и себе самому — новому.

Больше книг на сайте - Knigoed.net